

МЕЩЁРА КРАЙ 2015

МЕЩЁРА край

2015

АЛЬМАНАХ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ
МЕЩЁРСКОГО КРАЯ

Археодоксія
Москва
2015

ББК 84Р6
М 56

ИЗДАНИЕ НЕЗАВИСИМОЙ АССОЦИАЦИИ
ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ЗАПАДНОЙ МЕЩЁРЫ
«ГУСЛИЦКИЙ ПЕРЕКРЕСТОК»

Главный редактор **С. С. Михайлов**

Мещёра-край 2015: Альманах по истории и культуре Мещёрского края / Ред.-сост. С. С. Михайлов; Независимая ассоциация исследователей Западной Мещёры «Гуслицкий перекресток». – М., 2015. – 222 с., илл.

ISBN 978-5-9904801-6-2

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Обложка:

Лицевая сторона – старообрядческая «Черная моленная» в городе Орехово-Зуево (не сохранилась). Фото 1950-х гг.

Обратная сторона – памятник Ленину и двум революционным бойцам. Прежде стоял на одной из площадей города Егорьевск и именовался в народе «На троих». Рядом с ним был магазин, где в советское время всегда отоваривались любители горячительного. Они пили в сквере, где стоял монумент, расположившись на скамейках среди кустов. В несохранившейся руке Ильича выпивохи всегда хранили стакан. После перестройки этот предмет городской скульптуры был выброшен на свалку. Памятник подобрали владельцы автозаправки на окраине города, где он до сих пор и стоит.

ISBN 978-5-9904801-6-2

© С. С. Михайлов, составление
и редактирование, 2015
© Авторы статей

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ МЕЩЁРСКОГО КРАЯ

Галкин Т.О. Историография археологического изучения племени Мещёра.....	5
Михайлов С.С. Немного о прибалтийско-финском следе в центральной России.....	9
Никонов В.В. О разбоях и воровствах, которые происходили в XVIII и XIX столетиях близ Тумы и в других недалеких от нее местах. Записки Д.И.Ростиславова.....	18
Гаврилов А.П. Дамасские мечи в материалах культуры рязано-окских могильников.....	49
Михайлов С.С. Следующая станция «Беговая», «Веселые старты» или немного о «зайцах».....	56
Финкельберг Д.Д. Воспоминания о егорьевских врачах.....	74
Михайлов С.С. Ассирийцы в городах Западной Мещёры.....	81
Динер С.Э. Большой пожар в Егорьевске в 1868 году.....	98
Фролов А.А. Дом Дудочкиных. История одной русской семьи...	104
Суслов А.А. Церкви села Барановского.....	114
Ильичева А. Конобеево. Воспоминания Калабушкина.....	127
Некролог Николая Александровича Ленкова.....	134
Ленков Н.А. Голодомор.....	136

ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВА

Дело из Центра Хранения Документов до 1917 года о зазорном поведении священника единоверческой церкви Петра Митрополита из гуслицкой деревни Авсюнино, из фонда Московской Духовной Консистории.....	144
--	-----

МЕЩЁРСКИЙ ЮРТ

Баутдинов Г. Первый мулла.....	148
Абдиев Ф.Ш., Девликамов А.А. Еще раз про «Андреевский городок».....	154
Сафаров М.А. Повседневная жизнь татарского купечества в конце XIX - начале XX вв.....	160
Нурутдинов Т. Из истории костромских татар.....	177

СТАРОВЕРИЕ МЕЩЁРЫ

Михайлов С.С. Из истории старообрядческого храма-моленной в селении Язвищи Покровского уезда Владимирской губернии.....	182
Ершов А.П. История единоверческого храма в Радилове.....	189
Ершов А.П. Участники первой мировой войны – члены старообрядческих церковных общин Владимирской губернии в 1923 г. (на материалах ГАВО. Ф. Р-307. Оп. 2).....	193
Анкундинов А.И. Церковный раскол и состояние старообрядчества в Гороховецком уезде Владимирской губернии в XVII - нач. XX вв.....	201
Трусов В. Из рукописи французского шпиона об иконописцах.....	214
Михайлов С.С. Новая книга об истории церкви.....	216

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ МЕЩЁРСКОГО КРАЯ

Тимур Олегович Галкин

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории,
археологии и краеведения Гуманитарного института
Владимирского государственного университета.
г. Владимир.*

ИСТОРИОГРАФИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПЛЕМЕНИ МЕЩЕРА

Племя мещера является, пожалуй, наименее изученным в археологическом плане среди поволжско-финских племен. Первая попытка обобщения была предпринята в советское время в томе «Археологии СССР» «Финно–угры и балты в эпоху средневековья»¹, однако, информации было крайне мало, в силу плохой² или частичной³ публикации источников. Исчерпывающий источниковедческий обзор дан в работе Е.А. Рябина⁴. Однако, в настоящее время пришла пора несколько уточнить ряд выводов этой работы в свете последних археологических открытий.

Прежде всего, отметим, что целью данной публикации является обзор именно археологических источников, и лингвистические (топонимические и гидронимические) построения мы оставим за рамками работы. Интересующихся отсылаем к монографии Е.А. Рябина⁵, где они рассмотрены с максимально широким охватом.

Основные проблемы, которые стояли перед исследователями, занимающимися «мещерским» вопросом, были

- недостаточность археологического материала;
- позднее (относительно других поволжско-финских племен) летописное упоминание⁶;
- отсутствие надежной хронологической связи между культурой рязано-окских могильников (далее КРОМ), занимавших в более раннее время (III – VII вв.) территорию, впоследствии заселенную мещерой;
- участие пришлых славянских компонентов в этногенезе мещеры

¹ Голубева Л.А. Мещера // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987. С. 92, С. 286. Таб. XXXVIII.

² Иванов А.И. Раскопки в селе Пустоши, Судогодского уезда Владимирской губернии 1924 г. Владимирское издательство «Призыв» 1925 г.

³ Горюнова Е.И. Этническая история Волго-окского междуречья. М., 1961 Рис. 42, 17.

⁴ Рябинин Е.А. Мещера // Природа. №3, 1995. С. 96 - 104.

⁵ Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей. СПб., 1997. С. 214-235.

⁶ Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей. СПб., 1997. С. 214.

Если говорить о первом вопросе, то ситуация в последние десятилетия начинает медленно, но верно меняться в лучшую сторону. На городищах Терехово и Земляной струг, рядом с которым чуть позднее возникает Городец Мещерский, выявлены мещерские женские украшения, датированные X – XI веками⁷. Обращение к архивным материалам А. Иванова и Ф.Д. Нефёдова позволило Е.А. Рябину на новом уровне издать материалы могильников Пустошенского (Судогодский уезд Владимирской губернии) и могильников близ деревень Поповской и Парахиной (Касимовский уезд Рязанской губернии)⁸. В связи с увеличением источниковой базы наметились и пути решения вопроса о преемственности КРОМ и раннесредневековой мещеры. В результате работ на могильнике Барское 2 и могильнике Курман были получены данные, говорящие об их функционировании в конце I – начале II тыс. н.э.. Однако, находки мещерских украшений пока не дают ответа на вопрос, являлась ли мещера правопреемницей КРОМ или же заняла городища, разрушенные в результате вторжения кочевников в середине VII века н.э.. Именно в этот период фиксируются следы военного разгрома Тереховского городища, погребение знатного кочевника у села Арцыбашево⁹ и находка круга «древностей антов» на Елшинском городище¹⁰, что свидетельствует об изменении этнического состава населения Мещеры. Тем не менее очевидно, что финальные представители культуры рязано-окских могильников внесли свой вклад в этногенез мещеры¹¹.

Тот факт, что в ранних летописях на месте мещеры присутствуют черемисы, позволил Б.А. Куфтину¹² предположить, что поздние летописцы просто перенесли название местности (Мещера) на проживающие там славяно-финские племена, т.к. черемисы (мари – древнерусской летописи уже не жили на прежнем месте). С этой точкой

⁷ Ахмедов И.Р., Манькова Е.Г. Новые материалы по археологии рязанских финнов и раннесредневековой мещеры // Труды III (XIX) всероссийского археологического съезда Великий Новгород – Старая Русса. 2011 г. Том II. С.7-8.

⁸ Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей. СПб., 1997. С. 220.

⁹ Белоцерковская И.В., Ахмедов И.Р. Работы археологических экспедиций ГИМ на Оке: Некоторые итоги и перспективы изучения рязано-окских могильников III – VII вв н.э. //Археологические открытия 1991 -2004 гг. Европейская Россия. М., 2009 г. С. 283 -288.

¹⁰ Ахмедов И.Р., Манькова Е.Г. Новые материалы по археологии рязанских финнов и раннесредневековой мещеры // Труды III (XIX) всероссийского археологического съезда Великий Новгород – Старая Русса. 2011 г. Том II. С.7.

¹¹ Там же.

¹² Куфтин Б.А. Материальная культура русской мещеры. Ч. 1. М., 1926.

зрения не согласился А.Л. Монгайт в своей фундаментальной работе «Рязанская земля»¹³, который отметил, что «остается археологически устанавливаемый факт существования какого – то чудского племени, выделяемого по племенному наряду в северных районах Рязанской земли. Это не меря и не мордва. Мы можем условно называть его мешчерой»¹⁴.

Соотношение мешчеры и славян особенно хорошо заметно в массиве касимовских курганов. Остается только посетовать на тот факт, что в настоящее время эти курганы активно грабятся т.н. «черными археологами» и богатейшие коллекции мешчерских древностей уходят от официальной науки, оседая в частных коллекциях¹⁵.

Курганный обряд захоронения в целом не характерен для средневековых финно-угров. Пестрота находок в могильниках, частое присутствие этноопределяющих вещей, как финских, так и славянских, в одном и том же захоронении, говорит скорее об ассимиляции пришлыми славянами местного финского населения и о некоем синкретизме погребального обряда. Комплексы вещей еще во многом остаются финскими, но погребальный обряд уже становится славянским.

Среди этноопределяющих славянских вещей выступают браслетообразные височные кольца с завязанными концами, характерные для территорий, заселенных кривичами, узкорогие лунницы, прорезные бубенчики, кресало, принадлежащее к типу коротких овальных огнив, появляющихся, по новгородским данным, в XII в. Эти данные позволяют датировать курганные касимовские могильники XII – XIII веками. В этническом плане они характерны для смешанного славяно-финского населения. Стоит отметить, что в более ранних, грунтовых могильниках встречается принципиально иной набор погребального инвентаря: спиральные перстни, разнообразные типы шейных гривн (всего 5 типов), витые завязанные браслеты, луновидные наборные подвески (этноопределяющий признак именно мешчеры)¹⁶.

В своё время Е.А. Рябинин, отмечая активные процессы метисации мешчеры с соседними финно-угорскими племенами, в качестве примера приводил курганы в д. Бессониha и с. Ачкасово у Москвы – реки, в которых встречаются мешчерские элементы (в основном, типично мешчерские наборные подвески с арочными выступами)¹⁷.

¹³ Монгайт А.Л. Рязанская земля М., 1961. – 390 с.

¹⁴ Там же. С 117.

¹⁵ См. например крупнейший ресурс: <http://domongol.org/>

¹⁶ Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей. СПб., 1997.С. 230. Таб 6.

¹⁷ Там же. С. 232.

Наиболее дальняя от территории расселения мещеры находка «круга мещерских древностей» встречена в Верхневолжье, в Тимеревском археологическом комплексе.

В слое могильника, перекрывавшем северо-западную часть селища X века, среди погребений, совершенных по обряду ингумации, обнаружен браслет мещерского типа с 3 надетыми на него кольцами¹⁸. И на данный момент это самое восточное проникновение круга мещерских древностей.

Е.А. Рябинин совершенно верно отмечал в 1997 году, что мещера по всей видимости сложилась в контактной зоне городецких и позднедьяковских племен, не исключая влияния мерянского компонента. И подобное утверждение имеет под собой надёжную археологическую почву. Ряд обследованных городищ в нижнем течении Оки (Меленковский р-он) среди керамического материала имеет как текстильную (позднедьяковскую), так и рогожную, традиционно связываемую с городецкой культурой, керамику. Как отмечал В.П. Глазов, «одновременное нахождение в одном слое керамики двух этнических групп финно-угров может говорить о том, что Нижнее Поочье находилось в районе пограничных контактов двух археологических культур раннего железного века лесной полосы Северо-Восточной Европы»¹⁹.

Мнение Е.А. Рябина о том, что слишком большой хронологический разрыв между культурой рязано-окских могильников и достоверно мещерскими памятниками XI – XII веков не даёт возможности возводить мещеру к этой культуре, в последнее время поставлен под сомнение, о чём мы писали выше.

Суммируя вышесказанное, отметим, что мещера по-прежнему остается «трудноуловимой» в археологическом плане культурой, однако изменения последних 20 – ти лет дают нам основания с надеждой смотреть на решение вопросов об этнической принадлежности и территории расселения этого поволжско-финского племени.

¹⁸ Рябинин Е.А. Средневековая мещера: опыт историко-культурной интерпретации // Древняя Русь: новые исследования (Славяно-русские древности. Вып. 2.) СПб., 1995; Седых В.Н. Новые данные к истории Великого Волжского пути // Великий Волжский путь. Казань, 2001 г. С. 177; Седых В.Н. Этнокультурная ситуация в Ярославском Поволжье в IX—XI вв. // Medieval Europe. 4th International Congress of Medieval and Modern Archaeology Paris 2007. Рис. 15.

¹⁹ Глазов В.П. Археологическое обследование Меленковского и Муромского районов в 1976 году // Архив ИА РАН Р-1. № 9673. Л. 18.

НЕМНОГО О ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОМ СЛЕДЕ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ

Очень часто, когда слышишь повествования всевозможных экскурсоводов и прочих не совсем сведущих «специалистов» о дославянском прошлом областей Центральной России, то обязательно узнаешь, помимо мери и муромы, о чуди, веси и т.п. Нередко два последних этноса в Московский, Владимирский, Костромской и другие регионы «поселяют» и вроде бы серьезные авторы.

Данный материал является не более, чем одна из попыток осмыслить наше дославянское прошлое и осознать свои дославянские корни. Финский след в нашей истории и культуре огромен, но он так причудливо вплетен в общую «русскую» культуру и общее «русское» наследие. Для выяснения этого необходима огромная работа. Прежде всего обращают внимание на топонимику, которая также сохранила огромный пласт финского наследия. Среди финских, или вроде бы финских названий есть и те, которые хранят память о таких известных финских этносах, как весь и чудь. В последнем случае, разумеется, мы имеем дело с собирательным именем, под которым в древнерусскую эпоху часто подразумевали представителей прибалтийско-финского мира. Названия селений, произошедшие от этих двух названий народов до сих пор можно встретить во многих центрально-русских областях. О таких географических именах нам и хотелось бы поговорить.

То, что в регионы Центральной России шел значительный поток миграции из района Великого Новгорода, факт весьма известный. К величайшему сожалению, из-за победы в противостоянии разных русских государственных образований Москвы, о роли в становлении русской цивилизации других центров мы знаем крайне мало. Историю, как известно, пишут победители и прошлое нашей страны известно по большей части из промосковских источников. Посему мы знаем, что Москва – единственная древнерусская столица, которая заботилась об объединении раздробленных земель. Остальные – Тверь, Рязань, а в особенности, конечно же, республиканский Великий Новгород, только и занимались тем, что тянули одеяло на себя, занимались сепаратизмом и хорошей, белой и пушистой Москве только мешали заниматься благородным делом. Но, объединись Россия вокруг Твери или Рязани, мы бы знали о москвичах как о врагах общерусской идеи. Но повезло москалям и именно им и удалось долгие века морочить мозги потомкам.

В числе новгородских колонистов, помимо ильменских словен были и представители прибалтийско-финского мира из разных уголков земель Великого Новгорода. Об этом свидетельствуют и археологи. Например, Е.И. Горюнова, в своем известном труде «Этническая

история Волго-Окского междуречья» писала: «По этническому составу новгородская колонизационная волна была неоднородна. Она состояла из словен, ославянившейся «чуди» и «веси»...»¹ «...по рекам Мологе и Шексне шла древнейшая колонизационная волна новгородских словен, ославянившейся чуди и веси в Волго-Окское междуречье...»².

Пытаясь разобраться с топонимами, которые могли бы свидетельствовать о волне (или волнах) прибалтийско-финской колонизации исконных мерянских, муромских и мещерских регионов, которая шла в составе колонизации новгородской, прежде всего следует обратить внимание на названия, связанные с именами двух известнейших финских этносов, не характерных для Центра России, но характерных для Севера и Северо-Запада – **чудь** и **весь**. Учитывая, что со временем многие сельские населенные пункты меняли свои названия или же вовсе исчезали, мы решили при их выявлении опираться на справочные издания вышедшие до 1917 года, когда таких селений было еще относительно много, а также их существование фиксировалось в различной литературе, посвященной той или иной губернии. Понятно, что многие интересующие нас имена исчезли еще ранее и об их существовании можно ныне узнать далеко не всегда.

В книге К.И. Тихонравова «Статистический список населенных местностей Владимирской губернии», вышедшей в 1857 году, мы встречаем **село Весь**, Судогодского уезда, расположенное на реке Ирмезь,³ а также и деревню под именем **Ладога**, Владимирского уезда, находившуюся всего в восьми верстах от гор. Владимира и имевшую всего 8 дворов.⁴ Указанное селение сохранилось донине и входит административно в состав Судогодского района.⁵ Оно расположено по правому берегу Клязьмы, чуть поодаль от самой реки.

Еще в начале XX века, на территории Владимирской губернии существовало 13 сельских населенных пунктов, названия которых могли произойти от этнонима весь: Большие и Малые Вески, Вески в Александровском уезде, сц.Вески, д. Веска, сц. Веска, д. Веслево, с. Веськово в Переславском уезде, д. Вески, село Веска, сц. Веска, Веснево в Юрьевском уезде, село Весь Суздальского уезда.⁶

¹ Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961, С.185.

² Кучкин В.А. Ростово-Суздальская земля в X – первой трети XIII веков (центры и границы). // История СССР. М., 1962, №2, С.63.

³ Тихонравов К.И. Статистический список населенных мест Владимирской губернии. Владимир, 1857, С.27.

⁴ Там же, С.9.

⁵ Список населенных мест Владимирской губернии. Владимир, 1905. С.3, 12, 155, 158, 163, 164, 240, 253, 263, 265, 277.

⁶ Атлас Владимирской области. «Арбалет». М., 2003, С.56.

Кроме указанных селений, есть еще и небольшая речка **Веска** (возможно – Вёкса), приток реки Селекша (правый приток р. Нерль). Она течет к северо-востоку от села Сима, севернее города Юрьев-Польского.⁷ Не так уж и далеко оттуда протекает небольшая речка **Вескоболка**, с длиной водотока всего 22 километра. Она является левым притоком реки Ворша, притока Клязьмы.⁸ «Бол» в мерянском языке по мнению исследователей означало «селение». Здесь можно предположить два варианта происхождения этого топонима. В первом варианте, изначально речка именовалась, как и другие подобные водоемы, «Веска». На ее берегах появилось мерянское селение, которое по водоему получило название «Вескобол». Уже по этому названию и речка из «Вески» стала «Вескоболкой». Во втором варианте можно предположить, что селение было населено представителями веси и от этого стало называться по-мерянски «Вескобол» = «селение веси». Понятно, что в этом случае соседние населенные пункты имели иное в этническом плане население. Судя по присутствию в топониме «бол» - мерянское. Отсюда и речка получила свое наименование.

Но, касательно этого речного топонима, надо сразу же вспомнить и крайне близкое к нему Вёкса. Одна река с таким названием вытекает из Плещеева озера, кстати, в тех же краях, что и расположены селения с именем Веска. Еще одна Вёкса вытекает из озера Неро возле Ростова Великого. Далее есть Вёкса вытекающая из Галичского озера в Костромской области. Речка Векса известна и в Солигаличском, и в Чухломском уездах.⁹ Есть р. Векса в Вологодской области. Из Ладожского озера вытекает река Вуокса. По наиболее правдоподобной версии, название этих рек, а, как правило, они вытекают, за небольшим исключением, из озер, происходит от финского *vuoksi* в значении «поток». Касательно этих рек, то скорее всего они получили свои имена от мерянских обитателей регионов, где протекают. Возможно, мерянское слово было очень близким финскому-суоми. Н.П. Барсов, в своих «Очерках Русской исторической географии», приводит названия речки Вески, левого притока реки Костромы, село Вески в Волоколамской уезде (со ссылкой на исторические документы), Вески к югу от Калязина...¹⁰ Но, не исключено, что во времена новгородской миграции в этих уголках компактно, среди родственной мери, обосновались выходцы из уголков земель веси. Слово из их языка по ряду причин могло оказаться более конкурентно способным для названия указанных рек, нежели более древнее мерянское, или же славянское. Возможно, что компактного веского населения здесь оказалось куда больше, нежели мерянского или славянского. Весь вместе с новгородцами од-

⁷ Земля Владимирская. Географический словарь. Владимир, 1991, С.28.

⁸ Список населенных мест Костромской губернии (по сведениям 1907 года). Кострома, 1908, С. 254, 262.

⁹ Атлас Владимирской области... С.8.

¹⁰ Барсов Н.П. Очерки Русской исторической географии. Варшава, 1885. С.50.

нозначно могла поселиться в районе города Клевшин, на Плещеевом озере, в районе Ростова, а также и в районе такого центра, как Галич Мерьский...

Однако, с топонимом «Вёски» далеко все не так просто. В современной Беларуси есть шесть населенных пунктов (деревень) с названием «Новая Вёска», которые находятся в Минской и Витебской областях, по три в каждой. Информацию о них легко можно найти в Википедии. В статье «Происхождение названий белорусских селений», на «Белорусском портале в Казахстане» ([belarus.kz>kultura/nazvanie_selenij](http://belarus.kz/kultura/nazvanie_selenij)) хорошо поясняется, что означает «вёска» на белорусском языке. «Белорусское слово вёска произошло от древнего весь, весея, что значит дом, поселение. Отсюда названия Вёска, Новая Вёска, Старая Весь», «Вёска значит пашня», «Русское слово **деревня** соответствует белорусскому **вёска**. Оно имеет разный смысл. В одних местах оно означает пашню...». Исходя из этого, напрашивается еще одна, весьма серьезная версия о появлении рассматриваемых нами названий. Но, в таком случае, чтобы оставить такой обильный куст имен селений было бы необходимо какое-то массовое (не побоюсь этого слова) переселение в район Переславля-Залесского и некоторые ближайшие к нему местности жителей территории нынешней Беларуси. Никакой информации о таком переселении в исторических документах мы не находим. Однозначно, при основании Переславля, Юрий Долгорукий селил сюда жителей Переславля Южного (ныне Переславля Хмельницкого) и, что наверняка могло быть, селян из его окрестностей. Но последних явно было не так много и если даже слово «вёска» в вышеприведенном варианте существовало и на территории современной Украины, то вряд ли бы переселенцы XII столетия решились бы обосноваться в уголках, пусть даже немного отдаленных от города. Для них местные леса и глухомани в то время были страшны и непонятны. Если бы даже в определенный исторический период на Переславскую землю и прилегающие к ней местности произошла бы какая-то миграция жителей Беларуси, то помимо «Вёсок» они оставили еще какие-то названия, характерные для своей исходной местности. Большое сосредоточение на относительно небольшом пространстве почти одноименных селений наводит на мысль, что «белорусских» географических имен здесь должно было быть весьма много. Но их здесь нет.

Существование большого куста названий населенных пунктов созвучных с именем древнего прибалтийско-финского народа наводит на мысль, что они обязаны своим возникновением именно ему. Компактность же их расположения свидетельствует о стремлении древних колонистов-веси обосноваться на новых землях поближе к соплеменникам. Также в пользу последнего толкования может свидетельствовать и речка Веска, существующая среди сохранившегося куста финно-угорских, но никак не славянских топонимов (Нерль, Селекша и проч.). Да и, вспомнив о названиях типа Вёкса, которые мы

видели выше, крайне трудно предположить, что славянские десанты с территории Беларуси высадились во всех указанных местах, причем оставив потомкам только один топоним в разных местах.

Но, глядя на куст этих топонимов, а также сравнив его с аналогичными топонимами тех мест, где весь являлась не пришлой диаспорой, а коренным дославянским населением, хочется предположить следующее. Весь в районе, расположенном вокруг Переславля-Залесского являла собой анклав, который видимо на этапе расселения этого народа оторвался от основного массива и поселился среди родственной мери. Мы можем провести параллели с весскими и чудскими топонимами, которые нанесены на карту в книге Голубевой «Весь и славяне на Белом озере».¹¹ Здесь надо обратить внимание и на то, что рассматриваемый нами комплекс расположен не так уж далеко от основного массива расположения таких названий. Так что данная версия не кажется фантастической. Возможно, что последний этап расселения веси в рассматриваемом регионе пришелся уже на время новгородской колонизации.

Теперь перейдем к топонимам, которые произошли от этнонима «чудь». С ними ситуация обстоит гораздо сложнее, поскольку ряд топонимов однозначно с именем древнего народа не имеют ничего общего, а произошли от русских слов «чудить», «чудак», «чудо». Предположить, что название села принесла именно волна переселенцев из Новгородской земли однозначно можно лишь когда речь идет о селе Чудь прежнего Муромского уезда Владимирской губернии (сейчас – в Навашином районе Нижегородской области). Но, лучше приведем ряд подобных топонимов.

В той же Владимирской губернии на начало XX столетия, помимо упомянутого муромского села, существовали деревня Чудская Гороховецкого уезда и деревня Чудиново Вязниковского уезда.¹² В то же самое время на территории Костромского края зафиксированы: село Чудь и деревня Чудово в Макарьевском уезде, деревни Большая и Малая Чудь Юрьево-Воскресенского уезда, две деревни Чудь (в Золотиловской и Сидоровской волостях) Нерехтского уезда, два погоста Чудца (Селецкой и Воскресенской волостей) и деревня Чудиново Галичского уезда, деревня Чудовская Чухломского уезда, деревни Чудово и Чудиха Варнавинского уезда.¹³

В Ярославской губернии такие топонимы известны: две деревни Чудиново (Андреевской и Шиготской волостей) Романово-Борисоглебского уезда, дер. Чухолда Ростовского уезда, три деревни Чудиново (Глебовской, Чудновской и Николо-Зазубровской волостей) Ры-

¹¹ Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере. X – XIII вв. М., 1973. С.11.

¹² Список населенных мест Владимирской губернии. Владимир, 1905. С.61, 76, 150.

¹³ Список населенных мест Костромской губернии... С.25, 34, 82, 96, 203, 216, 221, 236, 273, 296.

бинского уезда, дер. Чудинка Пошехонского уезда, дер. Чудиново Любимского уезда, дер. Чудиново Ярославского уезда. Здесь также следует отметить, что в Любимском уезде была и деревня Новгородово, которая вполне может быть одним из следов новгородской колонизации.¹⁴

В Московской губернии, в 1859 году, зафиксированы село Спасское (Чудиново) в Серпуховском уезде и деревня Чудинское (Чудинки) на р. Чудинке в Богородском уезде.¹⁵ Подобные топонимы можно легко найти и во многих других регионах. Скорее всего, многие названия типа «Чудиново» к прибалтийской чуди никакого отношения не имеют. Но, над названиями «Чудь» все-таки следует задуматься. Понятно, что над каждым конкретным названием надо работать отдельно. Не исключено, что какие-то из них могли произойти от прозвищ или фамилий владельцев. В Костромской крае такие топонимы вполне могли произойти благодаря мерянскому населению. По Горюновой, в северной части Костромского Заволжья «чудью» именовали местную мерю. Летопись Воскресенского монастыря XIV столетия говорит, что у Соли Галичской живет чудь. Чухлома называется «Чудским городом», а Чухломское озеро – «Чудским озером». Тогда же упоминается и вышеприведенный погост Чудь Макарьевского уезда.¹⁶ Здесь явно не представители волны, которая прибыла из Новгородской земли и массово заселила окрестности Чухломы. Также и в середине XIX века авторы одного из серьезных описаний Российской Империи, повествуя о древнем населении Владимирского края, написали «...и Меря (Чудь)...».¹⁷ Однако, сразу возникает вопрос, почему только в ряде Костромских и Владимирских местностей мерю называли «чудью», а в других местах она нам преподносится под своим собственным именем? Не исключено, что такое прозвание финно-угорского народа принесли в сей край новгородцы. Кстати, не исключено, что когда мы имеем дело с «чудскими» топонимами рассматриваемого региона, то и прибалтийская чудь здесь не причем. И село под Муромом, и другие названия могли быть даны новгородскими переселенцами, которые для наименования представителей финского мира знали только одно «имя». Вопросов здесь куда больше, нежели ответов.

Но, на этом прибалтийско-финская история в уголках Центральной России, который истари считаются мерянскими или повол-

¹⁴ Список населенных мест Ярославской губернии. Ярославль, 1907. С.10, 81, 86, 166, 194, 228, 240, 265, 273, 286.

¹⁵ Список населенных мест по сведениям 1859 года. Т.24. Московская губерния. СПб., 1862. С.36, 215.

¹⁶ Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961. С.248.

¹⁷ Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. VI. Ч.2. Владимирская губерния. СПб., 1852. С.141.

жско-финскими (мещерскими, муромскими) не заканчивается. В XVII столетии, под давлением шведов, вглубь теперь уже русских территорий (ранее они были заселены весью и другими древними народностями) уходили карелы. Самой крупной карельской группой, сформировавшейся в тот момент, были тверские карелы, которые существуют до сих пор. Но, маленькие карельские диаспоры появились во многих местах. Об их географии до сих пор свидетельствуют населенные пункты «Карелы», «Карельское», разбросанные по многим центрально-русским областям. Мы не будем касаться огромной темы тверских карел – это отдельный большой разговор. Попробуем поговорить только об исчезнувших маленьких карельских общинах.

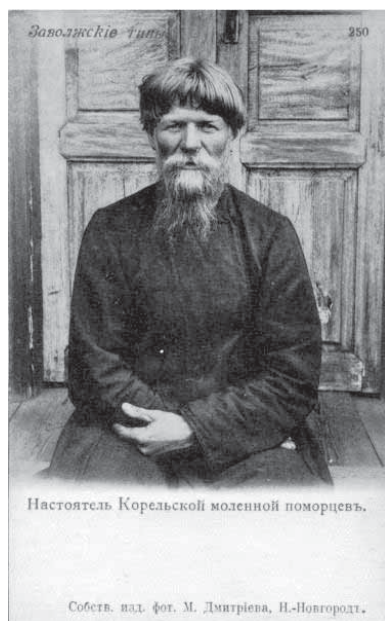
В «Военно-статистическом обозрении Российской Империи», составленном офицерами Генерального Штаба в середине XIX века, мы нашли следующие важные сведения о карелах, касательно города Переславля-Залесского. *«Отдельный народ по языку, характеру и некоторым привычкам представляет только Рыбачья колония, поселившаяся со времен Петра Великого при устье реки Трубеж, в г. Переяславле-Залесском. Она вся состоит из Кореллов, переведенных Петром Великим на берега Плещеева озера, на помощь мастеру Бранту, для постройки судов. По переселении верфи на другое место, им отдана была за их заслуги, на вечные времена, рыбная ловля в озере, и с тех пор, из нескольких семейств, образовалась колония, состоящая из 102 душ муж. и 150 д. жен. пола. Не смотря на лишком 150-летнее пребывание в кругу Русского народонаселения, Кореллы сохранили свой язык, на котором постоянно говорят между собою, зная впрочем и по русски; женятся тоже больше между собою.»*¹⁸

Во Владимирской губернии в начале XX в. было несколько топонимов, связанных с карелами. Это: 1. С. Корела, Тирибровской волости, Александровского уезда, 2. Корельская слободка, Тумской волости, Суздальского уезда. 3. Д. Корелкино, Драчевской волости, Меленковского уезда.¹⁹ В Юрьевецком уезде Костромской губернии в начале XX столетия фиксировался овраг «Корела». В той же губернии показаны и населенные пункты и кордоны, в названии которых видим «карельский след»: 1. выселок Корелино, Макарьевской волости, Варнавинского уезда, 2. Две деревни Корелиха в Лапшангской волости того же уезда. 3. деревня Корелы Хорошевской волости Ветлужского уезда, 4. Кореловский кордон Шудской волости Варнавинского уезда и, 4. Корельский кордон Ковернинской волости Макарьевского уезда.²⁰ О «карельских» названиях Костромского края мы чуть подробнее остановимся чуть ниже.

¹⁸ Там же. С.142.

¹⁹ Список населенных мест Владимирской губернии. Владимир, 1905, С.30, 239, 240.

²⁰ Список населенных мест Костромской губернии, С. 30, 31, 43, 70, 202, 298.

Старообрядцы деревни Корельская, на открытках М. Дмитриева

Мы полагаем, что, к примеру, в той же Владимирской губернии, карельских колоний было значительно больше, чем нам известно населенных пунктов и названиями, произошедшими от карельского этнонима. По нашим сведениям, на пограничье Ногинского района Подмосковья и Владимирской области еще в конце XX столетия старики помнили, что когда-то, лет за 150 до этого, к округе жили старики, которые знали какой-то непонятный язык и говорили между собой на нем. Более молодые поколения их семейств уже знали только русский. От тех мест не так уже и далеко до ближайшей деревни Корела и кроме карел, более мы никого не можем подозревать в происхождении той этнической группы, к каковой принадлежали эти старики.

В Центральной России сохранились следы и еще одной волны карельских переселенцев. Она связана с миграцией из Поморья групп старообрядцев. Одним из следов этой волны как раз является небольшой пласт карельской топонимики в Ковернинском крае. Там жило преимущественно старообрядческое население поморского согласия.

Также интересный след такой волны мы встречаем в знаменитых старообрядческих Гуслицах, на востоке Подмосковья. Восточная часть Гуслиц, административно выделенная после 1862 года в Дорховскую волость, в прошлом именовалась Раменье. Подавляющее большинство местных жителей до начала XX века исповедовало старообрядчество. В прошлом местные старообрядцы принадлежали преимущественно к поморскому согласию, но потом сменили свою исконную веру на согласие белокриницкое. Но, небольшие группы поморцев продолжали проживать в местных деревнях. Одним из наиболее поморских селений являлось сельцо Никитское, располагавшееся непосредственно возле центра местности – погоста Рудня (сейчас оба населенных пункта слиты в один). Здесь все жившие поморцы носили одну фамилию – Кареловы. Более нигде в Гуслицах и на сопредельных территориях эта фамилия не встречается. Вполне возможно, что предки Кареловых прибыли сюда, в местность, где на тот момент жили их одноверцы, Позже большинство поморцев стали поповцами (в Никитском кроме поморцев жили адепты господствующего исповедания), но потомки семьи выходцев из Поморья остались верными своей исконной вере. Сразу возникает параллель с поморцами, оставившими пласт «карельской» топонимии в Ковернинской волости Марьевского уезда, о котором мы упомянули чуть выше.

Следы переселения в регионы Центральной России вместе с колонистами из Великого Новгорода и Новгородской земли представителей прибалтийско-финского мира в той или иной степени сохраняются до настоящего момента. Они остались прежде всего в топонимике мест, где эти представители селились. Также относительно легко найти и следы пребывания более поздней волны переселенцев – карел. О пребывании в той или иной местности последних, благо происходило это уже сравнительно поздно, сохранились и письменные упоминания.

Участие прибалтийско-финского этнического элемента в этногенезе русских Центральной России – важная страница общерусского этногенеза. Это также является и очередным ударом по теории славянского происхождения русских и русской культуры. Те же ильменские словене к моменту сложения в новгородцев, успели ассимилировать огромное количество автохтонного финского населения северо-востока России. До прихода на берега Волхова и Ильменя они также вобрали в себя немалое число неславянских элементов. Что же касается традиционной культуры, то очень часто переселенцы перенимали многие ее элементы от местных жителей. Этот важнейший момент русской истории еще ждет своего исследования и осмысления.

О РАЗБОЯХ И ВОРОВСТВАХ, КОТОРЫЕ ПРОИСХОДИЛИ В XVIII И XIX СТОЛЕТИЯХ БЛИЗ ТУМЫ И В ДРУГИХ НЕДАЛЕКИХ ОТ НЕЕ МЕСТАХ.

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА.

Публикацию подготовил Вадим Вадимович Никонов,
научный сотрудник ГГХПИ, Гжель.

ДИМИТРИЙ ИВАНОВИЧ РОСТИСЛАВОВ,
ПРОФЕССОР С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.
† 1877 г.

Димитрий Иванович Ростиславов – профессор и Инспектор Санкт-Петербургской Духовной Академии, писатель, родился в 1809 году в селе Шеянки, неподалеку от Николаевской Тумы в Касимовском уезде Рязанской губернии. Происходил из духовного звания, был сыном священника, родом из Рязанской губернии села Палищ, Касимовского уезда. Образование получил в Касимовском и Рязанском духовных училищах и в Рязанской семинарии, а высшее — в Санкт-Петербургской духовной академии. По окончании курса академии, Д.

И. Ростиславов был утвержден в степени магистра и определен бакалавром по кафедре физико-математических наук в той же академии. В 1835-1836 гг. исправлял должность профессора физико-математических наук, а в 1838 году был назначен ординарным профессором. Любовь профессора к предметам своих лекций, ясность и общедоступность изложения, привлекали в аудиторию многочисленных слушателей, ввиду чего высшее начальство в 1842 г. признало необходимым объявить слушание лекций по физике, математике и всеобщей истории, обязательным для всех студентов, тогда как раньше выбор их был предоставлен самим студентам. Стараниями Димитрия Ивановича, во время его профессорства, был устроен довольно полный физический кабинет, снабженный многими инструментами, собрана была и библиотека по физике и математике. Но духовное начальство на все эти нововведения смотрело не вполне одобрительно, и в 1840 году, по собственному прошению, Ростиславов был уволен из духовного звания в светское, а в 1847 году произведен в статские советники. Во время своего пребывания при Академии он несколько раз на короткое время исправлял должность Инспектора академии, а также в продолжение 12 лет – с 1834 по 1846 гг. – был экономом академии.

В 1852 году Д. И. Ростиславов по болезни вышел в отставку и поселился в Рязани. В скором времени он снова принялся за педагогическую деятельность: испросил у Синода разрешение на бесплатное чтение лекций по физике в Рязанской духовной семинарии. В аудиторию его устремились толпы посторонних слушателей. О лекциях Ростиславова заговорил весь город, но многие отнеслись с подозрением к лекциям по важнейшей отрасли естествознания, особенно, когда он начал еще читать лекции по астрономии, метеорологии, физической географии и геологии. Многолюдство слушателей побудило профессора перенести свою аудиторию в зал Благородного собрания, где лекции и читались в 1860, 1861, 1862 и 1866 годах.

В этот период жизни Димитрий Иванович отдает много времени и сил научным трудам. В 1863 г. в Лейпциге выходит его книга "Об устройстве духовных училищ в России". Она была принята весьма сочувственно, ее успех поощрил автора к дальнейшему труду и в 1866 году он отпечатал в Лейпциге новый труд: "Черное и белое духовенство в России". С того времени до конца своей жизни Ростиславов посвятил себя исключительно литературным трудам. Замечательнейшим из них был "Опыт исследования об имуществе в доходах наших монастырей", изданный в Санкт-Петербурге в 1872 и 1876 гг. Четвертый, громадный его труд, оставшийся в рукописи, имеет предметом обозрение степеней веротерпимости

во всех древних и новых религиях, равно во всех исповеданиях и ересях христианского учения.

Также в конце жизни он пишет свои автобиографические записки, часть которых, описывающая нравы, царившие вдоль Касимовского тракта, публикуются в альманахе. Полный текст записок увидел свет в издании «Русская старина» в начале 1880-х годов, уже после смерти автора.

Димитрий Иванович скончался внезапно, 18 февраля 1877 года, имея от роду 67 лет и шесть месяцев. Он жил и умер холостяком и трудовые свои деньги посвящал на пользу многочисленным родственникам; слыл за человека богатого, расчетливого, а между тем, не оставил по себе никакого состояния.

Димитрий Иванович написал краткие замечания к своим запискам, где обозначил их «цель и значение», которые выразительно свидетельствуют об отношении к ним автора. Вот некоторые выдержки:

«В течение всей своей жизни я не занимал никакой высокой административной должности, не приобрел большой известности своими учеными или литературными трудами, не умел нажить большое состояние; даже вообще мало имел сношений с богачами, с учеными и чиновными людьми, и с аристократами. Между современниками моими я не играл заметной роли, не имел особенного значения. Таким образом, события моей жизни нисколько не могут интересовать потомство и биография моя, ограничиваясь ими одними, была бы вполне бесполезною; разве только мои родные, да несколько друзей и знакомых прочитали бы ее не без любопытства. Но проживши довольно долгое время на белом свете, я волей-неволей сближался и даже сталкивался с лицами всех сословий, имел возможность наблюдать над моими современниками, не мог не занять их обычаям, предрассудков, слабостей и проч. <...> Особенно же мне хорошо известно положение крестьян, духовенства и духовно-учебных заведений.

Родился и до 10-ти лет жил я в селе, рос и играл с крестьянскими детьми. Поступивши в училище, я все-таки месяца по три в году жывал в доме отца и участвовал во всех сельских работах. После на службе и в отставке, я преимущественно был городским жителем, но и в это время от деревни я не был отдален китайскою стеной — некоторые из крестьян были моими знакомыми, другие, гораздо в большем количестве, прихаживали ко мне посоветоваться о своих делах, затем мои родственники, большею частью принадлежа к духовному сословию, жили в селах. <...>

Для многих, по всей вероятности, покажутся циническими некоторые из моих описаний, особенно те, где я говорю о телесных наказаниях. Правда, что описание их не только цинично, но иногда, пожалуй, особенно неприятно. Но что же делать? Ведь надобно знать будущим нашим потомкам то, что испытывали мы — их

предки. Иначе читатель никак бы не составил понятия о тех отвратительных подробностях и церемониях, которые происходили при этих случаях, и, следовательно, далеко не имел бы правильного понятия о характере нашего времени и не мог бы объяснить тех грубых выходов, которыми мы отличались».

**О разбоях и воровствах, которые происходили
в XVIII и XIX столетиях близ Тумы и в других недалеких
от нее местах.**

Мы, учившиеся чему-либо происходившие из Тумы, любили, бывало, отыскивать этимологическое значение этого названия, и находили, что в русском языке только и есть одно слово тумак, которое может иметь один и тот же этимологический корень с Тумою. Тумаком обыкновенно назывался сильнейший удар, который мог наносить один человек другому; дать тумака почти то же значит, что убить до смерти. Не знаю, которое из двух слов – Тума или тумак – надобно признать однокоренным, а другое производным, или они оба имеют общий им корень в языке какого-либо старинного финского племени [1]; но надобно сознаться, что, не задолго до моего рождения, Тума и тумак имели более, нежели одно этимологическое сходство.

Уже в царствование Екатерины II-й Тума была, по народному выражению, разбойничьим селом, или, по крайней мере, притоном для разбойников. От моего дедушки Мартына я много раз слышал, что разбойники, промышлявшие около Тумы или в ней самой, большею частью принадлежали по своему происхождению к местному духовенству. При Екатерине многие именно взрослые дети духовенства, нигде не учившиеся, никуда не приписанные, должны были поступать в военное звание. Оно им не понравилось; надобно же было где-либо проживать и чем-либо промышлять. В Туме были их родные, знакомые, даже отцы и братья; село стояло на проезжей дороге, была хорошая и пожива, – зачем же искать другого пристанища? Сначала, может быть, они открыто жили в домах, но когда полиция стала их преследовать, то надобно было скрываться в подпольях, овинах, погребках, на сенниках и пр., или даже вырывать землянки в соседних лесах.

Между добрыми молодцами, происходившими из духовного звания и занимавшимися около Тумы разбоем, был даже наш родственник Кузьма Михайлович. Когда, при Екатерине II, было предписано всех безместных церковников завербовать в солдаты [2], то Кузьма Михайлович бежал с какими-то Иваном Григорьевым и Самойлою; все они бродили около Тумы по лесам и занимались надзором над большою дорогою и чужими амбарами и кладовыми.

Впрочем, надобно правду сказать, что между духовенством дедушкиного и последующих даже времен многие не отличались духом кротости и смирения, прибежали для поддержания своих требований не только к кулачному, но и к дубинному и ножовому праву, или, по крайней мере, любили водить хлеб-соль с ворами и разбойниками. Покойный дедушка сам рассказывал, что при Екатерине II в селе Екшуре, верстах в 25-ти от Тумы, наказывали кнутом тамошнего священника, за так называемое пристанодержательство; но было подозрение, что он даже и сам участвовал в воровстве и разбоях. Смешно было слушать, да и сам дедушка улыбался, рассказывая, что почтенный иерей, или уже экс-иерей, которого спина была исполосована кнутом, немного отдохнувши и собравшись с духом, вступил в разговор со знакомыми духовными и с бывшими своими прихожанами. И когда те и другие, поговоривши, прощались с ним, то он никак еще не хотел счесть себя каторжником, а продолжал разыгрывать роль священника. От священников не принимал благословения, а целовался с ними как с равными, произнося даже слова: Христос посреди нас [3]. Всем же прочим говорил: «Ну, прощай, прощай, – да что же ты не просишь у меня благословения?» И благословлял тех, которые протягивали ему руку, а потом свою давал им для лобзания.

В селе Архангельском, Егорьевского уезда, уже в 1809 г. было трагическое событие. Там священствовал отец моей матушки, поп Никита. Он был человеком добрым и уживчивым, любим своими прихожанами, и, во всяком случае, не принадлежал к забиякам. Но вместе с ним служил диакон (имя его уже я забыл), отличавшийся буйным характером и умевший передать свои разбойничьи ухватки потомству своему. В один праздничный день в сентябре 1809 г., отец Никита сидел у своего окна вместе с некоторыми из сельчан. В это время сестра диакона, немолодая уже особа, разыгравшись, принялась плясать и припевать разные разности, – вообще повела себя не очень благопристойно. Когда она выделывала свои заливчатские па перед дедушкою, то старик сказал ей: „Что ты, дура? С ума, что ли сходишь? Вот тебя бы палкою хорошенько, – и действительно слегка ударил ее бывшим у него в руках посошком. Диаконова сестра, обидевшись и выговором и ударом, закричала и побежала жаловаться любезному братцу. Этот недолго думал, схватил в руки один из так называемых крюков, на которых обыкновенно укрепляются кровли изб, навесов, сараев и пр., т. е. застрехи, а с тем вместе и дрань одним концом своим в них вкладывается. Такие крюки обыкновенно бывали длиною в сажень и более, толщиною до 3 – 4 квадратных вершков, и оканчивались загнутым так называемым корнем дерева. Вооруженный таким-то крюком, диакон, подбежавши к дедушке, закричал: «Ты, шалыган (ругательное слово для священ-

ников), за что ударил мою сестру?». Дедушка, хотя и знал бешеный характер диакона, никак не думал, чтобы он пустил в дело крюк, которым можно было убить медведя; он отвечал дякону: «Что ты сестры своей не учишь? Смотри-ка, вздумала здесь плясать и безобразничать!». «Ах, ты, шельган! как ты смеешь это говорить? Вот я сам поучу тебя!» – и затем ударил дедушку крюком по виску. Дедушка обеспамятел и в ту же ночь умер. Отец диакон сначала убежал было в соседний лес, но потом сам явился и, разумеется, сослан был в Сибирь.

Теперь не угодно ли посмотреть, какие, в описываемое мною время, бывали причетники. Выбираю я пономаря села Тумы Николаевской [4], Андрея. Почтенный Андрей Андреевич был грозой, или, лучше, тираном своего семейства, бивал свою жену и двух сыновей, чем ни попало; трудно было даже в то время отыскать крестьянина, который бы бесчеловечнее его обращался со своими семейными, но доставалось от него и лицам, не принадлежавшим к его семейству. Расскажу несколько его подвигов. Жена его, находясь под его железною рукою, была тише воды, ниже травы, переносила все его побои плетью, вожжами, поленьями, колом и пр., и все-таки не нравилась. Кажется, почтенный причетник имел в виду жениться на другой, помоложе. Но старуха, несмотря на все побои, жила. Андрей Андреевич решился доконать ее. Однажды в рабочую пору следовало метать большой стог сена; Андрей Андреевич был очень ласков к жене и велел ей стать на стог, а сам подавал сено вилами. Когда дело подходило к концу, он отослал на другую работу своих детей и остался один с женою. Стог кончен, надобно было жене спуститься с него на землю. Для этого обыкновенно перекидывали чрез стог длинную веревку, один конец которой лицо, стоявшее на стогу, брало в руки, а за средину брался здоровый мужчина и постепенно спускал стогометателя на землю. Вербка перекинута, жена взялась за ее конец и сказала: «Держи же, Андрей Андреевич!». «Держу!», – отвечал он. Но едва жена стала спускаться, супруг выпустил веревку из своих рук; жена упала на землю с высоты более, нежели двух сажень; а он, взявши вилы и грабли, отправился домой, как, ни в чем не бывало. Несчастная не могла приподняться с места даже ползти на четвереньках. Дети спрашивали отца: «Где матушка?». «А я почему знаю?», – отвечал супруг. Наконец, детям вздумалось самим отправиться к стогу, и оттуда при помощи соседей донесли домой изувеченную.

Еще прежде этого события, Андрей Андреевич решился сшить себе свиту [5], пригласил портного и дал ему кусок домашнего сукна, аршин в 35. Портной, сняв мерку, шутя, спросил: «А что, Андрей Андреевич, оставить тебе сукна от свиты на шапочку?» (для свиты нужно было аршин 16 – 18) и получил в ответ: «Как

знаешь, это твое дело». Андрею Андреевичу куда-то нужно было уехать; портной принялся за шитье свиты без него. Не знаю, почему ему вздумалось подшутить над Андреем Андреевичем, только он употребил на свиту все 35 аршин, и, действительно, разве оставил только что-нибудь на шапочку; свита вышла огромная, и Голиаф для нее не годился бы; портной постарался убраться домой. Возвратившийся домой, Андрей Андреевич, осмотревши свиту, счел за нужное сначала наказать своих домашних – жену и двух сыновей, одел их всех в свиту, или, правильнее, окутал ею, и завязал так, что им нельзя было вырваться из нее; потом толстыми жожмами начал их бить, где и как ни попало. Но чтобы удары не падали на одного кого-нибудь, он поворачивал связанных, то так, то иначе; натешившись сколько душе угодно, он их выпустил избитыми; сукно не могло защитить их от ударов. Но главный виновник – портной еще не был наказан и, зная характер Андрея Андреевича, не являлся за деньгами. Андрей Андреевич, встречаясь с ним на базаре, дружелюбно с ним разговаривал и прибавлял: «Что же ты нейдешь ко мне за деньгами? да и бражки мы с тобою выпили бы». Портной долго был настороже, но, обманутый дружелюбием Андрея Андреевича, как-то соблазнился и отправился в нему в дом. Хозяин действительно велел принести ендову браги. «Ну, пей», – сказал гостю; тот выпил; затем хозяин наливает другой ковш и говорит: «пей!». «Да ты сам выкушай», – отвечал портной. «А тебе что за дело до меня?», – начал горячиться хозяин, – «Пей, говорю». Выпил, появился третий ковш; портной опять заикнулся что-то сказать. «Ах, ты мошенник», – закричал Андрей Андреевич, – «Я давно до тебя добираюсь; помнишь свиту, я еще за шитье не платил». Затем вскочил и пошел в чулан за орудием предстоявшей экзекуции. Портной воспользовался этим временем и давай Бог ноги, – убрался из избы, и выбежал на двор. Но ворота были уже заперты, да и Андрей Андреевич преследовал по-пятам, с колом в руках, и начал им угощать милого гостя. Последнему как-то удалось найти лазейку и выскочить на улицу. Андрей Андреевич поскорее ворота отпер и пустился за своим гостем с колом. Несмотря на базарный день, никто не решился останавливать преследователя. Но преследуемый успел кое-как выбраться из села и по полю бросился спасаться к лесу; будучи много моложе Андрея Андреевича, он стал более и более увеличивать расстояние, их разделявшее. Преследователь понял, что ему не догнать преследуемого, и решился возвратиться назад. Между тем, множество народа, увлеченное любопытством, вышло в поле, чтобы следить за борьбою. Андрей Андреевич, увидавши огромную толпу, решился сорвать свою досаду на ней и бросился к ней с колом. Толпа перепугалась и стала искать спасения в бегстве. Преследователь пустил в ход свой кол, поднялся шум, крик, произошло волнение на самом

базаре; кричали: бегите, бегите! Андрей Андреевич всех бьет! Суматоха сделалась ужасная; чуть не весь базар переполошился; кто бежал на дворы, кто прятался за воза; наконец, Андрей Андреевич, видя всеобщее смятение и наведенный на всех страх, поупокоился и отправился домой.

Этот герой не любил потакать своим сослуживцам – другим причетникам, дьяконам и даже священникам. О красных и крепких словцах нечего и говорить: ими он украшал свои речи, находись даже в счастливом расположении духа; но если он считал себя обиженным, то пускал в ход и свои кулаки. Его все боялись. И странно, этот человек, грозный для всех своих односельчан и прихожан, умер от суеверной трусости. Однажды ежу ночью, как говорится, почудилось, что священник под окном зовет его в церковь служить заутреню. Андрей Андреевич пошел, священника там не застал, потому что священник и не выходил из своего дома. Только чрез несколько времени Андрей Андреевич прибежал домой, залез на печь и застонал. Ему у церкви представилось какое-то видение, которое так испугало его, что по возвращении домой он тотчас же заболел и вскоре умер.

Описанные мною три духовных лица жили на небольшом расстоянии друг от друга, не более 35 – 40 верст. Для такого пространства очень достаточно трех таких своеобразных буянов. Но смею доложить, что в том же пространстве или в ближайших окрестностях было очень много в духовенстве людей, которых вовсе нельзя считать образцово-нравственными; о них я коротенько скажу.

Пимен – дьячок или диакон (не упомяну) тумский – сослан был в Сибирь за свои преступления; его дом по переезде нашем в Туму оставался еще целым, хотя его никто не занимал и он разрушался, никем не поддерживаемый. Сын Пимена, диакон, имел особый дом. Диакон села Пещуры, тоже Пимен, около 1825 года уголовною палатою назначен был к ссылке в Сибирь, но оставлен был на попечении своих родных по причине преклонной своей старости; это был господин в роде Андрея Андреевича, и занимался пристанодержательством, да и сам охотник был поприбрать к рукам чужую собственность. В соседнем с Тумою селе Биреневе был притон воров и мошенников, и в покровительстве и в укрывательстве их справедливо обвиняли чуть не все тамошнее духовенство, особенно же священника Алексея, которого называли долгим попом. У него было под избою большое подполье, где скрывались и воры и краденые ими вещи. Диакон села Прудков Василий Васильев сослан был за воровство в Сибирь во время моего детства; то же случилось с дьячком села Нирмы, который вместе с крестьянином обокрал свою церковь, – о чем еще я буду говорить.

Не стану перечислять других; но и по представленным мною образчикам читатель может догадаться о том, какая нравственность была в духовных лицах в конце восемнадцатого и в начале девятнадцатого столетий! Надобно ли после этого удивляться, что их родные, не попавшие в духовное звание, разумеется, не за свои добродетели, сделались способными быть уж открытыми ворами и разбойниками?

Но как бы ни произошли тумские разбойнические шайки, только члены их были довольно многочисленны и дерзки в то время, как мой дедушка поступил священником в Туму. Дом себе он выстроил на самом краю села. Ночью весьма нередко раздавался стук у уличных окон. «Кто это?», – спрашивал, бывало, дедушка, не выглядывая в окошко. «Я, или мы», – отвечали разбойники. «Что вам нужно?», – вновь спрашивал дедушка. «Давай, молодой поп, хлеба или чего-либо другого; у нас недостало». И делать нечего, с должными предосторожностями подавали посетителям хлеб, и даже что-либо повкуснее; отказывать было опасно. Потом, едва не каждое лето повторялась сцена, когда тумское духовенство выходило пред сенокосом разделять между собою луга. К нему являлись разбойники и предлагали свои услуги для правильного дележа. «Полно вам толковать, отцы святые», – говаривал какой либо лесной хозяин, – «мы лучше вашего знаем, которые из лугов лучше – ведь мы их все уж исходили». И отцы святые соглашались с непрошенными услужливыми людьми. После же раздела разбойники принимались поздравлять духовенство с окончанием труда и требовали магарыча. Опять тоже нельзя было отказывать; какой-либо причетник отправлялся в село, и из тамошнего кабака приносил четверть [6] водки и какую-либо закуску. И званные и незванные гости усаживались где-либо на лугу и начиналась попойка; не знакомый с делом, смотря со стороны на всю сцену, подумал бы, что это собрались добрые приятели, решившиеся вместе подгульнуть на чистом воздухе, вдали от надзора своих жен. А между тем, тут слугитель алтаря Господня, может быть, в тот же самый день приносивший бескровную жертву, любезно беседовал с разбойником, который тоже, может быть, недавно или ограбил какого либо прохожего, или даже перерезал ему горло.

Дедушка мой, хотя и слышал уже прежде об этих сценах, как-то не мог к ним с первого раза привыкнуть и задумывался. «Ну, полно, молодой поп, сидеть повеся нос», – толкал его под бок кулаком кто либо из разбойников, – «Дружись-ка с нами, в убытке не будешь. Пей и будешь веселей». Прочие же духовные лица нисколько не затруднялись своим положением. Да и разбойники, пока их еще не начали преследовать, старались жить с ними на мирной ноге.

Однажды мой батюшка, имея еще 6 – 7 лет от роду, шел один с лугов в село, и к своему ужасу увидел, что по той же самой дороге за ним идет один из разбойников, которого он знал в лицо. Батюшка старался от него поскорее уйти, но и разбойнику, вероятно, тоже нужно было спешить. Батюшка мой еще более перепугался, и, когда на пути встретилась изгородь, чрез которую надобно было перелезть, он остановился и заплакал. Увидавши это, подошедший разбойник сказал: «Что ты плачешь, Ваня, верно, не перелезть чрез изгородь?», и бережно поднявши, пересадил его на другую сторону ее, затем и сам перелез и вместе с моим батюшкою вошел в село, как говорится, среди белого дня.

Не думайте, г. читатель, чтобы Тума – моя родина – была единственным местом, где разбойники так мало любили стеснять себя. Нет, в блистательное царствование великой и премудрой Екатерины, внутри государства происходили разбои чуть не повсеместно. И в самом деле, если в Петербурге истрачивались сотни миллионов рублей на людей, бывших в случае [7] – Орловых, Потемкиных, Завадовских, Зоричей, Зубовых и пр. – роздано было более миллиона свободных крестьян в крепостное право (и тогдашние бояре утопали в роскоши), то за что же обвинять мелких людишек, которые, будучи доведены до невозможности честным образом добывать себе кусок хлеба, подкарауливали ночью у какого-либо моста или речки запоздалого путника, отнимали у него рублей 5 – 10, мешок муки, армяк и т. п., или залезали в амбар, погреб, светелку, и оттуда уносили, что ни попадалось под руки. Ведь эти мелкие ворюжки и разбойники привитали где-нибудь в подземелье, подполье и проч., отвечали своею спиною и ноздрями когда бывали пойманы, и заканчивали свою жизнь где-либо в Нерчинске.

Скажу несколько слов о разбоях, которые происходили на моей родине или близь нее. Когда еще дедушка был пономарем в селе Шеянках, то духовенство, и особенно мой дедушка, не ладило с шайкою разбойников, привитавшею в соседнем лесу; поэтому, выезжая на полевые работы, особенно в одиночку или в небольшом количестве, они брали с собою заряженное ружье, которое на перевязи и висело на работнике. Таким образом, в царствование императрицы Екатерины, с небольшим в 200 верстах от Москвы, мирное духовенство должно было пахать землю точно так же, как при императорах Александре II и Николае [8] линейные казаки [9] работали на своих полях, ожидая как бы где либо из-за куста не подстрелил их какой-либо черкес или чеченец.

Однажды, дедушке моему нужно было ехать из Шеянок в Туму, на праздник Николая Чудотворца (9-го мая [10]). На дороге между

деревнями Давыдовой и Ахматовым, находившимися друг от друга в 4-х верстах, был переезд чрез лес не более двух верст, и, несмотря на то, тут почти постоянно привитала шайка разбойников, так что для переезда чрез лес собирались бывало по несколько человек. Дедушка мой не нравился некоторым молодцам из этой шайки, которая к своим владениям причисляла село Шеянки. Во время этой поездки он в деревне Ахматове присоединился к каравану, который тоже пробирался в Туму на ярмарку и на праздник. Когда все подъезжали кучею и шагом к лесу, то из него раздался громкий голос: «Э! Мартышка-кутейник [11]! Дождался – не поехал один, а то мы бы с тобой рассчитались».

В другой раз дедушка должен был, тоже из Шеянок, отправиться в г. Меленки, которого уезд граничил с Касимовским. В деревне, где надобно было ночевать, он увидал, как большой обоз въезжал в один двор. Дедушка, опасаясь здесь тесноты, хотел было ехать в соседний дом по приглашению хозяина. Тогда один мужик, принадлежавший к обозу, сказал дедушке: «А что-ж не с нами?». «Да тесно будет», – отвечал дедушка. «То-то тесно, это еще не беда, – продолжал мужик, – за то голова будет цела, а там, смотри, наедине сразу мышь голову отъест» [12]. Дедушка мой понял намек и присоединился к обозу.

Я помню в своем детстве много рассказов, как хозяева постоянных дворов принимали меры к тому, чтобы не затрудняться отправить на тот свет и множество заехавших к ним дорожных. Для этого прикреплялась к потолку балка, или, как ее звали, матица. Она как будто нужна была для поддержки потолка, но между тем так была устроена, что ее можно было спустить на особых цепях или веревках на пол. Дорожных кормили сытным ужином, поили водкою, подбавляли в нее снадобья, которые бы усыпляли их, потом укладывали их на полу на соломе так, что спущенная матица придавливала их всех, и особенно, чтобы упала на шею или грудь. Дорожные засыпали, хозяин со своею семьею или с молодцами, которые у него сидели про запас в подполье, спускали потихоньку матицу придавливали спавших. Одни крепко придерживали ее, а другие разными орудиями оканчивали дело с теми, кто еще оставался жив.

Может быть, рассказ имеет легендарный характер, но зато в нем выражается мнение современников о том, как в царствование императрицы Екатерины было безопасно ездить в Рязанской и Владимирской губерниях людям даже в большом количестве. Уже в 1867 г., в то время как я начал писать эти записки, рассказывал мне знакомый помещик Корнеев о предке одного из известных ему помещиков. Почтенный предок жил в Пронском уезде и занимался, как прилично магнату, грабежом в огромных размерах. У него была составлена из лакеев, крестьян и из других свободных людей огромная шайка, устроены были магазины [13] и подземелья для хранения награбленных вещей. С полицией и даже с губернаторами у него была дружба.

Однажды мимо него ехал из Пензенской губернии огромный обоз в Москву с какими-то продуктами на санях, устроенных вовсе не так, как это делалось в Рязани, притом и сани были очень красивые. Помещик догнал на дороге обоз со своею шайкою, захватил всех лошадей, сани и людей, только некоторые из последних успели кое-как спастись. С людьми покончили скоро, чтобы они ничего не могли сказать, лошадей и товар распродали, сани обыкновенно атаман-помещик сжигал, но тут, прельстившись их красотой и, надеясь получить порядочную за них сумму, велел их припрятать. Между тем, уцелевшие из дорожных, хотя и знали, кто их ограбил, не стали искать суда, потому как известно было, что помещик найдет средства их же самих засадить в острог, воротились домой и рассказали все. Оттуда некоторые решились, впрочем, пройти в Пронский уезд и тайком разведать о своем пропавшем обозе. Тогда они узнали, что люди перебиты, лошади распроданы, но все сани и часть товаров еще целы и хранятся в подземелье. Со свойственною русскому угнетенному человеку хитростью и настойчивостью, они решились следить за грабителем. В следующую зиму он начал высылать для продажи в торговое село Перевиск по нескольку саней пензенских; сани были знатные, красивые, оригинальные даже, их стали покупать охотно, и пензенцы узнали тоже их и высматривали одни из них, которые имели особую примету. Наконец и эти сани были вывезены; пензенцы их узнали, собрали громадную толпу народа, пригласили сотского и другие деревенские власти, и при всех рассказали, кто они таковы, как их ограбили в прошлую зиму. Потом, указав на одни из саней, добавили, что они выжидали продажи именно их для уличения грабителей. По их словам, в левом полозу этих саней под третьим копылом находится в одну сторону пустое место, в котором ими спрятано было 50 рублевиков. И потому просили тотчас освидетельствовать сани. Народ, давно уже страдавший от разбойников, настоятельно потребовал освидетельствования саней; вынули третий копыл[14] и нашли там 50 рублевиков. Продавцы саней показали, что они продавали их по распоряжению своего барина – известного атамана. Тут уж земским и губернским властям нельзя было скрывать злодея: сделали формальный обыск его дома, подземельев и пр. и нашли огромные склады награбленных вещей, и, наконец, по суду атаман-помещик сослан был в Сибирь в каторжную работу.

Кроме Давыдовского леса и самой деревни Давыдовой, было много других мест недалеко от Тумы, пользовавшихся не очень хорошою репутацией. К ним причислю: деревню Калитино, между погостом и Касимовым, вблизи глубокого оврага, называвшегося Барцевым; лес ламакинский, начинавшийся от реки Нирмы почти до самой деревни Полухтино; деревня Ершово, в 3х верстах от Тумы на дороге в Рязань; деревня Келца по той же дороге, еще ближе к Рязани верст на 30 и пр. На жителей Калитина, может быть, несправедливо падало подозрение

в грабежах – в Барцевом овраге и в ламакинском лесу грабили большею частью мастеровые соседнего железного и чугунного завода г. Баташова. Но грабежи повторялись довольно часто, случались и убийства даже в мое время; вот, например, уже в 1865 или 1866 году в ламакинском лесу было несколько грабежей и даже одно убийство днем, почти близь самого завода. В Ершове во время моего детства боялись в небольшом количестве останавливаться ночевать. Близ этой деревни находились огромные луга, почти полуболото, которые во время весеннего разлива покрывались водою. В царствование уже Александра II редкий год проходил без того, что при разливе не появлялось на поверхности воды мертвое тело, а в счастливый год даже до пяти трупов. Это были те несчастные, которые жителями деревни Ершово отправлялись на тот свет.

Наконец, близ Келец, верстах в полутора, есть гора, называемая доселе Сокольєю. Здесь в царствование Екатерины II имел пристанище знаменитый в то время атаман Веревкин. От горы по лесам у него была тропинка к селу Белоомуту, где он тоже занимался разбоем. Когда я, уже обучаясь в Рязани, возвращался домой вместе с моим отцом, то мы остановились обедать в Кельцах у одного домохозяина и были им очень ласково приняты. Хозяин мне очень понравился. Победав, мы продолжали свой путь, и я принялся хвалить хозяина. Тогда мой батюшка, выслушав мой панегирик, с улыбкою свазал: «Умеешь же ты ценить людей! да этот добрый, по-твоему, человек много людей отправил на тот свет; и ныне еще я ночевать один у него ни за что не буду». Повторяю, что я здесь только наметил некоторые места, не пользовавшиеся хорошою репутацией, – всех же не пересчитываю. После этого понятно, почему, как мне говаривал дедушка, езжавшие при Екатерине II из Мещоры в Москву, находили нужным приобщаться святых Таин, точно так, как будто-бы собирались умирать.

С окончанием царствования Екатерины II окончился и золотой век для разбойников. Ни в одной русской истории я не встречал подобной мысли, не спорю даже и о том, что она, может быть, приложима не ко всем местностям. Но Мещора – моя родина и все, которым нужно было ездить чрез нее, должны с благодарностью вспоминать о царствовании императора Павла. Дедушка мой любил тоже поговорить об этом царствовании. Духовенству оно очень нравилось по одному особенно обстоятельству, о котором я скажу впоследствии. Но самое царствование в памяти народной оставалось грозным и тяжелым. Шпионства боялись даже в деревнях. По словам дедушки, один из помещиков касимовских довольно свободно поговорил об императоре в очень тесном кружку. Чрез несколько времени, ночью, его полиция схватила, передала присланному из Петербурга военному офицеру, и с тех пор несчастный неизвестно куда девался. Страх доносов заставлял быть осторожным даже моего дедушку – человека, который, по русской пословице, не любил в кулак шептать. Покойный

батюшка рассказывал, что дедушка, принимаясь за какой либо рассказ, касавшийся императора, с приятелем, соседом и сослуживцем своим священником Варсонофием, бывало, останавливался и говорил: «постой-ка, Варсонофий, надобно посмотреть в окно, не подслушивает ли кто-нибудь с улицы», и, посмотревши, начинал рассказывать, но тихо, тогда как мой дедушка вообще любил говорить слишком громко. Но и дедушка, и батюшка мои вполне были согласны между собою в том, что при Павле деятельность и подвиги разбойников прекратились. Полиция получила строжайшие приказания преследовать разбойников и исполняла эти приказания с необыкновенною деятельностью.

И прежде, а отчасти и после этого времени, донести на разбойника, поймать его и даже содействовать его поимке, было слишком опасно. Полиция, в большинстве своих членов, получая от воров и разбойников хорошие подарки, любила им покровительствовать, поэтому потихоньку давала им возможность убегать даже из острогов, или не преследовала их надлежащим образом, а сама между тем уведомляла их о тех, кто на них доносил. Разбойники и воры, находясь на свободе, разумеется, умели мстить своим врагам. Независимо от этого, поимка разбойника в царствование императрицы Екатерины II часто имела разорительные результаты для богатых жителей уезда.

Вы, г. читатель, конечно, слыхали, что в былые времена по улицам Петербурга водили так называемые языки, т. е. каких либо преступников, для того якобы, чтобы указать благотворительному правительству те дома, в которых они привитали, или тех людей, которые были их товарищами или пособниками. Завидевши издали приближение таких языков, жители богоспасаемого Петрограда сами спасались от грозившей им опасности, бежали в соседние улицы, скрывались в ближайших домах, словом всячески старались не встречаться с процессиею, потому что развозимый язык часто, ни с того, ни о сего, указывал, как на своих приятелей, на таких людей, которые и не выдывали его.

Провинция в этом отношении не отставала от столицы. С пойманным разбойником доброе начальство в виде исправников, стряпчих, заседателей земского суда, отправлялось разгуливать по уезду. Настоящих своих милостивцев разбойник, разумеется, не указывал, надеясь, что они еще будут ему полезны впоследствии, но зато мстил своим врагам, обзывая их, как своих укрывателей. Если же у самого развозимого языка не было особенно им нелюбимых людей, то опять тогдашнее начальство принимало на себя труд подсказывать ему имена тех лиц, которых следовало обвинить в пристанодержательстве. Для этого, разумеется, избирались достаточные жители, которых начальство хотело поучить. Чтобы дать правдоподобие своим огово-

рам в обоих случаях, разбойник обыкновенно говаривал, что он или знает дом своего приятеля, но не знает его имени, или не знает, ни дома, ни имени, но помнить его лицо. В первом случае, проезжая деревню, он указывал на тот или другой дом, что вот где много раз проживал и куда отдавал краденые вещи на сохранение или для сбыта. Другой маневр состоял в том, что разбойник никак не мог припомнить дома, а надеялся узнать хозяина. И тогда собирали весь люд-людской деревни. Разбойник внимательно рассматривал всех предстоявших и дрожавших, и указывал на своего благоприятеля. Если он знал сам и дом и лицо обвиняемого, то ему не было надобности в пособии других. Но иногда он не знал, ни дома, ни хозяина, которого начальству хотелось поприцепить. Ну, тогда начальство так или иначе давало разуметь, на кого он должен был указать. Во всяком случае, обвиненное разбойником лицо арестовывалось. Оно и Христом и Богом уверяло, что решительно ничего и знать не знает, как действительно и бывало. Ну, тогда доброе и благопопечительное начальство говаривало обвиняемому: «Оно, пожалуй, и мы ведь, знаем, что вы невиноваты, – да что станешь делать с мошенником? Ведь вон он стоит на своем. А ты заткни ему глотку чем-нибудь, дай ему сколько-нибудь рублей». Про свои глотки начальство говорило или нет – все равно, только их затыкали уже десятками и сотнями рублей, смотря по состоянию обвиняемого. Когда все глотки были заткнуты, то делали новую очную ставку обвиняемого с разбойником. Первый начинал уговаривать последнего, этот сначала стоял на своем, но уже не так решительно, как прежде. Начальство тоже убеждало сказать правду и не обвинять невинного. Разбойник колеблется, заминается, призадумывается, наконец, начинает просить прощения у обвиняемого и у праведных судей, что он сделал оговор, что действительно обвиненный ни в чем не виноват. Доброе начальство отпускало невинно обвиненного, делало приличное внушение обвинителю и везло его в другую деревню, чтобы разыграть ту же самую комедию, или возвращалось в город, если экскурсия доставила уже ему достаточное количество денег. И разбойник часто не оставался без награды – ему давали возможность убежать из острога и начать свои подвиги в прежних местах. После этого жителям вовсе не было охоты быть невнимательными к подобным молодцам. Добрые эти молодцы жили да поживали, налагали контрибуции на жителей, делились своею добычею с добрым начальством.

Но при императоре Павле дела шли иначе: полиция просила помощи у жителей в поимке разбойников и была крайне благодарна за всякое содействие в этом случае. Дедушка мой тогда приобрел большую известность в околотке своим усердием помогать открывать и ловить промышлявших около Тумы разбойников и не раз подвергался

опасности. Однажды пуля, пущенная из лесу, прожужжала мимо самого его уха. Об угрозах же нечего уже и говорить. Его Бог знает, чем ни стращали. Покойная бабушка всегда, до самой своей смерти, с ужасом вспоминала об этом времени: «Ночи, бывало, не спишь, — говаривала, — без ружья и тесака никуда не езжали». Но дедушка был неутомим. Сообщивши свое воодушевление многим из честных своих односельчан и принявши над ними некоторого рода команду, он многих разбойников сам, без полиции, ловил. Жители, по крайней мере, большинство, усердно ему помогали, и, надобно по правде сказать, не очень гуманно обходились с пойманными. Конечно, их не убивали наповал, но уже без побоев не обходилось. Особенно старались отнять у них способность держаться и быстро ходить на ногах.

Батюшка мой рассказывал интересный в этом отношении случай. Молотьба хлеба с овинов в Туме начиналась рано утром, задолго до рассвета. Когда в один день большая часть взрослых жителей тумских была занята на гумнах молотьбою, какой-то разбойник решился воспользоваться таким благоприятным временем и забраться для поживы в чей-то дом, но скоро был замечен. Поднялась тревога, закричали: «Лови, держи разбойника!». Мужчины со всех гумен, большею частию с цепами в руках, бросились преследовать вора, который усиливался укрыться в соседнем лесу и, наконец, был догнан. Первый из догнавших ударил его цепом со всего размаху, вскоре последовали и другие такие же удары. Пойманный повалился на землю, тогда очень многие из сбежавшихся жителей захотели, по их выражению, приложить свою руку или, лучше, свой цеп, и от этого произошло нечто в роде молотьбы. Батюшка мой по малолетству не был в числе преследователей, оставаясь на току у овина, и вместе с другими слышал звуки от ударов цепами, сыпавшихся на пойманного. Последний, разумеется, был избит до полусмерти.

Наконец, при усилиях местной полицейской власти, при содействии жителей и особенно моего дедушки, открытые разбои в Туме и около нее прекратились, т. е. перестали стучать по окнам и кричать: «Эй! молодой поп, давай нам хлеба», или при разделе лугов духовенство не было встречаемо произвольными землемерами, которые по окончании раздела требовали магарычей и пр. Но мелкие мошенничества, а частенько и крупные воровства, и, иногда, разбои, даже убийства — происходили и после, притом не только в Туме, но и в других местах, о которых я отчасти говорил уже.

Желая моих читателей познакомить вполне с современным мне положением вещей во всех, по возможности, отношениях, я, чтобы впоследствии не делить эпизодов, хочу здесь дополнить то, что уже мною сказано о разбоях и воровствах, и потом уже коснусь других предметов моей биографии. Еще в молодые мои годы случалось, что иные старики дорожные, уроженцы Пензенской и Саратовской губерний, проезжавшие в Москву со своими продуктами, не хотели оста-

навливаться для ночлегов в Туме. Начнут, бывало, содержатели постоянных дворов зазывать их к себе. «Я не поеду, — отвечает какой-то старик, — здесь в моей молодости недобрые люди жили».

Это было предание старины. Для жизни дорожных на постоянных дворах опасности уже не было никакой, но на счет воровства и мошенничества в Туме еще были промышленники. Привыкши до императора Павла давать убежище у себя разбойникам, принимать от них наворованные и награбленные вещи и сбывать с рук с выгодой для себя, некоторые из жителей не могли же вдруг расстаться со столь легким способом зашибать копейку, и потом свои наклонности передали потомкам своим. Эти-то люди и сами при удобном случае не отказывались захватить чужую вещь, но, главное, приглашали к себе промышленников чужой собственности, да и эти, в свою очередь, отыскивали их.

Такому положению дел очень благоприятствовали еженедельные базары, происходившие в Туме в субботу. Для ловких плутов тут всегда была возможность стянуть что-нибудь с воза и прилавка, или вытащить из кармана. Набожные новички по этой промышленности начинали ее особенно 25-го марта, в день Благовещения. По какому-то народному суевию считалось, кто в этот день удачно украдет что-нибудь между утренею и обеднею, тот может целый год воровать, не опасаясь, чтобы его поймали.

Однажды, кажется, в 1818 году, я сам был свидетелем, как к моему отцу привели крестьянина, ему известного, пойманного в воровстве. Отец мой, выслушавши рассказ поймавших вора, сказал ему: «Как это, и ты сделался вором? да притом когда же? в Благовещение, в такой важный праздник, и еще до обедни!» «Ах, отвечал простодушный крестьянин, — да когда же лучше и начинать, как не в этот день? Вот мне не удалось, значит Богу не угодно, чтобы я воровал».

Но главными ворами, а нередко и разбойниками, были бездомные или распутные мещане, потом немногие каторжники, которым удавалось вырваться на свободу, и особенно беглые солдаты. Всех таких воров и разбойников жители знали и помогли бы поймать, даже сами поймали бы, если бы только земская полиция захотела, или, по крайней мере, не противодействовала. Но это, к несчастью, не всегда было. Заседатели, а после становые, а иногда даже и исправники, покровительствовали вора и разбойникам.

Вот два замечательных в этом отношении случая. В селе Архангельском [15], Егорьевского уезда, в тридцатых и сороковых годах, проживал дьячковский сын Иван Стратонов, внук того дьякона, который убил моего дедушку кровельным крюком. Всем было известно, что он и один, или вместе с крестьянами соседней деревни Бассеино, занимался воровством и даже грабежами. Но когда бывало, приедет в окрестные места становой пристав [16], то Иван Стратонович являлся к нему с изъявлением своего почтения и преданности, и обыкновенно

во все время пребывания прислуживал начальству. Однажды, при производстве какого-то следствия, в то время, как Иван Стратонович подавал становому закуренную трубку, этот сказал: «Ах, Иван, я и забыл сказать, что ведь тебя надобно арестовать и представить в Егорьевск». «Ну, вот еще, – отвечал Иван Стратонович, – к чему это? я не хочу туда». «Ну, полно упрямиться, – перебил его становой, – ведь, право, нельзя обойтись без этого, мне строго-настрого приказано тебя взять. Так не упрямься, и пр.». В этом тоне разговор еще несколько продолжался, и наконец, Иван Стратонович согласился отправиться под арестом в Егорьевск, откуда, впрочем, был выпущен, или бежал, и уже, кажется, в начале пятидесятых годов, прогнанный сквозь строй, куда-то услан в арестантские роты.

Другой случай был уже к концу пятидесятых годов. Близ Дмитровского погоста [17], где священствовал мой отец, промышлял грабежом беглый солдат Тимофей, или, как его ввали, Тимошка, бывший крестьянин деревни Пестовской, Дмитровского же прихода. Становым в то время был тут хитрый поляк Казимир Андреевич Ленковский. Тимошка, как догадливый вор, делился с ним своими добычами. Однажды он, укравши у богатого мужика весьма хорошую лошадиную сбрую, подарил ее своему патрону. Обкраденный крестьянин сделал заявление становому о краже. Но пришедши в какой-то праздник в Дмитровский погост в обедне, он на постоялом дворе увидал, что украденная у него сбруя надета была на стоявших тут лошадей станового. Он подозревал многих своих знакомых – постояли, посмеялись, но начальства не стали беспокоить. Когда разбои и воровства Тимошки уже слишком разгласились и увеличились, то Ленковскому строжайше приказано было поймать его, или, по крайней мере, осмотреть соседние леса. Ленковский явился, собрал огромное число понятых, распустивши наперед молву, что он в такой-то день станет по лесам ловить Тимошку, и действительно отправился туда с понятыми. Тимошка, разумеется, знал уже об этом; но чтобы он как-нибудь не оплошал, Ленковский ездил по лесу на тройке с колокольчиками и бубенчиками, велел понятым перекликаться между собою, и, после тщательного обыска, донесено было начальству, что Тимошки, ни слыхом не слыхать, ни видом не видать. Жители окрестные долго вспоминали, кто со смехом, кто с негодованием, об этой облаве.

Принимая во внимание описанные мною обстоятельства, можно уже угадать, что воры, мошенники и разбойники не могли же оставить тех мест, где они издавна имели приют: и в Туме и в других местах они в большем или меньшем количестве существовали и существуют чуть-ли не до сего дня. В Туме больше были мелкие воришки, или приемщики краденых вещей, но были и крупные. Уже в шестидесятых годах тамшний житель Григорий, или Гришка, был известен всему

селу и всей окрестности как вор, особенно лошадей; но он любил тоже заглядывать в чужие амбары, горницы и пр. Между тем дожил до старости и умер в своем доме.

В деревне Верещугине, тумского прихода, был мужик Китай. Он целую жизнь воровал, но в 50 или более лет попался и сослан был в Сибирь. Его наказывали кнутом в Туме, когда мне было 9-10 лет. Но Китай умел приготовить достойного себе преемника в своем сыне Семене. Этот всю почти жизнь свою был известнейшим вором и умер уже в шестидесятых годах в своем доме.

С ним были два характеристических события. Однажды в Туме, 20-го июля, в день ярмарки и престольного праздника [18], в церкви, Семен Китаич, отстоявши обедню, зашел в кабак, но не имел или жалел денег, между тем выпить винца для праздника Господня ему хотелось. Сидит он на лавке, позадумавшись, а кругом его идет пир горой. Один мужик, видя его задумчивость, толкнувши, сказал: «О чем, Семен Китаич, позадумался?». «Да что, братцы? – отвечал записной вор, – хочу бросить свое ремесло». «Какое?» – спросили его. «Да что, братцы, по совести сказать, поворовал я на своем веку, нечего греха таить, время и покаяться. Ну, братцы, выбирайте в замену меня нового вора, а я уж перестая воровать». «Как? неужели?», – закричали мужики хором. «Да, братцы, всенепреремно», – отвечал Семен Китаич. Мужики, обрадованные этим обещанием, принялись подносить ему то тот, то другой, по стаканчику. Семен Китаич славно справил праздник, поблагодарив за угощение, но, увы! долго еще продолжал воровать, пока от этой страсти не был удержан своими сыновьями.

Эти молодцы по какому-то чуду вышли честными ребятами. Возмужавши и к досаде своей слыша рассказы о воровствах их отца, они сначала уговаривали его оставить свое ремесло. Но когда он продолжал им заниматься, то они, в своей избе, подступивши к нему, сказали: «Ты, бачка, все не перестаешь воровать, нам от стыда и упреков нет житья. Так вот мы и порешили тебе глаза выколоть, слепой воровать уж не станешь». И тотчас схватив его, расположили для операци. Старик перепугался: «Что вы, разбойники, что вы хотите делать?» «Разбойник-то ты, а не мы», – ему отвечали и вновь приступили к операции. Тут старик принялся божиться и клясться всеми святыми, что он перестанет воровать. Дети сжалились, но сказали напрямик, что если он хоть раз что-нибудь украдет, то простись с глазами, милости уж не будет. Действительно, старик перестал воровать, но вскоре и скончался.

Близ Верещугина была деревня Быково, состоявшая почти вся из воров; порядочный лес, отделявший их от большой дороги, давал им возможность легко сюда приходить и потом скрываться. До шестидесятых тоже годов первенствовал в ней вор Иван, известный под названием балованного Ваньки, который тоже умер дома, а не в Сибири. Но ворами особенно изобиловало село Биренево, о котором

уже я говорил. Жители его состояли из духовенства и мещан, которые или сами или в лице отцов и дедов происходили тоже из духовного звания. При императоре Александре [19] и у самого духовенства были, по русской поговорке, руки не совсем чисты – сами духовные не воровали, но и не стеснялись воров-мещан и, как гласила молва, не без выгод для себя. Но мещане почти все были воры и кроме того давали приют беглым солдатам. Однажды, уже при императоре Николае, земская полиция налетела с обыском в дом главного вора-мещанина, у которого в то время сидела целая компания разбойников. Дом был окружен, бежать нельзя. Подняли одну доску в полу и упрятали всех их (по слухам – до 10-ти человек) туда. Начался обыск, пересмотрели все, но – намеренно или случайно – не заглянули в подполье, и таким образом честная компания осталась целою и невредимою.

О деревнях Давыдовой, Ершове, Кельцах, Балитине и пр. я уже говорил выше, но особенно, почти до самых шестидесятых годов, была небезопасна большая дорога из Тумы в Москву по Егорьевскому уезду и Московской губернии, чуть не до самой Москвы. Тимошка, о котором я уже говорил, промышлял иногда на этой дороге между селами Фролом и Середниками [20]. К концу сороковых годов, когда я был у отца своего в Дмитровском погосте, в лесу в этом месте напала на плотников, возвращавшихся домой, шайка беглых солдат. Плотники взялись было за свои топоры, но наведенные на них ружья принудили их сдаться на капитуляцию. Их не только ограбили, но и избили за то, что они осмелились сопротивляться.

Главным же центром воров, мошенников, фальшивых монетчиков и раскольников были окрестности Егорьевска и лежащая за ними часть Московской губернии, называемая Гуслицами. Ее в подробности описывать не стану, потому что она не один раз была описываема. Скажу только о некоторых из своих наблюдений.

В конце сентября 1840 г., возвращаясь из Дмитровского погоста в Петербург, я в деревне Соболевой на постоялом дворе увидел двух уральских казаков. «Вы как сюда попали?», – спросил я их. «В командировке», – отвечали мне. Расспросивши об этой командировке, я узнал, что, по случаю усилившихся по дороге разбоев и грабежей, в каждую деревню поместили по два казака, которые в течение ночи должны постоянно разъезжать по дороге, чтобы подавать помощь тем, на кого нападут разбойники. После я слышал, что в эту осень казаку удалось заколоть пикою одного из разбойников, который вздумал сам отбиваться от него каким-то оружием. Года через два после того целая шайка была, недалеко от села Гжели, переловлена.

По описываемой мною дороге жители большею частию занимаются разведением хмеля, от этого тут можно встречать громадные хмельники. В них-то разбойники любили укрываться. Один из крестьян указал становому на хмельник, где скрывалась шайка. Становой

вместе с мужиком, казаками и понятыми явился сюда. Разбойникам уйти было нельзя, но один из них, вероятно, догадавшийся, кто открыл их убежище, выстрелом из ружья положил мужика на месте.

Особенное внимание заслуживала здесь деревня Хрипань с большим близ нее лесом. Грабежом, воровством и убийствами тут занимались не одни пришлые разбойники, но главным образом жители Хрипани. Более других известен был хозяин крайнего двора к лесу на левой стороне, если ехать из Москвы в Егорьевск. Этот хозяин, по местному обычаю, скупал у однодеревенцев своих право содержать одному постоянный двор в течение лета. Я сам видел этого старика, остановившись у него для обеда во время езды к отцу. Но ночевать у него немногие решались.

Уже в 1849 г., в августе месяце, ехало нас на тройке, на паре и на одной лошади, всего шесть человек: я, брат мой Александр Иванович, слугитель мой Тит, купец Евдоким Юкин и два кучера. В Хрипань въехали ночью. Дорога была грязная, ночь темная и дождливая. До села Вялок, где можно было остановиться для ночлега, оставалось еще пять верст. И между тем, несмотря на приглашение старика-хозяина, Юкин и наши извозчики ни за что не соглашались тут ночевать. «Да что вы не остановитесь? – говорил старик, – ночуйте у меня». Тогда Юкин сказал: «Ну, нет, старик, не ночуем, нам своя жизнь дорога». Мы поехали, но старик, выслушавши Юкина, принялся нас ругать беспощадным образом.

Через хрипанский лес мне не один раз приходилось проезжать в глухую-то ночь одному с кучером и даже без всякого оружия. Конечно, я не спал уже весь этот переезд и посматривал в стороны – не выйдет ли кто на встречу или с боку к нам. Но, многие, проезжая не только здесь, но и в других местах, запасались оборонительным оружием.

Покойный мой батюшка, пока я учился в семинарии, имел дома саблю, которую почти всегда брал с собою, отправляясь в Касимов или Рязань. Когда же в начале года нужно было отвозить в Касимов свечные деньги со всего благочиния, то он брал с собою в качестве провожатых одного или двух причетников. Другие запасались и ружьями, хотя очень редко и большею частию в каких либо экстренных случаях.

В селе Середниках был бурмистром [21] в вотчине царевича Грузинского [22] крестьянин Иван Силантьев. Он однажды поймал Тимошку, о котором я выше говорил. Доброе и милостивое Егорьевское начальство не очень крепко держало Тимошку, который поэтому он убежал из острога и даль знать Ивану Силантьеву, что он его изрежет на кусочки. Бедный бурмистр струсил и, куда бы ни отправлялся, брал с собою заряженное ружье и саблю, и кроме того в густых лесах ложился обыкновенно в телеге так, чтобы его нельзя было убить нечаянным выстрелом из-за дерева.

Когда же воровство уже было сделано, то обокраденные старались вступать с ворами в сделки и выкупать у них свои вещи. Это особенно делалось относительно лошадей. Тот же самый Тимошка украл очень дорогую лошадь у крестьянина Архангельского прихода. Мужик чрез одного посредника выпросил у Тимошки позволение повидаться с ним. Местом для свидания назначен был лес, но с тем, чтобы кроме мужика никого еще не было. Мужик пришел на условленное место и долго ждал Тимошку, который, впрочем, был вблизи, но высматривал, не сделана ли для него засада. Наконец сошлись. Мужик снял шапку, поклонился низко и пожелал доброго здоровья доброму молодцу. Потом вступил с ним в переговоры, выставлял свои стесненные обстоятельства и просил возвратить лошадь, обещая дать ему выкуп. Дело уладилось. В следующую ночь деньги были принесены, и мужику указана была лошадь, спрятанная вблизи в густой чаще леса.

В подобном почти положении был мой батюшка. Когда он уже жил в Дмитровском погосте, то у него была украдена лошадь. Вскоре узнали, что это сделали мужики деревни Кассеина, о которой я уже говорил. Сам батюшка не пошел к ним, а послал для переговоров парламентаром своего родного брата, дьякона села Прудков, Василья Мартыновича. Этот пришел в деревню, адресовался к мужикам со своею покорнейшею просьбою. Мужики на улице собрались для совета, и после продолжительная спора решили не отдавать лошади и за выкуп. Немильность эту батюшка мой навлек на себя тем, что незадолго до того времени, бывши при следствии о воровстве, в котором уличили одного из жителей деревни Кассеина, много содействовал к тому, чтобы уличить вора, который и был сослан в Сибирь. Кассеинское вече объявило моему дядюшке свое решение словами: «Скажи ты Дмитровскому протопопу, что мы лошади ему не отдадим, а отошлем в Тамбовскую губернию. Зачем он помог сослать в Сибирь нашего Ваньку? Пусть знает, что с нами ссориться нельзя».

Не скрою и того, что и полиция иногда ловко преследовала воров, особенно если избирался честный и деятельный исправник. Таким именно исправником был помещик Касимовского уезда деревни Ужищево Карл Васильевич Кронштейн. Вам, будущим моим читателям, по всей вероятности, покажется неразгаданным характер этого барина. Человек он был очень честный и бескорыстный; занимая по выбору дворян десять лет доходные должности исправника [23] и уездного судьи, он умер сам и оставил свое семейство в крайней бедности. Но относительно управления русским простым народом он руководствовался идеями знаменитого Аракчеева, будучи сердечно убежден, что только палка, плеть, розги, оплеухи могут поддерживать порядок между мужиками, и на этом основании он был чрезвычайно жесток в наказа-

ниях. Об обращении его со своими крепостными я буду говорить впоследствии, а теперь стану описывать его, как исправника.

На основании Аракчеевских понятий о русском народе, Кронштейн, будучи исправником, приказывал своему кучеру запастись плетью, которою стегать лошадей было жалко; она назначалась собственно для людей. Если в деревне или даже на поле попадался в чем-либо виновный мужик, то по распоряжению исправника армяк или полушубок снимались и затем кучер запасною плетью отпускал по спине и другим частям виновного столько ударов, сколько находил нужными его барин. Однажды подобная расправа происходила даже в глазах рязанского губернатора Шрейдера, проезжавшего по Касимовскому уезду. Разумеется, узнавши о приезде его превосходительства, исправник приказал поправить дороги и особенно мосты. Но один мужик немножко позамедлил и поправлял перила у моста в то время, как ехал по дороге губернатор. Кронштейн, скакавший на своей тройке впереди его, увидел издали мужика и, приказавши гнать как можно скорее лошадей своих, подъехал к крестьянину и, взявши запасную плеть в руки, сам лично отпустил несколько ударов по спине некстати усердного исполнителя его же собственных приказаний. Шрейдер из кареты видел эту сцену. «За что это вы, Карл Васильевич, так расправляетесь с мужиком?», — спросил исправника губернатор. «Помилуйте, ваше превосходительство, ведь давным-давно велено было поправить мост, а этот мерзавец только теперь вздумал приняться за дело. Не утерпел я, ваше превосходительство, постегал его — без плети с этим народом ничего не сделаешь». «Правда, правда», — отвечало превосходительство, любившее исправника, и потом все поскакали вперед, а мужик, почесывая спину с синяками на ней от плети, пошел домой, понунив голову.

В другой раз я сам был свидетелем экзекуции, которую производил исправник в Туме, в праздничный летний день, между утренею и обеднею. Между крестьянами распространился слух, что их хотят переселить куда-то на казенные земли, освободив, разумеется, от власти помещиков. Главными виновниками в распространении этого слуха были крестьяне помещика Троумпеля, деревни Щурово, верстах в полутора от Тумы. Кронштейн был с головы до пяток помещик-крепостник и находил нужным уничтожить в мужиках всякую идею о свободе их. А тут еще присоединилось то обстоятельство, что крестьяне Троумпеля были отданы помещиком под его непосредственный надзор. Исправник останавливался в Туме в доме экономического крестьянина [24] Леонтьева, жившего против нас. Сюда были собраны и виноватые и правые мужики и составили обширный кружок. Исправник, ставши в середине его, вызвал к себе трех преступников, а кучер его тотчас же принес несколько пар пучков розог из довольно толстых прутьев, получивших в этом случае название палов. Началась речь о том, как глупо восставать против помещи-

ков, распространять нелепые слухи и пр. Речь обращалась и к виновным, и к правым, которые все стояли без шапок. Наконец, Кронштейн крикнул кучеру своему: «Ну-ка, принимайся за дело, да смотри, чтобы руки не дрожали». Кучер тотчас же подошел к одному из преступников, стащил с него армяк, поставил на средину круга. Потом взял один пучок палок в правую руку, а другой отдал молодому парню, который в толпе показался ему способным для экзекуции. Стали, по обычаю, с двух сторон несчастного и начали отпускать по его спине удары пучками со всего размаха и изо всей силы. Наказавши одного, принялись за другого и за третьего. Удары были немилосердные, несчастные кричали ужасно, их никто не держал, они стояли, держа руки над своею головою, но иногда не выдерживали, ложились на землю, но тут едва ли еще не сильнее были удары. Бедняги опять вставали, опять ложились, менее сотни никому не досталось, а один получил, кажется, до 200 ударов. И так как в каждой пучке было не менее 4-5 прутьев, то можно судить, каково было наказание, произведенное не по суду, а в виде исправительной меры. Особенно жалко было смотреть на седого старика с довольно умною и степенною физиономиею. И ему досталось, хотя и говорили, что он почти вовсе не был виновен.

Этот-то любитель плети и розог был отличным исправником, когда дело касалось воров, особенно конокрадов и разбойников, хотя и тут он не мог отвыкнуть от Аракчеевских понятий. В то время всякий вор ссылался в Сибирь, как скоро краденая вещь стоила более 100 руб. ассигнациями. На этом основании, как скоро попадался конокрад, то Кронштейн приказывал ценовщикам оценивать ее более, нежели в 100 руб. Крестьяне исполняли его волю большею частию беспрекословно, но если случались между ценовщиками купцы, мещане, или даже крестьяне, которые затруднялись какую-либо клячу оценить во 100 руб., то исправник говорил им: «Лошадь действительно не стоит 100 руб., но ведь мужик без нее нищий, — ему не на чем, ни пахать, ни снопы возить, ни за дровами съездить, и пр.. Сосчитайте-ка, сколько он должен быть понести убытку от кражи своей лошади — кроме того, разве ждать еще, пока вор украдет дорогую лошадь? Нет, покончимте с ним теперь». И действительно, поканчивали почти всегда, так что при первом трехлетьи, на которое Кронштейн был избран исправником от Касимовского уезда, по носившимся тогда слухам, сослано было воров до 30-ти человек.

При поимке разбойников он действовал еще суровее. Когда я учился в училище, то в селе Нирме, дьячок, о котором я уже говорил, и мужик обокрали свою церковь, за что и были наказаны кнутом, заклеимены и осуждены к ссылке в каторжную работу, но мужик как-то ухитрился убежать из острога и нашел себе пристанище в одной из деревень нирменского прихода, откуда и производил

множество воровства и грабежей. Как ни усиливался Кронштейн поймать его, но не успевал. Наконец прибеж к самой радикальной мере. В один день, приехавши в деревню, где каторжник находил себе приют, он собрал всех мужиков и баб и сказал им: «Вот вы уж давно покровительствуете вору и разбойнику, прикрываете его у себя, делитесь с ним добычею его. Я уж много раз говорил вам бросить это, и приказывал его поймать, но вы не послушались; ну, так сами же виноваты; я с вами расправлюсь по-своему». И тотчас приказал по очереди сечь всех до одного и до одной розгами. Разумеется, удары сыпались на обнаженную часть тела, и если их было не чересчур много, однако и не мало, и каждый плотно прилипал к телу и оставлял на нем слишком видный рубец. Когда все были высечены, то исправник вновь начал говорить: «Вот вы сами до чего довели себя. Смотрите же, приказываю вам непременно поймать каторжника, а если вы его не доставите мне в течение двух недель, то приеду к вам опять, и тогда уж задам не такую баню, как теперь. Эй, смотрите, поймайте, а то опять приеду». Мужики и особенно бабы, которых все-таки не часто секали, не захотели в другой раз знакомиться с исправническими проповедями. Каторжник пойман и приведен к Кронштейну в Касимов еще до назначенного срока за несколько дней.

Другое событие происходило в Туме. Близ нее и в ней самой привитал лет десять беглый солдат Герасим или, как его называли – Гераська. Он не раз попадался в острог, а иногда на зиму и сам являлся туда, но к весне находил возможность убежать из него. Кронштейну ужасно хотелось поймать его, но разбойник был хитр, притом с жителями тумскими нельзя было поступить так же, и с нирменскими мужиками. Поэтому тактика была изменена. В деревне Киряеве, в 1,5 верстах от Тумы, жил бурмистр Рюмин Дементий Ефимов, которого любил Кронштейн за его распорядительность. «Эх, Дементий, – сказал ему однажды исправник, – сослужи ты мне службу, большое спасибо скажу тебе». «Изволь, батюшка Карл Васильевич, – отвечал бурмистр, – для вас все готов сделать, только прикажите». «Так поймай мне Гараську», – сказал ему Кронштейн. «Ох, нет, батюшка, уволь меня от этого, не могу, боюсь». «Отчего же это? видишь уж и назад попятился, а сейчас обещался все сделать для меня». «Так-то так, я действительно обещался, только не Гараську ловить». «Да отчего боишься это сделать?». «Как отчего, ведь его уже не раз ловили, и он каждый раз убегал из острога, и тогда плохо приходилось тем, кто его ловил: он и обкрадывал, и поджигал, да пожалуй, и убьет наповал. Нет, батюшка Карл Васильевич, увольте». «Эх, Дементий, Дементий, я тебя считал мужиком умным, а ты не хочешь поймать Гараськи из боязни, что он уйдет из острогу! Эх, ты, глупая голова, поймай, да так,

чтоб ему уходить уже нельзя было». «Как же это сделать?», – перебил Дементий. «Ах ты, недогадливый! да ведь Гараська ходит на ногах, ну так сделай, чтобы ноги ему не служил». «Оно, пожалуй, сделать-то можно, и не мудрено, да за это сам под суд пойдешь. Вы, батюшка Карл Васильевич, сами знаете, что если не только ноги переломать хоть отъявленному разбойнику, а даже связать ему руки так, что от веревок будут на них рубцы, то и тогда достанется нашему брату от суда».

В объяснение этого обстоятельства нахожу нужным прибавить, что, действительно, запрещено было, как и следовало, увечить воров и разбойников и наносить им удары без нужды. Но тогдашние суды пользовались этим вовсе не из филантропических побуждений, а для того, чтобы сорвать с кого-нибудь взятку. Привозили в земский суд вора и разбойника. Приказные, а также и другие арестанты, научали их жаловаться на своих поимщиков за то, что они их били и увечили. Тут шло, как говорит пословица, всяко лыко в строку. Даже если действительно был на руке или ноге синий рубец от крепко натянутой веревки, то суд вызывал новых виновных, уличал их в изувечивании преступника, грозил и тем и другим. Обыкновенно все оканчивалось взяткою секретарю и прочим, и небольшим подарком арестанту. Поэтому случалось, что пойманных воров связывали кушаками, а не веревками.

Таким образом, Дементий имел повод не решаться на предложенное исправником радикальное средство. Но исправник продолжал: «Да ты только переломай ноги и представь ко мне, дело будет все покончено. Не бойся, я все на себя принимаю». «Неужели, правда?» – сказал Дементий, которому Гараська особенно был досажден теперь, обокравши не задолго его родственника. «Уверяю тебя, не бойся, поймай только, да не забудь переломать ноги, с Гараською все покончится, и тебе ничего не будет». «Слушаю, батюшка Карл Васильевич, не беспокойся, поймаю».

Дементий действительно принял ловкие меры. Из огромной вотчины, в которой был бурмистром, он отобрал несколько десятков преданных себе людей, и каждую ночь окружал десятками двумя из них Туму, расставляя их, незаметно для жителей, в разных условленных местах. Он был убежден, что Гараська в какую либо ночь придет в Туму к своим благоприятелям. Но разбойник, вероятно, проведая готовящуюся на него бурю, вел себя осторожно, и караульные две недели напрасно караулили целые ночи. Наконец, терпение их было награждено. Гараська, как после сознался, опасаясь Кронштейна, решил куда-либо уехать подальше от Тумы и к вечеру, подсмотревши или получивши от своих поверенных известие, что наш сосед Леонтий оставил на ночь на гумне двух лошадей и телегу, решил воспользоваться такою оплошностью. Но хомутов, дуги и прочей упряжи не было. В соседней деревне Мальки-

не Гараська унес два хомута и прочую упряжь, оставленные мужем на гумне, и с ними-то в роковую для себя ночь подходил к Туме по тропинке.

Караульные заметили молодца, но чуть было не испортили всего дела. Разгорячившись, они подняли тревогу, когда Гараська был еще далеко от них. Разбойник догадался о приготовленной для него ловушке, бросил упряжь и спешил укрыться в ближайшем лесу. Появившийся тут же Дементий, увидев, что жертва ускользает из рук, закричал преследователям Гараськи: «Пускайте в него колья!», и один такой действительно сбил с ног Гараську. Тогда налетело несколько караульных, и все они начали колотить Гараську кольями. Дементий только приговаривал: «Бейте по ногам!». Разумеется, разбойника принесли в Туму — сам уже идти он не мог. Поутру отправили его в Касимов, где он в остроге и умер. Кронштейн сдержал свое слово: Гараську никто не хотел слушать, что его изувечили, — мол, так с тобою и надо, — ему приговаривали.

Но жители и сами, не дожидаясь исправнических приказаний, не надеясь на правосудие судебных и земских властей, производили свой русский линчев суд и приводили сами свои приговоры в исполнение. Приговоры эти большею частью бывали смертные, и осужденные спасались от них разве случайно. Тумский вор Гришка, о котором я уже говорил, окончил свою жизнь, конечно, дома, приобщившись Христовых Таин, но не совсем обыкновенным образом. Его поймали мужики или, лучше, догнали в лесу с украденными вещами и решили с ним разделаться навсегда. Били насмерть, и когда заметили, что он уже не дышит, сочли его мертвым и оставили на съедение волкам. Но Гришка отлежался, пришел в память и дополз кое-как до дороги. Его привезли домой, где он, прочахнув несколько месяцев, умер так называемую христианскою кончиною. Замечательно, что он не сказал, кто его и за что отколотил в лесу насмерть.

С другими поступали иначе. Мещера страна болотистая. Есть болота с жидкою тиною, имеющие по несколько сажень глубины. Покончивши с разбойником или вором, обыкновенно привязывали ему камень на шею и опускали в болото. Иногда даже и живого с камнем на шее точно также бросали в болотистую тину, где он, разумеется, погибал безвозвратно. Причина, почему болота в этом случае предпочитались рекам и озерам, состояла в том, что в этих ловили рыбу и могли бреднем или неводом вытащить утопленника с камнем на шее. Тогда пошли бы розыски, и пришлось поплатиться не только деньгами, а даже спиною. Напротив, в болотах никто ничего не

ловит, притом тина в них скоро закрывает упавшие на их дно предметы. На что же искать удобнее и безопаснее этого места?

Да, я и забыл еще сказать, что Иван Стратонович, о котором я говорил выше, чуть было не попал заживо в болото. Ему уже был привязан и камень на шею, оставалось только раскатать и бросить подальше в болото, но случайно подошедшие сторонние люди помешали этому исполниться.

Где же не было ни болот, ни глубоких рек, а росли густые леса, там, по местному выражению, прятали воров и разбойников под кабёл. Для этого выбирали толстое и высокое дерево, особенно сосну, обрубали с одной стороны корни его и, привязавши к дереву довольно высоко веревку, наклоняли его в ту сторону, с которой корни не были подрублены. Дереву падать не позволяли эти корни, но зато подрубленные корни другой стороны поднимались и оставляли под собою пустое пространство. Вот в эту-то пустоту и укладывали мертвого, а иногда и живого, разбойника, стараясь о том, чтобы он улегся или под самым стволом или близко от него. Тогда отвязывалась веревка, которою наклоняли дерево; оно опять принимало вполне вертикальное положение. Этот-то способ погребения и назывался упрятыванием под каблом. Замечательно, что иногда о такого рода убийствах знала вся окрестность, но молчали, т. е. не доводили до сведения начальства.

В доме Биреневского священника Кузьмы, отца моего зятя, Нирменского священника Василья Кузьмича Лебедева, однажды сидело множество народа, дожидаясь в праздничный день обедни. Речь зашла об одном биреневском мещанине, известнейшем воре, про которого уже давно не было никаких слухов. Спрашивали, куда он девался? Тогда один из собеседников сказал: «Пока охота толковать о воре, верно хотите, чтобы он возвратился и опять начал воровать?». «Ну, нет, уж не воротится», – возразил тут другой мужик, заика. «А почему же ты думаешь, что он не воротится?». «Да как же ему воротиться: он уже столько-то времени лежит под каблом». Все засмеялись, впрочем, половина и без того уже знала о том.

Описанный мною «линчев суд», конечно, вынуждался крайнею необходимостью и тою податливостью, которую начальство оказывало записным ворам и разбойникам, умевшим приобрести и поддержать его благоволение, но выказывал грубость нравов и даже усиливал ее. К сожалению, линчев суд прилагали иногда к таким лицам, которые равно ничем не были виноваты.

Кстати уже я расскажу здесь об одном из таких. Тут, конечно, не было ни воров, ни воровства, ни разбоя, но целая деревня действовала хуже шайки разбойников. В 1840 году, бывши гостем в

Дмитровском погосте у моего батюшки, в один вечер я сидел в кухне, в то время как все тут ужинали. Дело зашло о разных убийствах, и между тем о том, как мужики хотели было бросить Ивана Стратоновича с камнем в воду. Тогда ужинавшая тоже батюшкина работница, солдатка из деревни Ершовой, Дмитровского прихода, Анна сказала: «Да что вы об этом толкуете? Вот я вам расскажу получше штуку».

Передаю я ее рассказ. В деревне Ершовой, где родилась Анна, был старик, выживший из рода, т. е. не имевший ни детей, ни внучат, ни правнучат, а потому и проживал он, то у того, то у другого дальнего какого либо родственника, и не считался принадлежащим к какой либо семье. Поэтому, при одной так называемой ревизии, или народной переписи, его и не записали в список жителей деревни, или, по тогдашнему выражению, пропустили. В то время чрезвычайно суровы были наказания и штрафы, которые налагались на старост и на вотчину, если кто-либо бывал пропущен в ревизии. Мужики как-то узнали о том, что бездомный старик не попал в перепись; думали, думали, да и придумали. Старик, как это делают многие слишком пожилые люди, постоянно ожидающие смерти, приобщался через каждые шесть недель, чтобы в случае внезапной смерти священник не отказался похоронить его. Однажды мужики и бабы всей деревни собрались на какой-то двор и объяснили старику: «Что вот ты пропущен в ревизии, что из-за тебя нам придется платить большой штраф и староста пойдет на поселение, что ты пожил уже на свете и пора тебе умереть. Так помолись-ка Богу, а мы с тобою и покончим». Анна, смотревшая на эту сцену с улицы в подворотню вместе с другими детьми, рассказывала, что старик всячески упрашивал своих палачей не трогать его, мол, он и без того скоро умрет, но они, несмотря на его просьбу, составили петлю на середине длинной веревки, надели на шею старика и потом, ухватившись за концы веревки все без исключения, и бабы и мужики, потянули их и целым миром удавили старика. Надобно думать, что дали порядочную взятку попу, который и похоронил его без суда и следствия. Анна добавила, что еще во время ее рассказа много было живыми из тех баб и мужиков, которые участвовали в этом ужасном преступлении. Теперь, как я пишу это, вероятно, уж нет никого из них на белом свете. Событие это происходило в царствование императора Александра 1-го.

На этом заканчивается часть записок профессора Д. И. Ростиславова, касающаяся разбоев и самосуда на Касимовской дороге. Дальнейшее повествование описывает жизнь семьи его родителя в Туме, которую автор называет центром Касимовской части Мещеры. Воспоминания изобилуют бытовыми подробностями существования сельского священника в первой половине XIX века, и являются прекрасным образчиком «истории повседневности».

Примечания.

1. Топоним Тума имеет финно-угорское происхождение. Его объясняют на материале мокша-мордовского, эрзя-мордовского и марийского языков. Мокшанское «Тума» — «Дуб», эрзянское «Тумо» — «Дуб», марийское «Тум» — «Глушь», «Непроходимый лес».

2. Имеется в виду дополнительный рекрутский набор 1769 года для Русско-Турецкой войны, в который попадали сыновья священнослужителей. В армию призывался каждый четвертый ребенок мужского пола призывного возраста (от 15 до 40 лет) служащего священника и каждый второй сын неслужащего. Кроме того в некоторых случаях призыву подлежали и безместные священники.

3. Форма приветствия между православным духовенством, на которую следует ответ: «И есть, и будет!».

4. Современный поселок городского типа Тума до 1917 года назывался Николаевской Тумой по имени Никольского погоста, известного с XVII века. Кроме Николаевской, неподалеку располагалось село Воскресенская Тума, ныне село Воскресенье.

5. Имеется в виду свитка – мужская и женская верхняя одежда в виде длинной распашной рубахи. Род кафтана.

6. То есть четверть ведра – около 3 литров.

7. «Быть в случае» – то есть быть фаворитом, любимцем.

8. Автор не называет императора Николаем I, так как воспоминания были написаны в 1870-х гг., когда государь с таким именем был единственным.

9. Кавказское линейное казачье войско вместе с Черноморским занимало Кавказскую оборонительную линию от устья Терека до устья Кубани и подвергалось постоянным нападениям местного населения.

10. «Никола летний», 22 мая по новому стилю.

11. Кутейник от слова «кутья» - шуточное и унижительное прозвище лиц духовного сословия.

12. Имеется ввиду популярная в старину поговорка: «Смерть, какмышь голову отъест».

13. Магазинами назывались помещения для хранения чего-либо, склады.

14. По В. И. Далю: копыл – стояк, стоень, надолба, торцом вставленная во что деревяшка; в санные полозья вдолблены копылы, копылья, связанные поперек саней вязками.

15. Архангельское – в XIX веке волостной центр Егорьевского уезда Рязанской губернии, а с 1919 года Клепиковского уезда. В настоящее время территория Архангельской волости находится в составе Шатурского района Московской области и Клепиковского района Рязанской.

16. Становой пристав – полицейское должностное лицо в Российской империи, возглавляющее стан – полицейско-административный округ из нескольких волостей. Должность учреждена в 1837 г. Положением о земской полиции.

17. Дмитровский Погост - крупное село в Шатурском районе Московской области в глубине Мещерской низменности на небольшой возвышенности – Егорьевско-Касимовской гряде. Неофициальное и самое употребляемое название – Коробово.

18. 20 июля, то есть 2 августа по новому стилю, празднуется Ильин день. Тумская церковь имела пять престолов: во имя Святой Троицы, Архангела Михаила, Покрова Пресвятой Богородицы, свяителя Мирликийского Николая и пророка Илии.

19. Имеется в виду, конечно, Александр I.

20. Ныне село Середниково Шатурского района на Касимовском шоссе. Название получило вследствие своего расположения на середине пути из Москвы в Касимов.

21. Бурмистр – при крепостном праве доверенное лицо помещика над крестьянами, назначенный помещиком староста.

22. Середниково принадлежало потомкам грузинских князей. Последней владелицей села перед отменой крепостного права была грузинская царевна Анастасия Григорьевна.

23. В большинстве губерний России уездная полиция объединялась с городской и создавалось единое уездное полицейское управление, которое возглавлял уездный исправник.

24. Категория государственных крестьян, бывших до секуляризационной реформы Екатерины II во владении Церкви, и переданных в коллегию экономии (отсюда и название).

Александр Петрович Гаврилов
Директор Шиловского краеведческого музея
Шилово, Рязанская область

ДАМАССКИЕ МЕЧИ В МАТЕРИАЛАХ КУЛЬТУРЫ РЯЗАНО-ОКСКИХ МОГИЛЬНИКОВ.

Изучение дамасской стали I тыс.н.э. на территории Западной Европы началось довольно давно¹, наиболее презентабельной находкой дамасской на текущий момент справедливо считается ритуальный комплекс из Нидама /Дания/ 2 в.н.э. дамасски которого были изготовленный в Рейнской области Римской провинции.²

В настоящее время высказываются мнения, что появление дамасской стали, происходило параллельно в Европе и Азии, причём непосредственно в Дамаск и Сирию эта технология распространяется из Рима при Диоклетиане³.

На территории России одними из первых вопрос о изучении дамасской стали в раннем железном веке подняли Бгажба О.Х., Терехова Н.Н., Розанова Л.С. ⁴, в рамках изучения кузнечных технологий Цебельдинской культуры. Что же касается лесостепной зоны восточной Европы, то публикация Кленков из дамасской стали только начата.

Рассматриваемые нами клинки происходят из материалов культуры Рязано-окских могильников. В последнее время рядом исследователей (Ахмедов, Гавритухин, Казанцев и пр.) высказывается все более весомы аргументы в пользу значительной роли раннесредневекового Среднего Поочья, в сложении Русского государства.

Высокая милитаризованность носителей культуры рязано-окских могильников позволяет выделить отдельный пласт воинской культуры⁵, специфической чертой которой для лесостепи является большое количество импортов⁶, преимущественно в инвентаре мужских погребений. Последнее обстоятельство позволяет предположить

¹ Басов В.И. "Мастер Ружье" № 59 2002 «Российский Дамаск», стр70-73.

² Neumann B. Die ältesten Verfahren den Erzeugung teehnischen Eistns B., 1954.

³ Басов В.И. Мастер Ружье // Российский Дамаск, № 59. 2002.

⁴ Бгажба О.Х., Терехова Н.Н., Розанова Л.С. Кузнечные изделия из памятников цебельдинской культуры // СА.— 1990.— № 3.— С. 184—195.

⁵ Фомин А.А. Воинская культура носителей культуры Рязано-окских могильников тезисы Всерос, зональная конференция. М., 2000 г.

⁶ Ахмедов И.Р. Из истории конского убора и предметов снаряжения всадника Рязано-окских могильников. // Материалы научной конференции «Историко-культурное наследие». Рязань, 1994.

распространение на не аутентичную мужскую группу населения, носителей культуры рязано-окских могильников общеевропейской моды. Которая влияет не только на отдельные элементы костюма и аксессуары всадника⁷, но и наличие в их среде импортного оружия.

Рассматриваемые нами мечи относятся к общей группе длинных двухлезвийных мечей, с прямыми параллельно идущими лезвиями и трапецевидным симметрично-расположенным черешком. Не смотря на общее сходство по ряду признаков, выделяются 3 основных типа, разнящихся не только внешне, но и хронологически.

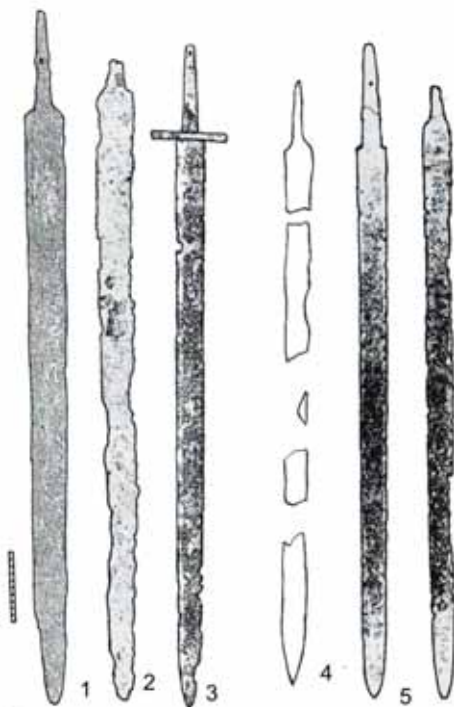

Рисунок 1.

1. Борок1 Ундрих 83 Ро 93 (тип1)
2. Борок 2 пг265. (тип1).
3. Борок 1(частная коллекция) (тип2).
4. Борок 1 Ундрих 83. пг64. (тип3).
5. Борок 1 (разрушенное пг) (тип3).
6. Борок1 Ундрих 90 пг1 (тип3).

⁷ Ахметов ИР «О месте поясного и конского убора и снаряжении всадника в погребальном обряде Рязанских мог. Погребальный обряд ТР. ГиМ выл. 93 М 19.

Тип 1: Рис.1.1,2. Включает в себя два меча которые имеют два прямых лезвия, плавно сужающихся к окончанию, переход черешка в лезвие слабо выделенный, с плавно очерченными плечиками. Длина клинка 82-86 см., общая длина около метра, ширина лезвия у основания 5,5 см., сечение уплощенное линзовидное.

Тип 2: Рис.1.3. Включает в себя один меч. Лезвия меча параллельно идущие плавно сходящиеся в верхней четверти клинка плечики клинка у основания

черенка четко очерчены и фиксируют - элипсовидное перекрестие. Длина клинка 81 см общая длина 93 см., ширина у основания 4,8 см., сечение уплощенное, перекрестие шириной 8,5 см.

Тип 3: Рис.1.4,5,6. Включает в себя 3 меча. Эти мечи имеют прямые лезвия, достаточно резко сужающиеся окончания, четко очерченный черешок, с выразительными плечиками лезвия, уплощенного в сечении. Длина клинков в рабочей части 72-73 см., общая длина около 85-90 см., ширина лезвия у основания 4,5 см.

Меч I типа типологически отличаются от более поздних аналогов достаточно плавным сужением лезвия, более широким клинком у основания, а также плавным переходом черешка в лезвие⁸. О.В. Обельченко выделяет их в особую группу познесарматских мечей, бытовавших в 3-4 в.н.э.⁹.

Подобные мечи имеют аналоги в Нижнем Поволжье¹⁰, в Курганах около Янги - Юля 3-4 вв.¹¹, в курганах южной Туркмении конца 4 в.¹², а так т в южном Приуралье 4-5 вв.¹³ Как мы видим, большинство аналогов мечам I типа, имеются в среде познесарматских древностей конца 4-начало 5 вв. многочисленные аналоги которых в материалах культуры рязано-окских могильников не раз отмечалась исследователями¹⁴. Прочий инвентарь, как-то: поясные накладки геометрического стиля¹⁵, кольчатые удила, пряжки с овальной рамкой и овальным щитком, имеют аналоги в древности Кошибеевского могильника 4-5 в.н.э.¹⁶.

⁸ Смирнов К.Ф. Сарматские погребения Южного Приуралья. // КСВИЖ XXII, 1948. С.86

⁹ Обельченко О.В., С.А. 1978, стр. 115-127

¹⁰ Синицын И.В. "Сарматские курганы в северной части Нижнего Поволжья" Саратов 1932, стр.62-63.

¹¹ Григорьев Г.В. Келесская степь в археологическом отношении // Известия А.Н. Казахской ССР. Археологический выпуск I, 1948. №46. стр.56-60.

¹² Массой М.Е. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркестана. ДЛИ, 1953. №1. стр. 154.

¹³ Сальников К.З. Сарматские погребения в районе Магнитогорска // КСИИМК XXXIV, 1950. стр.119-121.

¹⁴ Ахметов И.Р. О месте поясного и конского убора и снаряжении всадника в погребальном обряде Рязанских мог. Погребальный обряд ТР. ГиМ вып. 93 М 19 стр. 106-107

¹⁵ Меч хранится в частной коллекции.

¹⁶ Шитов В.Н. Кашибеевский могильник. Вопросы этнической истории

Не мало важно, что сюльгамы с раздвоенными, развернутыми кольцами имеющаяся в этом погребении, имеют аналоги в Азелинских древностях: 4-5 в, н.э.¹⁷.

Таким образом, датировка мечей первого типа, не выходит за рамки конца 4 -начало 5 в.н.э.

Меч 2 типа, типологически и хронологически занимает срединное положение между мечами I и 3 типов. Относясь к первому типу мечей с элипсовидным. перекрестием, по А.М.Хазанову¹⁸. Он имеет многочисленные аналоги в степной полосе Восточной Европы¹⁹. Аналогичный меч с могильника-2 у с. Борок, погребение 110 датируется 2 половиной 5 в.н.э.²⁰.

Тип 3: этот тип описываемых мечей включает в себя 3 экземпляра, сходных не только по совокупности внешних признаков самих кЛенков, но и отделки ножен;

Меч-инсигния²¹ находит аналоги среди Аварских материалов, сходный типологический меч из могильника Перешипино датируется Й. Вейнером около 650г.

А.Г.Атавин датирует аналогичную находку у хутора Крупской, началом 7 века н. э.²² Помимо - этого, этот тип мечей традиционно сопоставляется с «рейнской» группой мечей Западной Европы, где им имеются множественные аналоги в памятниках 6-7 в».

В элементах ножен всех трёх мечей входят парные Р-видные петли для крепления меча к портуpei, относящиеся к древностям Геральдического круга.

Наиболее близким им аналогом является находка у с. Арцебашево Рязанской обл.²³, этот комплекс датируека 7 веком н н.э. Того же времени находкой палаша с Р-видными скобами у хутора Чапаевский²⁴.

Таким образом, правомочно датировать мечи этой группы второй половиной 6 -первой половиной 7 века.

Мардовского народа. // Труды МНИИЯЛИЭ, выпуск 93,Саранск, 1988.

¹⁷ Генинг В.Ф. Азелинская культура 3-5 вв. // Вопросы археологии Урала. Выпуск 5, Ижевск, 1963.

¹⁸ Хазанов А.М. Очерки военного дела Сарматов, Москва, 1971.

¹⁹ Ахметов И Р. Воинское погребение из могильника // Борок II. Тверской археологический сборник. 4 вып. Т II. Тверь, 2001.

²⁰ Ахметов И Р. Воинское погребение из могильника // Борок II. Тверской археологический сборник. 4вып. Т I. Тверь, 2001

²¹ Атавин А.Г. Культура Евразийских степей 2 половины 1 тыс. н.э. Погребения 7-нач. 8 вв. из Восточной Европы. Самара, 1996. С. 219.

²² Атавин А.Г. Культура Евразийских степей 2 половины 1 тыс. н.э. Погребения 7-нач. 8 вв. из Восточной Европы. Самара, 1996. С. 220.

²³ Мангайт А.А. 1951 Могила всадника у с. Арцебашево // Археологические заметки. КСИИМК, выпуск 41.

²⁴ Хазанов А.М. Очерки военного дела Сарматов. Москва, 1971.

Проанализировав аналоги описываемых мечей, и сопутствующего инвентаря погребений мы можем сказать, что мечи I группы датируются концом 4-начало 5 в.н.э., меч 2 типа датируется второй половиной 5 в., мечи 3 группы второй половиной 6 -первая половина 7в.

Классификация дамасскировки.

Термин дамасская сталь или дамасскированная сталь (дамаск), обычно распространяется на группы «узорчатых» сталей, полученных путём кузнечной сварки стальных и железных полос, с последующим многократным складыванием и скручиванием.

В описываемых нами мечах использовался так называемый «крученный» дамасск, когда к полотну из нескольких дамасских полос по бокам приваривались стальные лезвия. Дамасские полосы в описываемых нами мечах получались путём скручивания металлического прутка сваренного из двух и более слоев стали и железа. Необходимо отметить высокую чистоту фиритных сварочных швов, говорящих о высоком мастерстве кузнеца изготавливающих эти мечи. Имеющиеся мечи несколько разнятся по структуре формирования клинка.

Мечи 1-го типа рис. 1.1,2. состоят из двух узких, приблизительно 7 мм., полос дамасской стали образующие дамасский узор «ёлочку», рис.2.2 по бокам к ним приварены железные полосы шириной до 1 см., а уже на них наваривались стальные лезвия, узор меча рис.1.1 отличается меньшей закрученностью, и тем что его лезвие состоит не из двух а трех полос стали.

Меч 2-го типа рис.1.3 состоит из двух сваренных дамасских полос, так называемого «букетного» узора рис.2.3 получившийся при продольной рубке скрученной дамасской полосы. Эти полосы шириной 10-12 мм. чуть шире прочих имеющихся полос, что говорит о специальном их изготовлении под данный узор. По бокам к дамасской основе приварены стальные лезвия.

Мечи 3-го типа рис.1;4,5,6 состоят из двух полос кручёною дамасска с наваренными стальными лезвиями, примечательно то, что полоса меча 4 3-го типа рис. 2;4 более закручена, нежели полосы меча 6, 3-го типа рис. 2;6, что и даёт разницу в узоре. Особое место занимает меч 5 3-го типа рис 2,5, так как в данном случае основа меча состоит из средне-углеродистой стали, а дамасские полосы были наварены сверху на клинке, что позволяет считать этот меч "дамасскированным". При этом с каждой стороны наваривалось по три узких шириной до 7 мм. каждая крученых полос.

Особый интерес представляют лезвия, наваренные на дамасские мечи. Обладая средней твердостью, при травлении они показывают слабую науглероженность. Правда в мече 5 типа 3 удалось зафиксировать, что лезвие состоит из «пакетного» металла, то есть чередующихся железных и стальных пластин.

В прочих же случаях мы склонны предположить, что лезвия изготовлялись из стали с легирующим элементом, возможно природного происхождения.

В заключении не маловажно поставить вопрос о месте изготовления этих мечей. Вячеслав Басов считает одним из центров изготовления кручёного дамасска, страны Балтийского бассейна 4-6 веков н.э.²⁵ Рядом исследователей так же отмечалась возможность местного изготовления дамасска на территории Восточной Европы.²⁶

Несомненно, часть рассматриваемых нами кЛенков может быть Северокавказского и Западноевропейского происхождения. Однако часть из них может быть местного производства, доказательством чему служит находка полуфабрикатов производства дамасской стали в одном из погребений могильника 2 у с. Борок. Погребение, датируемое по сопутствующим вещам конца 4-начало 5 вв., содержало в себе несколько металлических брусочков положенных в ногах погребенного. Два из них, представляли сваренные друг с другом, кручёные полосы дамасской стали рис. 2; № 7,8. Третий состоял из сваренных стальных и железных полос, до тордирования /кручения/ рис. 2 9. Четвёртая находка представляла тардированную дамасскую основу, не выпрямленную после тордирования рис. 2 №10. Таким образом, это погребение содержало в себе полуфабрикаты «дамасского» производства, что наводит на мысль о возможности местного изготовления нескольких из рассматриваемых нами мечей.

В завершении нашей статьи хотелось упомянуть меч найденный на территории археологического макрорегиона могильников Борок1-2.

Это меч длиною 86 см. с клинком длиною 66 см. шириною 5,6 см. Сечение меча уплощенно-линзовидное лезвие прямое, с резко очерченным треугольным концом, черенок меча длиною 20 см, соединяется с клинком, образуя четко очерченные плечики.

Подобные мечи широко известны по находкам в Риме и римской провинции во 3-4-м веке нашей эры, и относиться к мечу типа «помпеи» (Pompeii) возникшего в Римской армии как реакция на столкновение короткого гладиуса с длинными мечами варваров, приведшее со временем к появлению римской спаты.

Поверхностное травление клинка выявило линейный узор, древнейшего дамасска характерного для римского вооружения.

Таким образом он лежит вне основного контекста данной статьи.

Однако его находка на Рязанщине, живо свидетельствует о непосредственном заимствовании кЛенков римского происхождения. Что дополняет картину истории проникновения дамасска, на среднее течение Оки.

²⁵ Басов В.И. Российский Дамаск // Мастер Ружье № 59, 2002. стр.70-73.

²⁶ Бажба О.Х., Терехова Н.Н., Розанова Л.С. Кузнечные изделия из памятников цебельдинской культуры // СА.— 1990.— № 3.— С. 184—195.

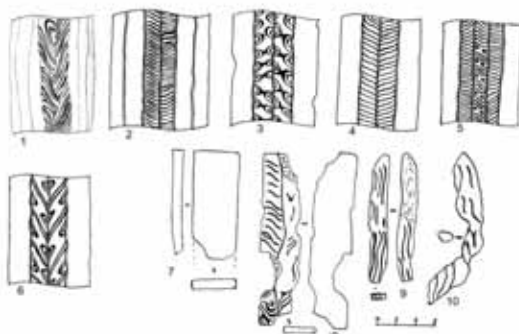
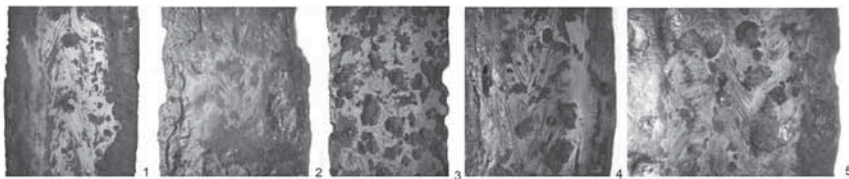

Рисунок 2. Прорисовка дамасских узоров.

1. Борок1 Ундрих 83 Р93 (тип1).	5. Борок 1 (разрушенное пл) (тип3).
2. Борок 2 пл265. (тип1)	6. Борок1 Ундрих 90 пл1 (тип3).
3. Борок 1(частная коллекция) (тип2).	7-10. Полуфабрикаты дамасской стали
4. Борок 1 Ундрих 83. пл64. (тип3).	Борок 2 пл 26.

Римский меч с территории археологического комплекса Борок1-Борок2. и его макрошлиф.

1.Борок1 Ундрих83 Р93 (тип1) 2.Борок2 пл265. (тип1). 3.Борок 1 (ч.к.) (тип2). 4.Борок1 Ундрих 90 пл.1 (тип3). 5.Борок1 (разрушенное пл.) (тип3).

СЛЕДУЮЩАЯ СТАНЦИЯ «БЕГОВАЯ», «ВЕСЕЛЫЕ СТАРТЫ» ИЛИ НЕМНОГО О «ЗАЙЦАХ»

Ранее я никогда не садился в электричку если у меня в кармане не лежал билет до той станции, куда я намеревался ехать. Вид контролеров-ревизоров у меня вызывал трепет, а ретирующиеся от них безбилетники – чувство праведного осуждения. Во всех конфликтах, кои разыгрывались у меня на глазах из-за отсутствия билета или чего-либо в этом роде, я всегда морально был на стороне ревизоров и злорадствовал по поводу кары с их стороны на головы «зайцев». Я ждал, когда пойдут ревизоры, и чуть ли не с гордостью демонстрировал им честно купленный билет. Но время шло. Когда мне пришлось регулярно совершать поездки на электричках в Куровскую и прочие места, честно тратиться стало накладно и я стал учиться у прочих пассажиров неправедному проезду. Вначале, уже зная откуда и куда едут ревизоры, я стал брать билет так, чтобы до станции, до которой я взял проездной документ, у меня его успели проверить. Затем, видя как безбилетники откупаются «десятками», я взял на вооружение и этот момент: все равно дорога стоит куда дороже, чем десять рублей. К сведению, я ездил преимущественно по шатурской ветке Казанской железной дороги, где испокон веков были самые вредные и здесь брать десятки стали позже нежели на других линиях. Когда везде десятирублевки брали вовсю, здесь еще народ гоняли. Но и эта ветка скоро сдалась. Вскоре я, как нормальный человек научился ездить без билета. Это продолжается до сего дня.

Поскольку поездка без билета и бег от ревизоров есть занятие весьма интересное, связанное с занятными приключениями, у меня накопилось немало полевого материала, полученного в ходе таких поездок. Я решил изложить свои впечатления в письменной форме, из чего должен получиться документальный рассказ о таком явлении в бытовой культуре Восточного Подмосковья, да и многих регионов России в целом, как «зайцы» в электричках.

Конечно, большинство «зайцев» со стажем возможной с иронией и критикой отнесутся и данному повествованию, но я описываю лишь собственную практику. Безусловно она неизмеримо беднее чем у подавляющего большинства жителей Подмосковья, которые ежедневно ездят на электричках в Москву и обратно.

Поскольку для моей работы мне приходилось пользоваться

электричками шатурского и голутвинского направлений Казанской и Горьковской железной дорог, как раз направлений, идущих через запад Мещёры, то речь пойдет именно о них.

Дабы показать и важную подмосковную традицию в существовании «зайцев», я решил привести и интересный материал, который был найден в старинной газете «Московский листок» и некоторых других источниках.

Около десяти лет назад, когда я вел кружок краеведения в лицее д.Давыдово, Орехово-Зуевского района, Один посещавший кружок учащийся, ссылаясь на рассказ своей бабушки, рассказал, как бегали от контролеров в поездах на Шатурской ветке на Москву в период ее детства, которое пришлось на 1940-е годы. «Зайцы», которых всегда было много, выставляли своеобразных «часовых», которые отслеживали посадку в поезд и передвижение по нему «контры». Предупрежденные безбилетники уходили в сторону последнего вагона. В нем скапливалась вся масса «зайцев», собравшаяся со всего состава. Контролеры туда не заходили. Остатки такой «традиции» на данной ветке я наблюдал еще в начале 2000-х гг., когда бригады ревизоров, как правило состоящие из лиц уже давно работающих на данном направлении, игнорировали проверку последнего вагона. Но сейчас этого не встретишь лет десять.

Еще в начале 2000-х гг. практически на всех направлениях существовала практика, когда безбилетники откупались от ревизоров за платив по десятке. Бегали только наиболее прижимистые и стойкие. Но инфляция есть инфляция, и вскоре вместо десятков стали брать по двадцать рублей, а затем начали требовать и больше. Но после двадцаток я уже перестал платить и начал бегать. Наверное, единственным исключением была Шатурская ветка Казанского направления, где десятки ревизорами не признавались довольно долго. По народной версии здешние ревизоры начали их брать только после того, как один раз «зайцы» просто высадили наиболее свирепую ревизоршу на одной из платформ.

Существуют разные байки о способах, как отбиться от ревизоров, даже не убегая от них. Ныне покойная уроженка гуслицкой деревни Степановка Устинья Григорьевна Андриянова (1923-2010) рассказала о том, как обычно поступал один из ее дядьев, регулярно ездивший в 1920-х гг., как и многие другие деревенские жители того края, на работу на фабрику в Дулёво на знаменитом прежде поезде «Гусяк». Когда к нему подходили с проверкой билета, он начинал трястись, изображая человека больного на голову, начинал что-то несуразное петь или бормотать. Обычно от него ревизоры сразу же уходили. Подобное применялось и применяется многими «зайцами» и на разных дорогах до сих пор. И часто такое срабатывает.

В начале 2000-х гг. мне рассказали о следующем способе, который применял один молодой мужчина-«заяц». Он всегда старался са-

диться рядом с незнакомой одиноко сидящей женщиной не старше своего возраста. Когда к нему подходили ревизоры, он устраивал следующую сцену, которая веселила весь вагон. Когда звучало требование предъявить билет, он поворачивался к незнакомой соседке, и говорил: «Маша (варианты: Таня, Соня, Люба и т.п.)! Где мой билет?» Женщина, согласно его замыслу, на время сцены должна была изобразить его супругу, с которой он находится в ссоре. Недоумевающая соседка, разумеется, делала круглые глаза и раздраженно говорила, что вас, молодой человек, я впервые вижу и о каком вашем билете здесь может идти речь. «Заяц» тем временем продолжал задуманную игру и, также раздраженно, начинал говорить, что это крайне низко с ее стороны из-за какой-то пустяшной ссоры, на людях, изображать его полное незнание и прятать его законно купленный билет. Расходы на штраф все равно лягут на семейный бюджет. Женщина продолжала недоуменно отбрыкиваться от нахала, пытаясь послать его как можно дальше. Весь вагон катался от смеха по полу, ревизоры, также посмеявшись над такой «семейной» сценой, шли дальше.

Лично я подобный способ ни разу не применял и также ни разу лично не видел чтобы так хоть кто-то из «зайцев» делал. Здесь масса подводных камней. Прежде всего, никогда не знаешь, на кого (в плане соседки нарвешься). Есть конечно же шанс, что попадется женщина, которая сразу же просчет фишку и захочет подыграть. В большинстве же случаев нарвешься на отпор разной степени силы, возможно, что и весьма решительный. Может оказаться, что женщина будет ехать одна, но поблизости окажутся какие-либо люди, кто с ней живет в одном поселке, в одной многоэтажке, бывшие одноклассники и прочие знающие ее лица (когда едет народ из небольших городов и поселков, это более чем вероятно). Они, не поняв юмора, что в России бывает часто, придут к ней на помощь и общение даже с самыми вредными ревизорами покажется чем-то уж очень приятным и безобидным. Да и среди ревизоров-женщин нередко попадают те, что будут стоять у вас над душой, невзирая на веселую сцену, и требовать билет до последнего. Скорее всего, подобный способ следует отнести лишь к памятникам «заячьего» фольклора, хотя, при определенном таланте и нахальстве некоторым персонажам им и удастся воспользоваться. Более всего вероятно, что подобное сможет повернуть как раз не мужчина, а молодая симпатичная женщина, подыграть которой захотят многие представители сильного пола.

Относительно же попыток представить себя человеком странным и даже не вполне здоровым, то у меня лично несколько раз успешно проходил следующий вариант. Когда ко мне подходила ревизорша и требовала предъявления билета, то я нагло спрашивал: «А может вам еще и партбилет нужен! Скоро и их требовать будете?!» При этом надо изобразить персонажа, который морально уже готов устроить в вагоне публичную дискуссию на тему политики. Несколько раз ревизоры, бо-

ясь спровоцировать подобную сцену, от греха подальше отходили. Но некоторые, как правило, уже люди с опытом многолетней работы и тонкие психологи, не отступали и уходить приходилось мне. Один раз на Горьковской ветке, в петушинской электричке, я спросил про пар-тбилет тетку-ревизоршу, которая явно была после мощной вчерашней выпивки. Сильный бодун был налицо. Если в мирное время у тети и было чувство юмора, то в данной ситуации оно спало. Тетенька злобно отрезала мне: «Ты у меня еще пошути!» При этом было понятно, что дальнейшие шутки бесполезны и даже опасны для здоровья.

Есть еще один наивный способ спрятаться от ревизоров: в туалете первого или последнего вагона, при условии, что он открыт. Но, не думая забывать, что ревизоры вовсе не дураки, и про этот давний способ знают очень хорошо. К тому же поездные туалеты открываются тем же ключом, что и двери междвагонных тамбуров, которые есть у каждой бригады. Раз ехал на Владимир без билета и с группой «зайцев» дошел до последнего тамбура, где был функционирующий такой сортир. Среди нас были три студентки, которые ехали к кому-то из владимирских знакомых в гости. Они решили спрятаться в туалете, благо три стройные фигурки там помещались без какой-либо тесноты. Вошедшая в тамбур тетка-ревизорша первым делом проявила интерес к закрытому изнутри данному помещению и заперла его еще и снаружи. Она пригрозила, что отопрет туалет только на конечной станции и отведет тех, кто прячется платить штраф в милицию. Однако, уже через пять минут девчонки были освобождены, но по десяти руб-лей им все же пришлось отдать (а так быть может и пронесло).

Один мой знакомый из г. Орехово-Зуево рассказал, как выходил из положения он, когда ему часто приходилось ездить в Москву. Челов-ек садился в электричку на конечной станции «Крутое», всегда у окна. Он всегда надевал рубашку и куртку того же цвета, что и элементы униформы у железнодорожников. Когда подходили ревизоры, он при-кидывался спящим, предварительно нацепив на плечи погончики с железнодорожной униформы. Проверяющие, видя «своего», прохо-дили мимо, стараясь не будить притомившегося «коллегу». Неко-торые любители не платить за проезд также надевали элементы уни-формы, а зачастую и ее полный комплект. Этот способ явно сущест-вовал довольно давно, и не удивительно, что о нем не могли не знать и сами ревизоры. Один раз, когда я еще был честным пассажиром, мне пришлось наблюдать сцену на Шатурской ветке, когда ревизорша настойчиво требовала удостоверение, билет или оплату штрафа у мужичка в форме работника железной дороги. Никакие «отмазки», что он, дескать, «свой», она не принимала.

Когда «зайцев» было в электричках особенно много и от «конт-ры» уходили большими толпами, часто приходилось наблюдать карти-ну, когда некоторые тётки-«зайцы» пытались с ревизорами ругаться дабы что-то доказать. Но это зачастую приводило к нежелательному

для любителей покачать права эффекту: ревизорши только озлоблялись. Однажды, году в 2005-м, еду в «Куровскую». Уходим от ревизоров, стопились в тамбуре для бега. Вагон уже последний и отступать некуда. Ревизорши, две тётки, уже рядом и ждут когда будет станция «Гжель» и мы все убежим вперед. Перед ними в тамбур просочилась женщина лет сорока, которая, судя по всему, пыталась качать права и ругаться. А мы в это время проезжаем еще «55-й километр». Нас ревизорши не тронули, дав возможность совершить передислокацию в безопасный вагон на нужной большой станции, а женщину со скандалом выгнали на этой маленькой станции.

В связи с этим, никогда не надо качать права, ругаться и что-то доказывать, тем более что не прав. Если ревизоры хмурые и злые, лучше вообще молчать. А если они в хорошем настроении и с чувством юмора – можно самому пошутить. Часто это помогает. Ревизоры то же люди и относиться к ним надо по-человечески.

14 января 2011 года, когда я проник через народный лаз на платформу в сторону Москвы на станции «Павлово-Посад», я высмотрел, что бригада из ревизора-мужика и ревизорши-бабы, придя на платформу стала ждать электричку в середине, я подумал, что вторая бригада стоит в конце. В районе начала платформы никого из этой братии не было. Как это бывает обычно, эта бригада пойдет проверять билеты к началу состава, а вторая – с конца к середине. Но. по всей видимости, те кто проверяли начало электрички влезли на «Фрязево», а эти же пошли от середины к концу. До «Фрязево» они, судя по всему, сидели тихо и пошли уже после указанной станции. Я, видя как из тамбура вагона где сижу, народ бежит вперед состава, стал про себя ухмыляться: «что вы придурки делаете – они ведь туда-то и идут». Однако, народ был прав: бежать на «Храпуново» пришлось мне и еще нескольким коллегам-«зайцам». Успели. Вбежал в тамбур своего же вагона и ждал, пока ревизоры пройдут дальше. До «Новогиреево» ехал на своем прежнем месте. Обычный «заячий» случай.

Из взаимоотношений «зайцев» и ревизоров.

Это весьма важная и интересная страница в жизни безбилетников. Хотя большинство «зайцев» старается уйти от встречи с ревизорами и перебежать в другой вагон не столкнувшись с ними, некоторые, в том числе и автор этих строк любят «приколоться» и пообщаться со своими «гонителями». Подобное может дать неплохой полезной материал.

В 2006-2009 гг. мне приходилось регулярно ездить во Владимир. Я поступал следующим образом. От «Новогиреево» до «Петушков» ехал на перекладных электричках, бегая от подмосковных ревизорских бригад. Здесь, если вдруг и отстанешь, что на Горьковской ветке маловероятно, то сзади всегда идет следующая электричка. Далее же, на

владимирском участке пути, электричек очень мало. Здесь, если отстанешь, можешь проторчать более пяти часов на какой-нибудь станции. Поэтому я на «Петушках» брал билет на полпути до «Ундола» (на обратном пути также до него), смотрел, куда сядут ревизоры и заходил с ними в электричку «Москва-Владимир», в один вагон, дабы до указанной станции они сто пудов успели проверить. На владимирском вокзале до недавнего времени стояли турникеты только на вход и выйти через них с платформы в здание вокзала или в город не представляло никакого труда. Ревизоры проверяли половине состава двумя бригадами и до конечной станции успевали проверить все вагоны. Работали здесь несколько молодых женщин, один парень лет двадцати пяти-семи и пара теток. Они были довольно вредными и докапывались до любой мелочи. Как-то еду с Владимира, взяв по обыкновению билет до вышеупомянутой станции. Сел в вагон с ревизорами и жду, когда они наболтаются и начнут выполнять свои обязанности. А они все сидят. Сидели и болтали девушки до самого «Ундола» и уже после него начали поверку билетов. Разумеется, заставили меня доплатить. Следующий раз ревизорша дошла до меня по дороге из «Петушков» на Владимир также после «Ундола». Мы в это время проезжали следующую платформу, которая была в той же зоне, следовательно, билет до нее был той же стоимости. Но меня все равно заставили доплатить.

Понятно, что вид этих ревизорских бригад у меня не вызывал приятных эмоций. Однажды, прекрасным золотым осенним днем, я выхожу на платформу в «Петушках», ожидая московскую электричку на Владимир. Народу уже много – электричка ожидалась через пять минут. В середине платформы стоят обе бригады, о чем-то мило беседуя. Я в это время внешне являл собой следующее: бритая «под Котовского» голова, небольшая борода, черные брюки, черная рубашка, черная куртка. Более похож на черта, нежели на честного христианина. Вижу знакомые, неприятные мне невзирая на их внешние женские данные облики ревизорш и что-то бормочу злобное себе под нос по их поводу. Они в это время смотрели в мою сторону и это бормотание не осталось вне их внимания. Слышу: «Он чё, колдует что ли?» Далее хихиканье. Но, когда одна из них позже дошла с проверкой билетов до меня, то, отвернувшись проигнорировала протянутый к ней кусочек нужной бумаги. Также не были проверены билеты у моих соседей. Так я ездил целых две недели, после чего к моему билету снова стали проявлять интерес. То ли страх потеряли, то ли амулетами обвешались.

Позже я понял, что между «Петушками» и Владимиром также можно ехать без билета. Надо просто уходить с наиболее стойкими «зайцами», которые не платили штраф и не перебежали, до последнего тамбура. Обычно туда заходила одна из ревизорш, окидывали всех укоровизненным взглядом. Она требовала у всех оплатить проезд, но

обычно успокаивалась и уходила после того, как кто-либо оказывался слаонервным и давал ей десятирублевую бумажку. Особенно хорошо было уходить в сторону последнего вагона. Платформы здесь были короче состава и последний тамбур всегда оказывался над придорожной канавой с кучей строительного или иного мусора. Понятно, что высадить здесь «зайцев» никто из ревизоров не пытался: человек упадет и элементарно сломает себе шею. Как-то я ехал без билета в первом вагоне. В этот день в электричке ехало много народу и был шанс, что всю электричку просто не успеют проверить. Однако, на «Юрьевце» (последняя станция перед Владимиром), ревизоры добрались и сюда. Рядом со мной ехали три студентки, которые сели на «Ундоле». Нас проверял парень-ревизор, о котором я упомянул выше и который, к сведению, был свидетелем моего «колдовства». И девушки, и я, и другие соседи-«зайцы», сказали, что вошли только в «Юрьевце». По крайней мере мой честной облик ревизору был знаком, но он пробормотав: «Поверим», и содрал деньги по цене билета за одну зону, между «Юрьевцем» и «Владимиром».

На взаимоотношения ревизоров и «зайцев» прежде всего влияют и личные качества первых, и специфика той или иной дороги, и некоторые другие факторы. Если ревизоры с чувством юмора и сами по себе неплохие люди, то и гоняют они нашего брата довольно гуманно. Если ревизоры сволочи по своей человеческой сути, то и относятся они к людям соответствующе.

Когда я еще носил небольшую бороду, то в зимнее время, когда моя бритая голова была прикрыта шапкой. Меня некоторые граждане часто принимали за священнослужителя. Несколько раз это помогало при встрече с ревизорами. Никаких сцен я при этом не разыгрывал. Один раз я просто набрался наглости и не стал убежать от бригады, оставшись в тамбуре. Через него прошли ревизоры, мужчина и женщина. Они только глянули на меня и, видимо не решившись связываться с батюшкой, прошли мимо в вагон. Тут уместно вспомнить случай, который я наблюдал во владимирской электричке несколько лет назад. На «Владимире» в вагон сели четыре монашки возраста ближе к пожилому, одетые не в обычные монашеские одеяния, а в «прикид» богомолков. Когда к ним подошли ревизоры, то «Христовы невесты» что-то им грубо ответили и те решили не связываться с такими «столпами православия».

Однажды я на Горьковской ветке уходил в последних рядах от бригады ревизоров и также дошел до тамбура. В нем зона ответственности данной бригады заканчивалась, а дверь в соседний тамбур была заперта другой бригадой. До станции, где можно было бы перебежать, было еще относительно далеко. Ревизоры, мужчина и женщина средних лет, вошли в тамбур. Настроение у них было довольно хорошее. Взглянув на меня, они с любопытством спросили, кем я работаю. Дабы не разрушать иллюзии, я задал встречный вопрос, много

ли они за свою практику, особенно в последние годы, встречали в электричках священнослужителей. Дескать, попы нонче более личные иномарки недешевые любят. Ревизоры, смеясь, ответили, что и поповского брата по электричкам хватает. На станции ревизоры вышли, даже не пытаясь меня выгнать из вагона.

В 2008 году. На Ильин день 2 августа, я ехал в деревню Елкино, Воскресенского района, дабы поприсутствовать на престольном празднике местной старообрядческой общины, с председателем которой я уже давно и хорошо знаком. Невзирая на жаркую погоду, я оделся довольно благочестиво. На мне была серая монотонная рубашка-косоворотка, одетая навывпуск, подпоясавший ее ремень, черная жилетка и черные брюки. На голове была черная шляпа, как у старого хасида. К этому следует добавить еще и все ту же бороду. Когда шла бригада ревизоров, я вышел в тамбур и остался там дожидаться встречи с ними. В тамбуре я был один. Сначала вошла женщина-ревизор. Она взглянула на меня, стоящего весьма спокойно и отрешенно, глаза ее сделались круглыми и она, ничего не говоря, прошла в следующий вагон. Далее в тамбур вошел ее коллега и сцена повторилась. В других случаях, особенно когда я уходил от «контры» не один, подобный прикид не помогал.

13 января 2011 года, одна знакомая девушка рассказала мне о виденном ею следующем приколе. Ревизорша в электричке поймала...гаишника (или, если больше нравится, сотрудника ГИБДД). Он был в штатском и сунул ей вместо билета под нос свое удостоверение. Чего его вдруг занесло в электричку – тайна, покрытая мраком. Ревизорша видимо решила отомстить этому персонажу за всех его жертв на всех дорогах. Она долго стояла у него над душой и, под хихиканье всех остальных пассажиров, «зайцев» и не-«зайцев», требовала оплаты штрафа, причем по полной программе. Она грозила, что в противном случае он будет ездить с ней между станциями еще очень долго.

В утренних электричках, идущих из Москвы, постоянно можно увидеть людей разного пола, едущих домой после рабочих смен, которые мирно отсыпаются, разлегшись на сидениях. Интересно отношение к ним ревизоров во время проверки билетов. На Шатурской ветке ревизорши всегда будят спящих и требуют билеты или удостоверения. Как-то мне пришлось наблюдать сцену, во время которой одна наиболее вредная из проверяющих билеты, целых семь минут трясла за плечо и пыталась разбудить спящего человека. На Горьковской же ветке один раз я наблюдал совершенно противоположную картину. Двое ревизоров, молодые мужчина и женщина, мирно прошли мимо спящих мужичков, даже не думая тревожить их сон.

На Шатурской ветке регулярно доводилось сталкиваться с одной ревизоршей, лет под пятьдесят, явно с неустроенной личной жизнью, но при этом совершенно не озлобленной на окружающий мир. Однажды в районе Восьмого марта, загнав не успевших перебежать на

предыдущих станциях в последний тамбур, она с юмором стала говорить, что вот вы все к женам с цветами и подарками едите, а что, мол меня забыли осчастливить? Она не отвязалась, пока каждый не заплатил откупных по десятке. В других случаях также происходило нечто аналогичное.

Однажды на Голутвинской ветке Казанского направления меня и еще группу «зайцев» бригада из двух женщин-ревизоров догнала уже перед самым выходом. Они были настроены довольно миролюбиво, оставались в тамбуре до последнего, отпуская в наш адрес шуточки типа: «Ну что, зайчики-кролики, а где же ваши ушки?» и т.п.

Один раз на Горьковской ветке уходим большой толпой от ревизоров, молодых мужиков, они гонят нас в следующие вагоны. В межвагонном тамбуре возникает какая-то заминка и движение застопоривается. Ревизор пытается выяснить в чем дело и, увидев человека, из-за которого «зайцы» не могут перейти в следующий вагон, сказал: «Ну что ты там? Из-за тебя нормальные «зайцы» пройти не могут!». Другой раз на том же направлении между зонами работы двух ревизорских бригад, которые проверяли две половины электрички, была заперта тамбурная дверь. До станции было далеко, а ревизоры уже совсем рядом. В тамбуре скопились «зайцы», человек не менее десятка. Молодой мужик-ревизор прошел через толпу, отпер дверь в сторону соседнего вагона, чтобы безбилетники могли пройти дальше. А там уже поработала другая бригада и эти ревизоры уже билеты не проверяли.

Уже в 2014 году на Горьковской ветке стал свидетелем следующего. Две бригады ревизоров гнали «зайцев» с обоих концов электрички. Относительно большая группа тех, кто не успел перебежать на предыдущих станциях, скопилась в одном из тамбуров. В вагоне уже практически у всех были проверены билеты, и в соседнем бригада также заканчивала свое дело. В тамбур зашел молодой парень-ревизор. Он, через маленькое окошко двери тамбура заглянул в соседний вагон, оценив ситуацию, сказал «зайцам»: сейчас на станции бегите мимо того вагона, эти обратно уже проверять не пойдут. Через пару месяцев на голутвинской ветке Казанской дороги наблюдал следующее. Молоденькая девушка-ревизор на станции, видя из вагона знакомые лица хронических «зайцев», готовящихся зайти в электричку и стушевавшихся при виде группы готовых к бегу «коллег» в тамбуре, жестом через окно показывала, в каком направлении надо бежать. Так что бывает всякое.

Однако прежде Горьковская ветка была печально известна иными примерами взаимоотношений. Здесь находятся такие «101 километры», как Орехово-Зуево и особенно Петушки. Жители последних всегда ездили на работу, в Москву, целыми бригадами, причем в определенных электричках и определенных вагонах. Бригады ревизоров старались проскочить их закрыв глаза. В случае попытки спросить би-

лет можно было просто вылететь из поезда на полном ходу. И такие случаи бывали. Рассказывали про одну отчаянную ревизоршу, которая таким образом летала раза четыре. У нее были переломаны все кости, но, выздоровев, она снова требовала билет у всех, невзирая на лица. Говорят, что пятый полет для нее оказался последним. В таких вагонах опасно было ездить и простым пассажирам, включая и «зайцев».

Но выбрасывали ревизоров на этой ветке не только из петушинских электричек и не только из помянутых вагонов. Отчаянная публика здесь попадалась очень часто. Одни раз в утренние часы еду в Орехово-Зуево. В это время в электричках полно студентов, направляющихся на учебу. Эта публика, разумеется, всегда в рядах «зайцев». Идут ревизоры, мы от них уходим. Стоим в тамбуре перед станцией перебежки. Рядом со мной щупленький студентик в очёчках, с виду ботаник ботаником. Он с величайшей гордостью рассказывает, что накануне кто-то порезал бригаду ревизоров на станции «Крутое». По важному его виду можно было подумать, что он сам их лично замочил.

На рубеже 2012-2013 гг. часто ездил по ветке на Голутвин. Однажды, уже после «47-го километра», шли две молодые ревизорши. Мы их видим и от них уходим. Охранников при них не было. На одной из станций перебегаю. Но одна из ревизорш, как оказалось, вернулась к тому тамбуру, куда перебежал я и еще несколько «зайцев». Заставила идти вперед. На следующей станции ситуация повторилась. Ей не было лень возвращаться каждый раз и караулить перебегающих. В конце концов пришлось бежать на целый вагон более, оббежав тамбур, где эта мадам устроила очередную засаду.

И совсем противоположный случай. Аккурат по Рождество 2013 года возвращаюсь из Коломны. Ревизоры идут двумя бригадами (с охранниками) с двух концов электрички. Подъезжаем уже к «47 километру», осталось две станции. Я на «47-м» намерен выйти и поэтому не бегаю, хочу дотянуть. Остальные перебегают. Уходим от бригады, которая идет с начала состава. О том, что есть еще и вторая, которая движется от хвоста, узнаю в очередном тамбуре. Вторая бригада уже в том вагоне, где я стою. Подходят к нашему тамбуру. Первая же бригада в предыдущем вагоне и они уже закончили проверку и присели. Трое ребят, по наглоту, проходят мимо них. Одни из охранников идет к межвагонной двери и закрывает ее на ключ, дабы тем же Макаром не проскользнули остальные. Вторая же бригада уже в нашем тамбуре. Пожилая тетка-ревизорша, не успев никого высадить на маленькой станции, настойчиво пытается гнать нас далее, во «владения» первой бригады. Настроена она весьма непримиримо по отношению к нам. Выяснив, что дверь в соседний вагон закрыта, она заставляет одного из охранников открыть ее. Переходим в предыдущий вагон. Тут уже обеспокоилась первая бригада и одна из ревизорш с охранником идут к нам в тамбур. Мы же уже подъезжаем к «47-му километру». Ревизорша пытается выгнать

нас назад в вагон, откуда мы пришли. Говорим, что нас только что оттуда попросили ее коллеги. Ревизорша, видя, кто из коллег нас выгнал, начинает объяснять, что ту тетку слушать не надо, она, мол, больная. Говорим, что мы не разбираемся, кто из ревизоров болен, а кто здоров. Для нас все ревизоры больны на всю голову (слава Богу она этого не слышала). Ревизорша заботливо начинает говорить, что они уже обратно проверять не пойдут и нам надо бежать через их вагон, после чего мы сможем спокойно ехать дальше. Она также сказала, какие станции данная электричка пропускает, чтобы кому надо именно до них, вышли и пересели на другую электричку. Весьма трогательная забота!

Из личного «заячьего» дневника.

27.01.2011. По делам приезжаю в Павлово-Посад. По дороге обычная беготня на одной из станций. С платформы и в город выхожу обычными тайными тропами: по импровизированной «заячьей» лесенке, а также через большую брешь в прутьях металлической ограды. Но на обратном пути возникает проблема.

Спешу к одной из электричек на Москву. Иду, по привычке к бреши, а ее чуть ли не перед носом заварили! Помимо меня сиротливо ищет возможности попасть в сторону платформы еще какое-то количество народу. Люди разные, здесь и работяги, и дамы средних лет, и приличного вида девушки, русские и среднеазиаты-гастарбайтеры. Пытаемся, без какого-либо результата, разогнуть прутья, проделывать новый лаз еще каким-нибудь способом. Не получается. Пытаемся пролезть в какие-то щели, сняв куртки и т.п. Результат такой же. Кое-кто лезет в одном из мест через забор, но при длинной куртке это опасно порванной одеждой. Идет народ и с электричек. Их попытки также безуспешны. Да еще на морозе металл примерз и почти не поддается. Приходится идти к кассе, брать билет до соседней зоны. По дороге вижу заносащих в подсобку на вокзале свое сварочное оборудование двух рабочих, которые и заварили бывшие еще с утра лазы. Гады! Мысленно или вслух пожелав им и их родственникам всех кар свыше, люди идут на платформы легальным способом.

1.02.2011. Еду из Павлово-Посада на Москву. На вокзал пришел за пять минут до электрички, следующая после которой пойдет почти через час. Если пойду к лазу, то сто пудов не успею. Решил взять билет до пл. «Казанского», всего на одну зону. Электричка с «Крутого». Захожу в вагон в середине, на платформе, вроде бы, ревизоров не видел. Перед «крутовкой» прошли еще две электрички и народу очень мало. Только поезд тронулся, в вагон входят ревизоры, в сопровождении двух мужиков охранников. Видно, вошли либо на «Орехово», либо на «Дрезне». Перед ними убегает несколько «зай-

цев», ребята-студенты. Ухожу по вагонам, в которых сидит по несколько человек. Понятно, что до «Фрязево» бригада проверит всю электричку. Подъезжаем к «Вохне», стоим в тамбуре и собираемся бежать. Впереди группа молодежи, ребята и девчонки. Думаю, тоже бегут, а оказалось – выходят, причем медленно. Тратится драгоценное время на перебег вокруг вагона. Пока они еле-еле выходили на своей станции, я подумал, что лучше не рисковать и остался в вагоне. Думаю, что попытаюсь перебежать на «Казанском». Тут, при всплытии в голове названия этой платформы, я также вспоминаю, что у меня же билет до нее! Что же я тогда бегу?

Волшебная сила привычки. Иду навстречу ревизорам и охранникам, показывая им билет. Смотрят и спокойно пропускают дальше. Далее путь безопасен.

9.03.2011. Темы моих исследований заставляют меня вот уже несколько лет регулярно ездить в архив, в Рязань. Первые два года я в оба конца ездил на шикарных автобусах, которые курсируют от «Выхино» до этого славного города. Билеты довольно дорогие, но и симпатичные стюардессы ходят, чаем с кофе и проч. поят (за дополнительную плату, разумеется), и туалет в салоне есть, и, что самое главное, кино показывают. К тому же, в автобусе, при недосыпе ночью, можно спокойно и безопасно поспать. С этого же года я решил ехать в Рязань на автобусе только в один конец: рано утром, в 6-50, самый ранний и удобный в плане рабочего времени рейс. Обратный же я начал ездить на Москву на электричке.

Поскольку специфики дороги относительно ревизоров и возможности бега от них, поначалу беру билет до Голутвина, а далее, до «Выхины», бегаю по уже знакомым местам. Между рязанскими вокзалами («Рязань-1» и «Рязань-2») и «Голутвином» неудобные для бега низкие платформы, но народ все равно бегают, и успешно. Причем бегают, как и в других местах, и молодежь, и другие возрастные и социальные группы. Преимущественно бегают до станций: «Ходынино», «Рыбное», «Истодники», где большинство севших в Рязани «зайцев» выходит. Ревизоры, причем одна и та же бригада, до «Выхино», вернее, до «Раменского», проходит три раза. До «Голутвина» честно показывал честно купленный билет, а далее бегал. Иногда до «Голутвина» проверяли два раза и бегал один, иногда – наоборот. Некоторые от Рязани бегают все три раза, но большинство «зайцев» едет либо от Рязани до ближайших станций, либо садятся по дороге.

В указанный день я также взял билет от «Рязани-1» до «Голутвина». Напротив меня села интеллигентная женщина лет сорока, которая взяла билет уже у самих ревизоров, от станции, где они к ней подошли, до «Голутвина» (а ехала она до «Раменского»). Второй раз ревизоры прошло незадолго до «Голутвина», причем, запомнив лица большинства проверенных пассажиров, на билет уже не смотрели, а «вспомнив» о нем, проходили мимо, проверяя лишь у новых людей.

Когда «контра» шла уже в районе Воскресенска, ни я, ни соседка, даже не пошевелились. Вспомнив, как проверяли билеты в предыдущий проход, решили нагло остаться на своих местах. Это подействовало: увидев уже знакомые рожи и устно удостоверившись, что эти люди билеты уже показывали, тети-ревизорши прошли мимо.

В дальнейшем подобное стало происходить регулярно. Большинство бригад запоминало лица и прочую внешность пассажиров и не смотрело повторно на билеты. Особенно избежать перебежки удавалось если до «Голутвина» блеет смотрели два раза. Станцию назначения у всех не запомнишь. Но попадались и вредные ревизорши, которые обязательно старались взглянуть на билет, неважно по какому разу. Тогда приходится бегать.

17.10.2011. Еду из Рязани. По делам был вынужден выйти на «Голутвине», где встречался с человеком. Оттуда до «Выхино» ехал уже на вечерней голутвинской электричке. Пошли ревизоры. С толпой уходил от них до самого первого вагона, откуда уже и перебежал. Перебежав, пошел обратно в середину состава. Все вагоны как выметены: за исключением двух-трех человек на вагон все были «зайцами».

14.03.2012. Еду с «Новогиреево» до Павлово-Посада. Сажусь в крутовскую электричку. Еще на станции замечаю две бригады ревизоров, которые распределяются по платформе для посадки в поезд. Определяю, куда лучше сесть, чтобы уйти от одной из бригад в вагоны, проверенные другой, не перебегая по платформам. В вагонах народу немного. Сажусь в «купе», где никого нет. Уже на «Реутово» вагон входят две тетки-ревизорши, которые садятся... аккуратно рядом со мной. Они начинают считать деньги, заполнять ведомости («Рапорты результатов работы контролера-ревизора») и т.п. Одна из ревизорш явно работает недавно и ее коллега постоянно ее консультирует. Ни на меня, ни на других пассажиров они не обращают никакого внимания. Едут они до «Электроуглей», где намерены пересесть во встречную электричку на Москву, которую и должны проверять. Народ, среди которого «зайцы» составляют немалый процент, сперва опасно косится на них, затем, успокоившись, перестает обращать какое-либо внимание. Когда они выходят, им вслед мужички, сидящие недалеко от меня, отпускают шутку: «Ну вот, и «контра» побежала!».

Бригада же севшая в электричку в хвосте состава, дошла до моего вагона только ближе к «Фрязево». Мне пришлось только перейти от них в следующий вагон, который ранее проверила другая бригада.

2.08.2012. Еду на голутвинской электричке до станции «Коломна». По дороге уже перебежал от бригады ревизоров. Однако, последние, мужчина и женщина, видимо, решили пройти электричку

еще раз. Народу в вагонах было уже не так много и шли они довольно быстро. «Зайцы», и я в их числе, быстро уходили в сторону первого вагона. Некоторые перебежали на станциях, но большинство все же надеялось, что до «Коломны», где электричка стоит относительно долго, до первого вагона дойти не успеют. В первом же вагоне народу набилось немало. Стою в тамбуре второго вагона, перед первым. К нам уже приблизились ревизоры. Слышу, как женщина говорит коллеге: «Давай еще и первый посмотрим.» Далее, она обращается к нам: «На «Коломне» все выходите?» и далее ревизоры проходят дальше.

25.08.2012. Надо из Егорьевска попасть в Коломну, чтобы встретиться по делу с человеком. Успеть надо до определенного времени, пока тот не покинул работу. Добрался на маршрутке до Воскресенска. Там ожидал облом, поскольку даже невзирая на выходной день, я попал на «окно». Ближайшая электричка, даже «экспресс», шла только через полтора часа. Чтобы успеть на встречу, пришлось взять полный билет до станции «Коломна». В противном случае бегать в экспрессе относительно сложно. Скриплю сердцем, но надо успеть ко времени. Выхожу на платформу, дожидаясь поезда и сажусь в нее. Сиденья мягкие, народу немного – комфорт. Сiju, еду, а ревизоров не видно. Наконец, начинает по вагонам двигаться уходящая от «контры» молодежь и другие граждане. Невзирая на то, что электричка «экспресс», она пропускает не так много остановок. На «Хорошово» молодежь перебегает. Ревизоры проходят мимо меня и даже не интересуются моим билетом. Так я доезжаю до «Коломны». Такой облом! И надо было 65 рублей тратить! Чувствую себя полным лохом.

А как было раньше?

«Заячьи» поездки по железной дороге являются таким же старым явлением, как и сами железнодорожные перевозки. В Подмосковье народ бесплатно ездит и прячется от контролирующих работников уже с 1860-х гг. когда через территорию губернии были проложены Рязанская (ныне главная ветка с Казанского вокзала) и Нижегородская (ныне – Горьковская) железные дороги. К сожалению, народный фольклор о «зайцах» этого времени уже давно забыт. Остались лишь заметки старой прессы, прежде всего газеты «Московский листок», в которых в начале XX столетия печатались интересные заметки по интересующей нас теме. В основном, заметки посвящены каким-то форсмажорным моментам, которые были достойны пера писак желтой газетенки. По непонятной причине, «Московский листок» особенно любил публиковать заметки о «зайцах» в 1909 году. Другими годами датировано куда меньшее число статей. Заметки, которые мы приведем, касаются не только рассмотренных мною выше направлений, но и других

железных дорог. Но, ситуация была практически везде идентичной, посему и то, что происходило на нынешних Ярославской, Киевской и других дорог, также важно для рассмотрения данного вопроса.

До революции поезд сопровождали кондукторы, с которыми, судя по всему, «зайцы» как правило доваривались. Это и привело к тому, что помимо всего прочего поезда проверялись контролерами, которые собственно народ и гоняли. Разумеется, кондукторы имели с «зайцев» определенную мзду, отчего и проявляли свою заботу. Во время контроля «зайцы» прятались по крышам вагонов, под лавками, на подножках и т.п. Другие пассажиры это видели, но, в силу русских традиций, всячески помогали безбилетникам, скрывая факт их нахождения в той или иной части вагона.

В 1909 году была опубликована заметка, в которой, со ссылкой на доклад начальнику Юго-Западных железных дорог, поданный железнодорожным рабочим, слесарем П. Кейво, даны ценные сведения о безбилетном проезде в то время. Последний насчитал семь способов проезда «зайцем». 1. Кондуктора, обслуживавшие пассажирские поезда, имели на станциях свою агентуру, состоявшую и из «низших служащих», и из дежурных по станции. Эта агентура сообщала главному кондуктору поезда о «скрывающемся» на станции контролере, который должен сесть в поезд. 2. Кондуктора имели между собой условные знаки (сигналы), которые делались днем посредством флажков, а ночью фонарями, при встрече поездов на станциях, предупредая о контроле. «При этом пассажиры садятся в последних вагонах в хвосте обоих поездов». 3. В то время, когда примерно половина поезда проверена, кто-то нажимает на тормоз (стоп-кран). Во время остановки безбилетные пассажиры перебежали из непроверенных вагонов в те, которые уже прошли контроль. Такой способ практиковался в то время вдали от больших городов. 4. Ночью, когда в поезде не было контролера, младшие поездные кондуктора, во время остановки поезда на станциях, уговаривали пассажиров не покупать билеты. Получив сигнал со станции о том, что в поезд должен сесть контроль, безбилетным пассажирам предлагали сбегать в кассу и взять билет на один перегон (15-20 верст). 5. В случае неожиданного «нападения» контролера в ночное время, кондуктора размещали своих безбилетников по ступенькам вагонов, за дверями и под лавками. 6. В товарных поездах, особенно летом, «зайцев»возили целыми вагонами. Контролеры там не ходили. Когда поезд приближался к конечной станции, главный кондуктор, сопровождавший поезд, просил машиниста снизить скорость «на подъеме», т.к. одному из кондукторов надо сойти возле сторожевой будки. Когда поезд снижал скорость, вместо одного человека выскакивало человек пятьдесят. 7. К моменту написания материала, сведения из которого мы приводим, число вагонов в поездах увеличилось. Также выросла и скорость поездов. Контролеры не

успевали за один перегон проверить весь состав. «Зайцы» на станции перебегали в проверенные вагоны.¹ Как видим, последний способ активно практикуется и ныне.

В том же году был напечатан материал «Провоз “зайцев”». В ней рассказывается о том, что на станции «Дрезна» жандармский унтер-офицер Ильющенко, загляну в вагон-теплушку поезда №206, обнаружил там несколько мужчин-безбилетников, которых туда пустил младший кондуктор Архангельский. Указана даже мзда, которую он получил от них за проезд со станции «Павлово-Посад» до «Владимира» - 2 рубля 50 копеек (теми деньгами, разумеется). Безбилетников высадили. У Архангельского деньги были отобраны и по поводу случившегося составлен протокол.²

В июле 1909 года случилось следующее. Главный кондуктор поезда, который следовал в Москву по Московско-Киево-Воронежской дороге, попытался не пустить в вагон безбилетника, который вскочил на подножку уже на ходу. Тот, а им оказался крестьянин Сергей Козлов, осыпал кондуктора бранью и нанес «оскорбление действием», о чем позже был составлен протокол. Примерно тогда же, возле станции «Очаковская», той же дороги, младший поездной кондуктор Грибач заметил двух рабочих, которые на ходу вскочили в сопровождаемый им товарный поезд. Кондуктор направился к незнакомцам, благо поезд еще стоял, и потребовал чтобы те покинули поезд. Ему пришлось натолкнуться на отчаянное сопротивление: один «заяц» схватил Грибача за горло, другой же принялся наносить ему побои. Прибывшие на помощь коллеге другие поездные кондукторы и служащие с разъезда, смоли вырвать из рук безбилетников уже сильно избитого Грибача. «Зайцами», проявившими такую агрессию, оказались два родных брата Башмурины, работавшие на соседнем заводе. Причем один из братьев был глухонемым. Он продолжал проявлять агрессию и, выхватив складной нож, намеревался ударить им главного кондуктора Фролова. Ему помешали прибывшие сотрудники станции, что однако не остановило схватку: братья бились с железнодорожниками не на шутку и на помощь им уже бежали человек 20 рабочих с фабрики, где трудились Башмурины. Железнодорожники были вынуждены отступить. Им оставалось только сообщить о случившемся жандармам по прибытии поезда в Москву.³

Но, все же кондуктора и «зайцы» чаще всего договаривались. Здесь, скорее всего дело в неумном поведении Грибача, который стал проявлять принципиальность, а остальные кондуктора просто пришли на помощь из корпоративных соображений. Чаще всего конфликты с

¹ Как провозят «зайцев» на железных дорогах. // Московский листок. 1909. №170. 25 июля.

² Провоз «зайцев». // Московский листок. 1909. №120. 19 июня.

³ Избиение кондукторов «зайцами». // Московский листок. 1909. №163. 17 июля.

побоями случались совсем по иным причинам. Про такую драку в том же году на той же дороге писали в другой заметке. Тогда кондуктора избили своего коллегу за то, что он не поделился с ними деньгами, которые собрал с «зайцев». Это не смотря на то, что этот кондуктор, по фамилии Моисеев, на эти деньги в трактире напоил всю честную кондукторскую компанию, потратив на это 10 рублей деньгами того времени.⁴

В 1910 оду произошел следующий случай. Проверявший поезд контролер Мунт обнаружил в вагоне двух «зайцев», с которых взял двойную плату за проезд кондуктору Матвееву. Последний, находясь к тому же в не совсем трезвом состоянии, стал предлагать контролеру составить не два положенных документа, а только одно. Сделано это было тоном «не допускающим возражения». Мунт отказался, а на станции «Лосиноостровская» (дело было на «Северной» ж.д, нынешнем Ярославском направлении) сказал главному кондуктору поезда, чтобы тот на «Мытищах» отстранил нетрезвого подчиненного от работы. Матвеев же, услышав это, стал наносить удар за ударом контролеру в область головы, не стесняясь пассажиров.⁵

Когда тарифы на проезд росли, число «зайцев», разумеется, резко увеличивалось. Ввели т.н. «перронный сбор», который не только не способствовал, вопреки надеждам, сокращению безбилетного проезда, но наоборот, увеличил число нарушающих правила проезда. Эта «контрибуция» привела к тому, что появились особые мошенники, торговавшие использованными перронными талонами. Покупателями были все те же «зайцы».⁶

Доля «зайца» всегда была непростой и опасной. В «Московском листке» нами была обнаружена заметка, рассказывающая о том, как были изувечены два безбилетника, которые пытались проехать в ночь на 1 сентября (по старому стилю) 1909 года. Два земляка – крестьяне Витебской губернии, Невельского уезда, деревни Белой, Петр Федоров Вавилов и Новиков, - ехали по Николаевской (нынешняя Октябрьская) железной дороге. В районе платформы Покровка, которую поезд проходил без остановки, они, при проверке билетов, пытались спрятаться повиснув на подножке тамбура вагона. Когда поезд на скорости проезжал мимо платформы, ее настилом оба были сбиты. Получившего повреждение левой ноги Новикова нашли в тамбуре, у Вавилова был перелом правой ноги и его подобрала служащая поста. Оба пострадавших были отправлены в Клинскую больницу.⁷

Нам удалось найти еще пару заметок под названием «Пострадавший “заяц”» за тот же год. В одном случае, человека с подножки вагона сбило дорожным столбиком, в другом причина травм не была

⁴ Из-за «зайцев». // Московский листок. 1909. №106. 12 мая.

⁵ Избиение контролера кондуктором. // Московский листок. 1910. №184. 11 августа.

⁶ «Зайцы» и перронный контроль. // Московский листок. 1909. №105. 10 мая.

⁷ Пострадавшие «зайцы»/ Московский листок. 1909. №201. 2 сентября.

выяснена на момент написания материала – человека просто нашли без сознания на путях. Он явно упал с поезда. Оба случая произошли уже в ноябре месяце.⁸ И такие случаи, с похожим сценарием, когда безбилетник получил травму прячась от контроля, или же пытаясь вскочить на подножку поезда, встречаются на страницах «Московского листка» довольно часто.

Совсем уж трагический случай упоминается под 12 августа 1911 года, когда ехавшего на крыше вагона «зайца» убило фермой моста, под которым проходил поезд. Там же, на вагонной крыше, тело погибшего и было обнаружено. Произошло это между станциями «Клин» и «Покровка», где двумя годами ранее пострадали два других «зайца».⁹

Не всегда «зайцы» сдавались без боя. Выше, при описании безбилетного проезда по Горьковской ветке, мы упоминали о том, что не всегда ревизорам было безопасно в ряде электричек. 11 мая 1909 года на этой ветке имел место быть следующий случай. Когда поезд шедший на Богородск проходил станцию «Гжель» (до ввода в эксплуатацию нынешней Шатурской ветки, которая собственно прошла через территорию Гжели и появления там одноименной станции, так именовалась нынешняя станция «Фрязево», до которой ранее через леса добирались гжельцы), помощник ревизора Якушев, в сопровождении двух кондукторов проверяя билеты, зашел на площадку вагона 3 класса. Там находились два молодых человека. Якушев задал им дежурный вопрос: «ваши билеты?». В ответ, вместо билетов, полилась брань, а один из безбилетников выхватил револьвер системы «Смит и Вессон», и со словами «вот вам билеты!», направил на ревизора, в упор к его лицу. Сопровождавшие ревизора Якушева кондуктора скрутили обоих «зайцев» и по прибытии поезда на станцию «Богородск», передали в полицию. Вооруженный «заяц» оказался крестьянином Владимирской губернии, Судогодского уезда, Березниковской волости деревни Лёвино (деревня, кстати, старообрядческая) Иваном Платоновым Сухарниковым. Его приятель – крестьянин Московской губернии, Клинского уезда, деревни Бакланово Степан Евсеев Бакланов.¹⁰

Возможно, со временем в старой периодике будут найдены и другие материалы, которые познакомят нас с бытием «зайцев» ушедших эпох. Тогда мы еще напишем интересный материал.

Разумеется, есть куча народу, кто имеет огромный «заячий» стаж и у кого огромный опыт. Они могут рассказать куда больше и куда интереснее, нежели я. Может быть, через какое-то время такие люди введут в оборот свои воспоминания и мы с ними ознакомимся. Надеюсь, что и мои скромные строки, изложенные выше, не окажутся по сравнению с ними слишком уж жалким лепетом.

⁸ Пострадавший «заяц». // Московский листок. 1909. №270. 25 ноября; Пострадавший «заяц». // Московский листок. 1909. №261. 13 ноября.

⁹ Убитый на крыше вагона. // Московский листок. 1911. №183. 14 августа.

¹⁰ Инцидент в поезде. // Московский листок. 1909. №107. 13 мая.

Дмитрий Давидович Финкельберг
г. Электросталь, Московской области

ВОСПОМИНАНИЯ О ЕГОРЬЕВСКИХ ВРАЧАХ

И вот опять возвращаюсь, как и в прошлых публикациях, к удивительной книге В.И.Смирнова "Мы - егорьевцы" и читаю на стр.102 первого тома раздел о работе городских врачей во время войны. Дед мой, Дмитрий Иванович Дашков, упомянут, правда, можно было бы вспомнить, что он был ведущим городским хирургом, но в больнице много поработать не успел - ушел на фронт и погиб, а вот про бабушку, Екатерину Павловну Дашкову, работавшую в госпитале всю войну и заведующей аптекоуправлением города после нее - ни слова. Тут, видимо, действовал советский термин "активные участники войны", был такой в начале восьмидесятых годов, не знаю, каким недалеким человеком придуман, но обидел он тогда многих. Получалось, что работаешь в госпитале, делаешь снаряды или собираешь танки, а не на фронте - значит, ты пассивный участник войны и другое к тебе отношение будет. Как-то все это было странно. Второй мой дед, Израиль Давидович Финкельберг, прошел долгий путь военврачом и не удостоился от автора книги ни слова, хочется этот пробел восполнить.

Начну я воспоминания со своего первого деда, Дмитрия Ивановича. Воспоминаниями делится моя мама, Наталья Дмитриевна. Дашковы - выходцы с Рязанщины, из Солотчи. Прадед, Иван Васильевич Дашков, родился уже в Егорьевске, дом, где тогда жили его родители, был рассчитан на зажиточную семью, стоял около церкви. Дед родился 21 марта 1896 года в Егорьевске. Детство его до гимназии прошло в имении на Саматихе (ныне там больница). Была там большая библиотека для приобщения детей Ивана Васильевича к культуре, рядом с домом находилось здание театра, то есть дети получили классическое воспитание, что было нормально для дворянских семей. Дом семьи Дашковых в Егорьевске (улица Карла Маркса, 5, сейчас этот дом снесен) имел два этажа, большую террасу, выходившую окнами на фруктовый сад, балкон по второму этажу, к дому примыкал флигель. В этом флигеле после революции и до 1975 года жила дочь Ивана Васильевича Антонина. Из дворовых построек были конюшня (имелись два выезда) и сараи. Вообще, с домами в Егорьевске нашей семье не очень везло, все поносили и сейчас остался целым только один (дом купцов Никитиных, Анна Ивановна Карцова из их родни - жена Ивана Васильевича, моя прабабушка), да и там Художественный музей.

*И.В. Дашков**Его жена
Анна Ивановна Дашкова.*

У детей Ивана Васильевича рано проявились художественные наклонности, это потом передалось и на следующие поколения Дашковых, многие из родных- хорошие музыканты, художники, люди искусства, этому можно посвятить отдельный рассказ. Алексей Иванович, старший сын, "заразился" революцией, после чего были большие неприятности с приходом в дом "черной сотни", погромом, Анна Ивановна героически сумела спасти маленьких детей. Кстати, Алексей Иванович затем к революции совсем охладел, более того, в 1918 году он эмигрировал в Румынию, что нехарактерно для Дашковых - все остальные СССР или нынешнюю Россию не покидали. У Дмитрия Ивановича был абсолютный слух, он научился играть на разных инструментах, три года учился в консерватории (у мамы и по сей день хранится дедова скрипка). Затем круто все изменил и перед 1914 годом поступил на медицинский факультет Московского университета, по окончании которого начинает работать в Лузгарино в контакте с фельдшером. Далее дед переезжает в Шатуру, где под руководством немца Винтера строится электростанция и врачам предоставляется хорошее жилье. В 1927 году дед женится на Екатерине Павловне Курносовой (про нее и ее родных я писал в предыдущем выпуске альманаха), разница в возрасте у них была 12 лет. В начале тридцатых годов семья (у них к тому времени родилась первая дочь, Ирина) переезжает в Виноградово (около Воскресенска) и дед работает в Золотовской районной больнице. С 1935 года они живут и работают в

Егорьевске (там в 1934 году родилась вторая дочь, Наталья) до начала Финской войны, где дед на Кольском полуострове получает громадную хирургическую практику. До 1941 года снимали дачу в Бережках и других близлежащих деревнях, дед после работы любил туда приезжать и отдыхать с семьей. С начала Великой Отечественной войны дед работает в госпитале, который по мере продвижения немцев к Москве становится прифронтовым. С декабря 1941 года госпиталь переброшен в Мясной бор под Псков, где 17 июня 1942 года после прямого попадания авиабомбы в госпитальный блиндаж все для деда и заканчивается. Спасибо работникам краеведческого музея, что на стенде, посвященном погибшим на войне егорьевцам, имеется материал про Дмитрия Ивановича. В нашей родне трое названы в его честь: сын Льва Сергеевича Попова, племянника Дмитрия Ивановича; автор этих строк; сын Дмитрия Евгеньевича Дашкова, племянника Дмитрия Ивановича, Дмитрий, который и специальность имеет дедову - хирург.

Дмитрий Иванович за работой в госпитале

Второй мой дед, Израиль Давидович Финкельберг (я про него писал два года назад немного) в книгу В.И.Смирнова вообще не попал, да и неудивительно - пришлый человек, некоренной горожанин, ну зачем про такого писать, кому это интересно? Тем не менее, хочется, спросите горожан пожилых или среднего возраста и о нем многие вспомнят. Поэтому и пишу про деда, может, кому будет это приятно читать.

Дед мой родился в Белоруссии, под городом Мозырем в местечке Брагин, сейчас это место укатано асфальтом - прошел Чернобыль. Учился он после школы в медицинском институте города Горький

(теперь Нижний Новгород), жил там у брата Арона (родителей к тому времени у них уже не было). В институте он познакомился со своей будущей женой, Халимой Феттаховной (по советскому паспорту Федоровной) Данеевой. В институте учился и бабушкин брат Костя (по-моему, Хусаин), который в 1937 году как "враг народа" был репрессирован. После окончания института дед был направлен военным врачом в Таджикистан на борьбу с басмачами (дед рассказывал, что днем это совершенно нормальные люди, а вот ночью могут и зарезать). Там в 1931 году у него родилась дочь Фаина (будущий врач-кардиолог). Потом деда переводят в Ташкент в Средне-Азиатский военный округ и здесь у него рождаются сын Давид, мой папа (закончил Горный институт, работал в шахте в Сибири, а затем долгие годы в системе профтехобразования, достиг больших успехов и пользовался огромным уважением коллег по работе, имел массу друзей по всему Союзу) и дочь Эвелина (названа в честь героини рассказа Короленко "Слепой музыкант", будущий врач-терапевт по профзаболеваниям, осваивала целину).

После расстрела дяди Кости до места дедовой службы слухи об этом, естественно, дошли, "добрых" людей всегда хватало, и его настоящие друзья помогли ему демобилизоваться и через Самарканд отправили в сторону Москвы, но там он оставаться боялся, поэтому стал подыскивать городок недалеко от столицы и удобный для жилья и работы. Егорьевск очень ему понравился - тихий, зеленый, освещенный. И вот с 1938 года дед с семьей стал жить там и работать в больнице. Жили в доме около городской тюрьмы, сейчас, по-моему, этот дом снесли, а тогда там был хороший зеленый двор, рядом река с чистой водой, в которой можно было полоскать белье. В доме рядом жил дедов друг Королев, который долгие годы работал шофером в больнице. Дед и сам умел водить машину и к технике имел тягу, а своей машины так и не купил. В начале 1941 года деда опять мобилизовали, а затем направили на Дальний Восток начальником госпиталя, потом еще была Эстония. Демобилизовался дед только в 1947 году, работал в Егорьевске в больнице, был главным врачом района, отдал потом этот пост Л.А.Мордвинову (а вот про него В.И.Смирнов пишет на стр.113 в разделе "Состояние культуры, образования, здравоохранения , спорта") и долгие годы работал врачом в кожновендиспансере, а после смерти главврача Ионы Ивановича Кутакова(в книге - ни слова, а зачем - пришлый человек, молдаванин) долгие годы занимал его должность, был очень уважаем коллегами по работе в Егорьевске, Москве. Впоследствии дед нашел себе замену в лице молодого врача Ю.П.Елина, а сам еще долгие годы (до смерти в 1988 году) работал лечащим врачом.

*Екатерина Павловна Дашкова
с дочерьми Ириной и Натальей.*

Сказать, что деда уважали - это мало. Вот, что пишет о нем моя одноклассница Маргарита Анатольевна Смирнова (мы с ней сидели за одной партой с третьего класса по девятый, когда она поступила в наше медучилище имени Зинаиды Самсоновой). "Он был врачом от Бога. Нарушить дисциплину, не выполнить назначение или отказать в просьбе ни персоналу, ни больным не пришло бы в голову. Помимо его профессиональных качеств, поражало его душевное отношение к пациентам. Каждого он принимал как своего родственника или знакомого. Нередко приходилось задерживаться после приема, если кто-то из больных опаздывал. Мне не раз доводилось в выходной день вместе с И.Д. посещать больных на дому, которые не могли по состоянию здоровья прийти на прием. И.Д. никому не мог отказать, все это он делал совершенно безвозмездно. Помимо милосердия, добросовестного отношения к профессии, он научил меня быть пунктуальной. Путь мой на работу проходил мимо его дома, где мы много лет встречались в одно и тоже время и шли на работу. Опаздывать - нарушать порядок, этого делать нельзя. Он мог любому человеку указать на его ошибку и сделать это так, что человек все сразу поймет. Большая заслуга И.Д. в сплоченности нашего коллектива. Он был инициатором проведения "огоньков", чествования

*Коллектив больницы №5. И.Д. Финкельберг
в верхнем ряду пятый слева.*

*Конференция в Казани. И.Д. Финкельберг
в верхнем ряду шестой слева.*

ветеранов, приглашались родственники. Благодаря ему я работала в прекрасном дружном коллективе. Израиль Давидович обладал хорошим чувством юмора, шутил всегда к месту и не обидно. Даже в последние дни жизни, а я навещала его, чтобы ставить капельницы, он мог шутить. Больше мне в жизни такие люди не встречались."

Добавить к Ритиным воспоминаниям хочется много. С дедом я жил всю сознательную жизнь с рождения в 1958 году (в родильном доме, где заведующей была моя бабушка, Халима Федоровна, а принимала роды молодая сотрудница, а ныне заслуженный врач, моя тетя Валентина Николаевна Дашкова, про нее В.И.Смирнов немного написал). Два раза в год мы с дедом ходили на демонстрации, в июне с коллективом больницы выезжали на озеро праздновать День медицинского работника. До 80 лет дед садился на велосипед, мы с ним ездили в ближайшие деревни на прием к больным, за грибами в Кукшево или Семеновскую, на озеро купаться или просто кататься, и это было часто в дни, когда он приходил после утреннего приема в больницу. А еще мы с ним любили гулять по городу, причем на далекие расстояния, обсуждали городские новости, положение хоккейной команды "Химик" и многое другое. Дед очень любил заниматься землей, находил в этом отдых от работы, в нашем дворе мы сделали миниучасток, сажали зелень, а на стены дома и сарая привязывали нитки и был большой урожай фасоли. Сказать, что мне по жизни не хватает деда- это мало сказать. Стараюсь быть на него похожим и пробуя привить это детям, посмотрим, что получится.

Чуть-чуть еще напишу вот о чем. Дочка Дмитрия Ивановича Дашкова Наташа (в этом году отмечающая 80-летний юбилей, профессор, доктор филологии, преподаватель с огромным стажем), ученица женской школы (ныне средняя школа №2), и сын Израиля Давидовича Давид (к сожалению, его с нами нет с 1996 года), ученик мужской школы №5 после войны познакомились, сыграли свадьбу и в 1958 году появился на свет автор этих строк - связь двух замечательных родов.

Можно писать очень много, сестры из больницы предлагают издать книгу, надо подумать над этим. На данный момент считаю, что этого достаточно, а деды мои навсегда останутся с нами, это были очень хорошие люди, вечная им память!

АССИРИЙЦЫ В ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ МЕЩЁРЫ

Одной из довольно экзотических этнических групп, которая проживала в городах восточного Подмосковья в XX столетии, были ассирийцы. По данным переписи населения СССР 1989 года, на территории всей Московской области было зафиксировано 246 представителей этого этноса, 220 из которых проживало в городах.¹ В Москве в это время было выявлено 3196 представителей ассирийской национальности, хотя по оценочным сведениям их было не менее 5 тыс. Человек. Часть из них являлась потомками первой волны переселенцев, прибывшей в город в 1918 – 1920-х гг., часть переселилась в город позднее.

Современные ассирийцы (их связь с населением Ассирийской Державы эпохи Древнего Мира – тема отдельного разговора) также известны и под именем «айсоры». Это остатки древнего арамеязычного населения Ближнего и Среднего Востока, которое сохранилось от ассимиляции арабским, курдским и тюркским окружением благодаря христианству. Ассирийцы, которые оказались в нашей стране, происходят из юго-восточной части современной Турции (горы Хяккяри в Курдистане) и северо-западного Ирана (районе озера Урмия). Туда они были загнаны нашествием Тамерлана, которые вырезал все немусульманское население.

Восточные ассирийцы в конфессиональном плане принадлежали к Ассирийской Церкви Востока (несторианской) и ранее подчинялись и в духовном и в светском плане ее главе – патриарху из рода Мар-Шимунов. Сейчас большинство ассирийцев, которые проживают в России, принадлежат Русской Православной Церкви. Несториан в нашей стране немного и у них в Москве, в районе станции метро «Дубровка» в 1996-1998 гг. построена своя церковь.

К началу XX века в турецком Курдистане ассирийцы составляли не более 17% от общего числа населения. Они были расселены по ряду местностей, где сложилось не менее 20 групп, которые также вполне можно назвать племенами. Эти группы имели свое местное самосознание и самоназвание. Из них выделялись шесть т.н. «аширетных» («би-ашират») или независимых, которые подчинялись непосредственно патриарху Мар-Шимуну, игнорируя светские власти Османской Империи.² Они населяли территорию в горах, которая так и

¹ Распределение населения по национальности, родному языку и второму языку народов СССР. Московская область. М., 1989.

² Матвеев А.К., Матвеев К.П. История и этнография ассирийцев. Материалы к серии «Народы Советского Союза». Вып.1. М., 1990. С.76.

именовалась: «Область Независимых Несториан». Остальные, зависимые ассирийцы, именовали «райя». Подобная картина («аши-рат» и «райя») характерна для окружавших ассирийцев курдов и была перенята от них. К положению ассирийцев-райя в Турции было близким положение их соплеменников в соседнем Иране. Местные ассирийцы, в отличие от турецких, считались более образованными и довольно высокомерно относились к тем, которые жили западнее их, в горах.

На территории прежней Российской Империи ассирийцы стали официально селиться начиная с 1820-х гг. Обычно, после очередной войны с Турцией или Ираном, семьям наиболее активных помощников русских войск разрешали перебираться в Закавказье. Ассирийские села возникли в Армении, большая диаспора появилась в Тифлисе (Тбилиси), появлялись постоянные диаспоры и в других местах, но преимущественно в южных частях страны. Но, основная масса ассирийцев бывшего Советского Союза является потомками большой волны беженцев, которые попали сюда спасаясь от геноцида христианского населения в Османской Империи, который происходил в 1914-1918 гг. Младотурки пытались решить таким образом национальные и религиозные проблемы в своей стране, избавившись от нетурецких элементов. В отношении части ассирийцев, как и в отношении армян, резня была начата практически одновременно с началом войны с Россией. Это прежде всего касается жителей равнин и южного побережья озера Ван. На рубеже 1914-1915 гг., в результате наступления турецкой армии, русские войска отошли из Урмии, «забыв» предупредить своих местных христианских союзников. Часть христиан, армян и ассирийцев, успела уйти в сторону российского Закавказья. Многие из оставшихся были уничтожены. Русские войска в Урмию вошли только через полгода, на время прекратив кошмар турецкой оккупации. Весной 1915 года ассирийский патриарх Мар-Шимун, по договоренности с русскими военными властями, поднял свой народ на антитурецкое восстание. Но, русские, которые обещали поставить новейшее оружие и прочую военную помощь, фактически оставили ассирийцев на произвол судьбы. В результате жители всех ассирийских горных и равнинных местностей Хяккяри были вынуждены уйти в Иран, потеряв по дороге десятки тысяч человек и навсегда оставив места своего традиционного проживания.³ Точная цифра погибших во время событий Первой Мировой войны ассирийцев неизвестна, но счет шел на многие десятки тысяч человек.

По некоторым данным, в Россию прибыло в ходе указанных событий, не менее 100 тысяч беженцев-ассирийцев, из которых половина вскоре выехала в другие страны. В. Скоробогатов упоминает о 75 тысяч ассирийцев, спасшихся в России, из которых позже в стране ос-

³ Думбис. Айсоры. // Новый Восток. М., 1923. №3. С.67-77.

талось только 50 тысяч человек.⁴ И из этого числа многие вскоре покинули страну. По некоторым статистическим данным, картина численности ассирийцев на территории прежнего СССР была следующая: 1917 г. – 50 тыс., 1926 г. – 26 тыс., 1939 г. – 19 тыс.⁵ Это касается всей территории огромной империи, включая и Закавказье, где ассирийцы жили тысячами. Сокращение ассирийского населения происходило за счет выезда за рубеж: до определенного времени многие из них были официально подданными Ирана, что облегчало возможность покинуть страну.

Все маленькие ассирийские общинки, о которых мы поговорим ниже, возникли в основном в 1920-х гг., когда, после ухода в начале 1918 г. русских войск из иранской Урмии, надежды на возвращение растаяли. Когда в Егорьевске, Богородске (Ногинске), Коломне и Орехово-Зуево появились самые первые ассирийцы, мы не знаем. Возможно, это могло произойти сразу после 1918 года. Возможно, ассирийцы, которые перебирались сюда и перевозили свои семьи, знали эти крупные и промышленно развитые города и прежде, до трагических событий. Ассирийцы-отходники из Турции и Ирана посещали в поисках заработка российские города и в самом начале XX века. В крупных мировых столицах, включая и Москву с Санкт-Петербургом, существовали своеобразные ассирийские подворья.⁶ Бывавшие в Москве ассирийские отходники вполне могли бывать в крупных промышленных городах Московской губернии, а также находившемся неподалеку Егорьевске (до мая 1922 года был в составе Рязанской губернии). Некоторым подтверждением этому можем привести один факт, обнаруженный нами на страницах «Рязанских епархиальных ведомостей». В 1901 году, в Николо-Бавыкинском женском монастыре, священником Константином Софийским был присоединен к православию персидский подданный «халдей, католического вероисповедания» Азис Осипов, 25 лет от роду, с наречением ему имени «Александр».⁷ Под «халдеем» здесь следует понимать приверженца т.н. «Ассиро-Халдейской» Церкви, которая появилась в XVI столетии, в результате унии части несториан с Римско-Католической Церковью. Часть ассирийцев района Урмии также являлась такими униатами и указанный человек происходил явно оттуда. Если выходца из персидских ассирийцев каким-то образом занесло в рязанскую глубинку, то уж промышленные города в окрестностях «второй столицы» его соплеменникам явно были знакомы. Возможно даже, что

⁴ Скоробогатов В. Айсоры в СССР. // Просвещение национальностей. М., 1931. №1. С.67.

⁵ Матвеев А.К., Матвеев К.П. Указ. раб. С.11.

⁶ Маевский В.Т. Военно-статистическое описание Ванского и Битлисского вилайетов. Тифлис, 1904. Приложения. С.85.

⁷ Рязанские Епархиальные Ведомости. Рязань, 1901. №15, официальный отдел.

кто-то из ассирийцев, турецких или иранских, мог оседать в той же Коломне или в том же Орехово-Зуеве и до 1914 года. Однако, никаких сведений об этом не сохранилось.

Оказавшись в 1918 году в городах России, ассирийцы, которые по своему происхождению являлись жителями сельской горной глубинки Курдистана, были вынуждены искать способы экономического выживания. Городскими специальностями они не владели, для жизни в сельской местности Центральной России они также были не приспособлены. Первоначально царское правительство давало беженцам какую-то мизерную помощь, но потом и она прекратилась. Оставаться надолго в стране ассирийцы не намеревались: они думали, что скоро западные христианские державы разобьют турок и вернут земли местным христианам. Надо было просто как-то перекачаться, хотя бы несколько лет и затем вернуться на родину. Вот здесь и подвернулась работа, которая была востребована на пыльных городских улицах и не требовала профессиональной подготовки.

Касательно занятия ассирийцами в России чисткой обуви, хотелось бы привести две легенды. Они были услышаны мною не от самих ассирийцев, а от представителей других национальностей, но, со ссылкой на слова знакомых ассирийцев. Первую версию мне рассказала русская москвичка, которая услышала от своей хорошей знакомой ассирийки, что ее соплеменники, спасенные русскими от турецких и курдских головорезов, решили выбрать подобное занятие, чтобы выразить свою благодарность русскому народу: «русские нас спасли, приютили и дали новую родину и мы в благодарность за это будем им чистить обувь». Лично мне никто из самих ассирийцев ничего подобного не говорил, а когда я эту легенду озвучивал, то неизменно следовал смех. Вторую версию-легенду мне, также со ссылкой на московских ассирийцев-чистильщиков прежних десятилетий, рассказал представитель старой московской еврейской интеллигенции. Он поведал, что когда, еще в эпоху Древнего Мира, воины Ассирийской Державы захватили Землю Обетованную, начав там творить обычные для завоевателей злодеяния, иудейские старейшины сказали, что в наказание за это потомки этих ассирийцев будут чистить обувь другим народам. Обе легенды конечно занятные, но нас они интересуют не более чем как фольклор. Здесь очень важен и интересен момент, кому, в одном случае пожилая ассирийская женщина, в другом – пожилые и мудрые ассирийские чистильщики, такие версии озвучивали. На деле причина появления такой «специализации» совсем в другом.

Здесь хотелось бы привести цитаты из вышедшей в 1931 году статьи В. Скоробогатова: «предоставленные царским правительством самим себе, стали промышлять кто чем мог...», «...Чистка обуви явилась как будто их “специальностью” и приобрела для них актуальное значение как “ремесло”, как источник в борьбе за существование...»⁸ Недавно мне довелось наткнуться на еще одну версию, которую

⁸ Скоробогатов В. Указ. раб. С.67.

привела Марина Подольская в журнале «Наш дом – Татарстан», в статье про казанских ассирийцев. Оказывается, такую профессию ассирийцы получили благодаря М.И. Калинину в 1920 году и для этого чуть ли не последовал целый указ Совнаркома...⁹ Но, есть подозрение, что в основу такого утверждения легла одна из ассирийских легенд. Калинин у простого народа, в том числе и ассирийцев, был весьма популярен. Да и делать в беспокойном 1920 году Совнаркому было нечего, как заставлять чистить обувь группу беженцев, которая, в отличие от других не представляла никакой социальной угрозы: ассирийцы вели себя очень спокойно, если и конфликтовали, то между собой. Никаких хлопот с ними у новой власти не было. Беженцы, еле-еле спасшиеся от головорезов у себя на родине, не хотели нарываться на неприятности и погромы в стране, пусть даже и на которую они первоначально смотрели как место временного пребывания.

Ассирийцы, как мы уже сказали, взялись за чистку обуви как за временную и вынужденную меру. Но, как известно, нет ничего более постоянного, чем временное. На длительное время в Москве и ряде других городов данное занятие стало ассоциироваться именно с ассирийцами. Однако, и в Москве, и, как мы увидим ниже, в городах рассматриваемого региона, ассирийцев часто принимали за армян, на которых они похожи внешне. Существует предположение, что это произошло от того, что когда горцы-ассирийцы начали заниматься этим делом, они поначалу очень стеснялись этого. Поэтому и выдавали себя за представителей других народов.

Мы хотим кратко поведать об ассирийских диаспорах, которые, начиная с 1920-х гг., проживали в городах: Егорьевск, Шатура, Орехово-Зуево, Павловский Посад, Ногинск, Коломна, Воскресенск. Везде, где здесь обосновывались ассирийцы, они поначалу специализировались по чистке обуви, точно также, как в Москве и других городах. Разумеется, уже на начальном этапе появились и другие специальности, но именно чистка стала визитной карточкой айсоров в России. В более позднее время в обувных палатках работали, в основном, представители старшего поколения. Часто именно с их уходом этот промысел и заканчивался.

Многие жители городов рассматриваемого региона до сих пор могут вспомнить эти палатки и даже тех, кто в них работал. В настоящее время мы решили, пока такая возможность еще есть, собрать информацию об этом ушедшем городском промысле и экзотической этнической группе населения, которая какое-то время назад держала на него монополию. Через изучение ассирийской (айсорской) диаспоры городов рассматриваемого региона мы узнаем весьма интересную страницу местной городской бытовой истории, городской культуры середины XX столетия.

⁹ Подольская М. Калинин предоставил ассирийцам чистку и ремонт обуви. Казань, 2010. №2.

Егорьевск

Самая большая ассирийская диаспора рассматриваемого региона в 1920-х гг. поселилась в городе Егорьевске. Здесь обосновалось целых два десятка семей представителей этого этноса. Они принадлежали к группе (племени) *шапатная*, проживавшей на границе Турции и Ирана, и происходили из сел Теббатан и Чулятти. В 1930-х гг. в город из Краснодарского края перебралась семья выходцев из селения Амбе, той же группы. Амбе и Чулятти, скорее всего располагались уже на иранской территории. По сведениям Л.М. Саргизова, к началу XX в. на иранской территории ассирийцы проживали в 128 населенных пунктах, из которых 90 находились на Урмийской равнине.¹⁰ В Урмии и окрестностях проживали ассирийцы, которые были известны как урмижная. Из 38 оставшихся часть могла принадлежать представителям группы шапатная. Кстати, урмижная считали себя наиболее развитыми и образованными среди всех ассирийских групп, а именем «шапатная» высокомерно именовали всех ассирийцев-горцев, которые жили западнее их. Название же «Теббатан» очень похоже на имя ассирийского селения Шябатиан, находившемся уже на турецкой территории и административно входившем в казу Шамдинан санджака Хеккиари Ванского вилайета. Возможно, от имени этого селения и произошло название ассирийской местности, где и проживала группа шапатная. По сведениям русского вице-консула в Ване В. Маевского, по данным на 1899 год в Шябатан было 30 домов ассирийцев, другого, иноэтничного населения здесь не было.¹¹

В Москве шапатная обосновались на Мытной улице, где возникла колония в 15 семей, большинство из которых уже к началу 1930-х гг. выехали из страны. По четыре семьи этой группы ассирийцев жили на Большой Спасской улице и в Руновском переулке. Ассирийские старожилы Москвы рассказывали, что в период НЭПа московские шапатная в своем большинстве не занимались чистой обувью, а изготавливали и продавали мороженое, конфеты и проч. кондитерские изделия. В Москве потом остались только те, кто успел породниться с ассирийцами других групп, преимущественно с гяварная. Шапатная Егорьевска, конечно же, поддерживали тесные связи со своими столичными соплеменниками. В Москве, основной центр этой группы был на Мытной улице, где ежегодно устраивался праздник Мар-Курьякус – престольный праздник церкви в селе, откуда были выходцами московские шапатная. Туда собирались и московские ассирийцы (преимущественно сами шапатная и многие гяварная), а также приезжали родствен-

¹⁰ Саргизов Л.М. Ассирийцы стран Ближнего и Среднего Востока. Ереван, 1979. С.7.

¹¹ Маевский В.Т. Указ. раб. Приложения. С.77.

ники из других городов, включая и егорьевцев.

Многие жившие в Егорьевске ассирийцы были носителями фамилий: Бит-Зая и Бит-Юхан. Это чисто ассирийские фамилии, которые расшифровываются следующим образом. «Бит» - на ассирийском языке означает «дом», «Зая» - один из диалектных вариантов имени «Исайя», «Юхан» - диалектный вариант имени «Юханна», т.е. «Иоанн». Получается: «Дом Заи», Дом Юхана», т.е. фамилии сохраняли память о родоначальниках этих семейств, их личные имена. В переводе на русский язык эти фамилии звучат, как «Осипов» и «Иванов»... Из «Бит-Зая» появилась производная «Битзаев»...

Старожилы Егорьевска очень хорошо помнят ассирийцев. Некоторые именуют их «армянами», но многие в курсе их подлинной этнической принадлежности: «их “армяшками” зовут, но они на самом деле – ассирийцы». «У нас в Егорьевске раньше на улицах маленькие палатки стояли. Армяшки сидели. Обувь чистили. Продавали гуталин, шнурки всякие. Гуталин хороший был. Сами где-то варили. В магазинах такого не было». Из всех городов рассматриваемого региона, Егорьевск, помимо большой ассирийской общины, отличался и ролью ее в прежнем городском колорите. Относительно большая диаспора не могла быть не заметной. Здесь, Егорьевск чем-то близок Москве и другим городам, где были большие ассирийские общины и стояло немало обувных палаток.

Мне удалось выяснить о следующих «точках», где помнят палатки ассирийцев: 1. у кинотеатра «Октябрь» (он также именовался одно время «Экран», а сейчас – это «Пегас»), напротив Горпарка. Этот домик, у стен которого была будка, был примерно на месте нынешней афиши и не сохранился., 2. на площади, возле одного из прежних домов причта взорванного в 1935 г. Успенского «Белого» собора, 3. у Обувной (фабрики обуви), 4. У магазина «Восток», в 1-м микрорайоне, 5. на рынке, 6. у казарм. На вокзале, по рассказам старожилов, палатки не было, ни когда городской вокзал находился в своем историческом месте, ни там, где он находится сейчас. Возможно, что изначально на старом вокзале и была «точка», но существовала она не очень долго. Также явно «точек» было больше, учитывая численность общины, но со временем часть из них прекратила свое существование. Рассказывают, что после войны, на рубеже 1940-х – 1950-х гг., только на одной Советской улице стояло пять палаток чистильщиков.

Касательно хорошего гуталина, которого не было в магазинах и который можно было приобрести только в палатках ассирийцев, то его явно, по аналогии с другими соседними небольшими городами, доставали через московских соплеменников. Нам известно, что в Москве, Владимире и ряде других городов, кустарный гуталин, который был

превосходного качества, ассирийские чистильщики покупали у евреев. Обувную фурнитуру, которая также была кустарная и значительно превосходила ту, которую навязывали через обувные артели, в Москве ассирийцы делали сами. В Егорьевск она явно также поступала от московских соплеменников.

Как мне рассказали еще в 1994 году, когда состоялось мое первое знакомство с темой ассирийцев Егорьевска, первоначально, в 1920-х гг., прибывшие в город беженцы-ассирийцы поселились в каких-то жилых бараках, судя по всему при одной из городских фабрик. После им стали предоставлять жилье в других местах города. Семьи ассирийцев оказались теперь разбросанными по всему старому Егорьевску. Более-менее компактная община проживала еще на памяти нынешних русских старожилов недалеко от рынка, на идущей к нему улице, которую именовали в народе «Широкая» (Степана Халтурина, сейчас – Александра Невского). Часть семей была разбросана по главной улице города – Советской. Часть семей обитала по другим улицам. Например, в послевоенные десятилетия одна семья Бит-Юханов жила на улице 8 Марта, семья Битзаевых изначально обитала на Октябрьской улице, потом переехала на улицу 9 Января.

Некоторые егорьевцы характеризуют ассирийцев, как людей, которые предпочитали общаться преимущественно в своей среде, поддерживая отношения с иными горожанами только по работе, соседским и прочим моментам. Но остальные рассказывают о представителях этой егорьевской диаспоры как о людях очень вежливых, доброжелательных, с кем всегда было приятно соприкасаться. Это относилось и к обувщикам, и к ассирийцам, которые работали на городских предприятиях, в других организациях. Тем не менее, бытовало мнение, что ассирийцы не особо любят тяжелую работу, отчего и пошли заниматься чисткой обуви и торговлей фурнитурой. При этом всегда рассказывали о знакомых ассирийцах, которые трудились на егорьевских фабриках и заводах, причем не на бумажных и кабинетных должностях, а рабочими.

Разумеется, среди лиц ассирийской национальности, которые трудились в обувных палатках, были и свои знаменитости, «звезды», так сказать. Большинство старожилов, с кем мне пришлось общаться на данную тему, прежде всего вспоминали дядю Сеню, который трудился в палатке у нынешнего «Пегаса» (говорят также, что какое-то время он работал и у «Востока»). Через его палатку можно было раздобыть все, что нужно. Например, нужна цепь для велосипеда, надо идти к дяде Сене. Тот расспросит, для какого именно велосипеда, какой модели. Назначает день, когда проситель должен зайти. В указанный день, в палатке дяди Сени нужная велосипедная цепь ждала своего нового хозяина. О том, как это все добывалось, остается

лишь догадываться. Аналогичные воспоминания мне удалось слышать и от московских старожилов, которым через ассирийские палатки доставали дорогие шубы и т.п. Дядя Сеня работал в своей палатке еще в начале 1970-х годов.

Касательно «своего» гуталина и его варки, то следует рассказать следующее. Например, в Москве ассирийцы чистильщики получали через артель гуталин типично советского качества, которым просто стыдно было чистить обувь клиентам. Поэтому, дабы не упасть лицом в грязь, неофициально покупали хороший гуталин на стороне. В 1990-х гг. многие ассирийцы старшего и среднего возраста рассказывали, что родители посылали их в детстве за гуталином к двум братьям-евреям – Абраму и Лёве, которые жили в районе Троицких переулков, на Самотеке. У них был всегда отменный качественный гуталин, который, разумеется, они варили сами. Также у представителя народа избранного покупали гуталин ассирийцы-чистильщики во Владимире. В тверской еженедельной газете «Караван+я» была опубликована небольшая статья об ассирийце-сапожнике из Твери – Славе Адамове. Там упоминалось, что начинавший чистить обувь в этом городе старший представитель его семейства, ездил в Питер, где устроился на работу к одному ремесленнику-еврею, который варил и продавал хороший гуталин. От него он и научился производить это важнейшее в работе чистильщика обуви вещество.¹² Кстати, во время моих опросов московских ассирийцев-старожилов в 1990-х гг., одна ассирийка из группы куная (жители селения Кон в горах Хяккяри) рассказала, что ее соплеменники (непонятно, только куная, или же ассирийцы вообще) научились чистить обувь у одного еврея, который работал на каком-то бульваре.

По состоянию на 1994 год, в Егорьевске проживали всего пять семей ассирийцев. К настоящему времени большинство коренных егорьевских ассирийцев, либо ушло из жизни (старшее поколение), либо выехало из города, преимущественно в Москву. Мне приходилось даже слышать версию, что многие егорьевские ассирийцы выехали чуть ли не в Америку.

Шатура

В Шатуре в 1920-х гг. обосновалась вторая по численности ассирийская диаспора рассматриваемого региона. По нашим данным, полученным от старожилов, здесь изначально осело не менее десятка ассирийских семейств. Эти ассирийцы принадлежали к группе (племени) *гяварня* и являлись выходцами из села Перзален. Их соплеменников и односельчан довольно много жило в Москве, в районе Сретенки, Мещанских улиц и в районе Таганки. По сведениям В.

¹² Гуров Борис. Сапожник Слава: от Ассирии до Твери. // Караван+я. Тверь.

Маевского, по состоянию на 1899 год, в селении Перзален (у Маевского – Пирзален) было 38 домов ассирийцев.¹³ Сами же ассирийцы-гявар-ная говорили, что Перзален было очень большим селением.

Бежав во время событий 1914-1918 гг. в Россию, уроженцы Перзалена вначале находились в Закавказье, на территории Грузии. После многие перебрались в районе Армавира и оттуда стали продвигаться далее. В российские города они стали проникать через Новочеркасск. В Шатуре, к началу 1930-х гг. обосновалось 10 ассирийских семей. Но, процесс миграций представителей этого этноса по городам России и СССР еще не закончился и многие семьи вскоре выехали отсюда в другие места. К началу 1940-х годов здесь ассирийцев уже было немного.

Во второй половине 1940-х гг. в Шатуре жило всего три ассирийские семьи. Две из них были «коренными» шатурскими, а одна большая семья, также уроженцев Перзалена (бне-Перзален) переехала в самом конце Великой Отечественной войны из Архангельска. Эти семьи жили в городе относительно компактно, в собственных домах по проспекту Ильича, недалеко от вокзала. С Москвой, с соплеменниками (преимущественно гяварня, выходцами из Перзалена), общение было весьма тесным. До конца 1960-х гг. Своеобразным центром бне-Перзален был дом №26 по Большому Сухареvскому переулку, на Сретенке. Здесь жила небольшая ассирийская колония и женщина по имени Варда (Роза), которая была весьма гостеприимной и регулярно организовывала торжества на престольный праздник села Перзален – Мрезе. Но, очень часто шатурские ассирийцы, работавшие на производствах, не имели возможности съездить в столицу и праздник утраивался в одном из ассирийских домов, после рабочего дня. Молодые ребята старались ездить в столицу чаще, они более соприкасались с соплеменниками-москвичами. Одной из любимых спортивных игр у ассирийцев в России всегда был футбол. На него, играть с москвичами, молодые ребята-ассирийцы из Шатуры ездили постоянно. Постепенно, они, преимущественно через браки с московскими ассирийками, покидали свой город и оседали в Москве.

С ассирийцами соседних городов шатурцы общались очень мало. Знали кое-кого в Орехово-Зуево, но с соседним Егорьевском не пересекались никогда. Тем не менее, егорьевские ассирийцы знали о проживании соплеменников в Шатуре и именно они мне в свое время о них рассказали. Причина отсутствия такого общения кроется прежде всего в принадлежности к разным племенам. Антагонизма между ними не было никакого, просто общение происходило по давно налаженным родоплеменным каналам...Хотя, в Орехово-Зуево жили шапатная, но одна из их представительниц была замужем за ассирийцем-гяварня.

¹³ Маевский В.Т. Указ. раб. Приложения. С.62.

Посему, шатурские гяварная и знали эту семью.

В 1990-х гг. в Шатуре проживали в основном представители старшего поколения местных ассирийских семей. Более молодые переехали в Москву.

Орехово-Зуево

Об ассирийцах г. Орехово-Зуево нам известно очень мало. По рассказам ассирийцев-старожилов, записанным в первой половине 1990-х гг. в Москве и Егорьевске, здесь жили *шапатная*, выходцы из тех же селений, что и егорьевские ассирийцы – Теббатан и Чулятти. Изначально, т.е. на вторую половину 1920-х гг., их было всего несколько семей.

Как мы говорили выше, от шатурских ассирийцев-гяварня мы узнали о том, что в городе жил в послевоенные десятилетия и выходец из села Перзален (Гявар), который был женат на одной из местных ассириек.

Старожилы г. Орехово-Зуево и соседних городов помнят преимущественно палатку «Чистка обуви», которая находилась в начале ул. Ленина, у «Фотографии». Это район железнодорожного вокзала. Дома, где палатка стояла, уже давно нет. В городе были рынки, на Зуевской стороне и у Новостройки. Старожилы помнят факт существования палатки чистильщика только на старом зуевском рынке. Одна из жительниц г. Ликино-Дулёво, рассказала мне, что в детстве ее отец часто водил чистить обувь именно к чистильщику на Ленина. Многие старожилы-ореховцы рассказывали, что в эпоху их детства будочка особо не пользовалась вниманием: обувь почти не чистили, а дети и не только дети, часто просто летом ходили босиком. Эту информацию мне поведал один из представителей татарской мишарской диаспоры, проживавшей в Орехово-Зуево, который помнил палатку по времени своего детства. Человека, работавшего в палатке, в национальном плане он, как и многие другие ореховцы и жители соседних городов и населенных пунктов идентифицировали как «армянина» или просто «чёрного». Тем не менее, когда я завел разговор о палатке и работавшем в ней человеке с еще одним представителем орехово-зуевской мишарской общины, человеку старшего возраста, и назвал работавшего в ней «армянином», то он быстро меня поправил, что это не армянин, а ассириец. Ни имени, ни тем более фамилии содержателя палатки он не знал, равно как и каких-либо других подробностей. Информатор также пояснил, что мужчину-чистильщика он помнит не очень хорошо, зато более осталась в памяти его супруга, которая также часто заменяла мужа.

О проживании в Орехово-Зуево ассирийцев, по крайней мере потомков волны беженцев первой четверти XX столетия, в настоящее время у нас никаких сведений нет.

Фото палатки «Чистка обуви» возле станции «Долгопрудная». 1960-е годы. С сайта города Долгопрудный. Примерно также могли выглядеть и аналогичные палатки в городах, о которых мы говорим в статье.

Кадр из фильма «Застава Ильича», на котором видна палатка чистильщика обуви на Садово-Черногрозской улице в Москве.

Московские ассирийцы-выходцы из села Перзален, района Гявар Ванского вилайета Турции, родственники и односельчане ассирийцев, которые поселились в городе Шатура.

Палатка ассирийцев-чистильщиков обуви в Казани. Из журнала «Наш дом – Татарстан». По рассказам старожилых, в подмосковных городах, к примеру, в Коломне, стояли примерно такие же небольшие будочки.

В Орехово-Зуевском районе, в городах Ликино-Дулёво и Куровское, по рассказам старожилов, также стояло по одной сапожной палатке. Но, в них работали русские.

Ногинск

В Ногинске в 1920-х гг. обосновались *ассирийцы-шапатная* из тех же сел, что и в Егорьевске и Орехово-Зуево – Теббатан и Чулятти.

Жители Ногинска помнят о палатках «Чистка обуви», в которых, по мнению многих из них, работали армяне. Они находились в послевоенные десятилетия только в следующих местах: традиционно у вокзала, две палатки стояли на улице III Интернационала (возле гастронома, напротив Универмага и напротив театра, у магазина, носившего народное название «У Терентьича»), возможно так же, что была еще палатка на городском рынке. В палатках чистили обувь, продавали стельки, шнурки, гуталин и т.п. Те ногинцы, кто является сторонником «армянской версии», рассказали, что «армяне» компактно проживали во дворе дома №20 по Кооперативной улице, который так и называли «Армянский двор», хотя там жили не только «армяне». Но, как и в других городах, в Ногинске было немало осведомленных об истинной этнической принадлежности работавших в обувных палатках и живших в «Армянском дворе». Они четко идентифицировали их как ассирийцев и смогли дать немало иной интересной информации. Самой распространенной в ногинском ассирийском мире являлась фамилия «Бит-Юхан», как и в Егорьевске.

Рассказали и следующую историю. На автотранспортном предприятии работал водителем один из ассирийцев по фамилии Бит-Юхан. А семья его проживала в полуподвальном помещении, что в 1970-х гг. уже доставляло существенные неудобства. Разумеется, он встал на очередь на квартиру, но она тянулась очень долго. В то время, когда советская власть заставляла народ протестовать против империализма и требовать свободы Луису Корвалану, знавшие Бит-Юхана переиначили лозунг, с которым заставляли ходить на митинги – «Свободу Луису Корвалану», в «Свободу Корвалану, квартиру Бит-Юхану».

Старожилы, которые помнят Ногинск 1950-х гг., рассказывают, что в том дворе в то время проживало порядка двух-трех семей интересующего нас этноса. Палатки чистильщиков стали исчезать с улиц города в 1957-1958 гг., последние из них сохранялись еще в начале 1960-х годов. В последнее время в них работали преимущественно женщины-ассирийки. Говорят, что все они были среднего возраста, полные.

Рядом с Ногинском расположен город **Электросталь**. Од получил городской статус только перед войной, но предыстория его начи-

нается еще в царское время. Жители Электростали также помнят две палаточки «Чистка обуви», которые еще в 1960-х гг. стояли у главного Универмага и у детского мира «Буратино». Нам стало так известно, что в настоящее время в Электростали проживает четыре семьи с фамилией Бит-Юхан. Скорее всего, на каком-то этапе здесь осели представители того же ассирийского клана, что и в соседнем Ногинске.

Павловский Посад

Об ассирийцах Павловского Посада известно очень мало. Местная диаспора была очень маленькой и явно насчитывала не более нескольких семей. Ни московские ассирийцы, ни их соплеменники из других городов, с которыми мне довелось общаться, про эту маленькую диаспору не знали ничего. Но, скорее всего, местные ассирийцы принадлежали к тем же группам, что и ассирийцы соседних городов – *шапатная* или *гяварная*, хотя, в таком случае благодаря сплоченности ассирийцев и тесным племенным и родственным связям, что-нибудь было бы известно и за пределами Павловского Посада, особенно в соседних городах.

Старожилы Павловского Посада помнят о палатках «Чистка обуви», которые стояли до 1960-х гг. Их было порядка двух-трех: одна на вокзальной площади, одна у входа на городской колхозный рынок, а также и в районе площади Революции, предположительно, в районе сосредоточения торговых точек. Как правило, многие горожане на такие палатки особо не обращали внимания, пользовались ими не часто, да и по большей части автоматически: шел человек по улице, знал, что надо стельки или шнурки купить, проходя мимо приобрел... Тех, кто лично знал этих ассирийцев, был их соседями и часто общался лично, выявить пока не удалось. К сожалению, ныне города Подмосковья сильно размыты группами пришлого населения, прибывшими в последние десятилетия. Это значительно затрудняет поиск. Будки стояли еще в 1960-х гг., но про этот период сейчас уже мало кто может рассказать, когда речь заходит о таких неярких бытовых моментах. Это характерно и для Павловского Посада, и для других городов.

О проживании в гор. Павловском Посаде потомков волны ассирийских беженцев первой четверти XX века в настоящее время у нас никаких сведений нет.

Коломна

В Коломне в 1920-х гг. обосновалось несколько (предположительно три) семей ассирийцев, которые были выходцами из аширетного (независимого) маликства Джилу (*джильвая*), из крупного села Алсан. Это крупное селение входило в состав Большой Джилу (Джилу

Горта) и выходцы из него (*аласная*) в России расселились по ряду городов: Тула, Рязань, Тверь, Казань, Ярославль, до 1930-х гг. их какое-то число жило во Владимире. Самая большая диаспора аласная обосновалась в Москве, где возникли большие колонии возле Тишинского рынка и на Малой Грузинской улице. Отдельные семьи были разбросаны по соседним улицам: 1-й и 2-й Брестской и т.п. В Подмоскovie аласная поселились в Серпухове и Подольске, где возникли маленькие диаспоры по несколько семейств. По сведениям В. Маевского, по состоянию на 1899 год в селении Алсан (у Маевского – Аслани) было 80 домов, в которых проживали исключительно ассирийцы.¹⁴

Русские старожилы Коломны помнят три палатки «Чистка обуви», имевшиеся в Коломне в послевоенные десятилетия, которые находились: 1. у железнодорожной станции «Голутвин», 2. на углу улиц Зайцева и Красногвардейской, у сквера, 3. у т.н. Боброва рынка. Работавших в них многие коломенцы идентифицировали традиционно или как «армян», или как «чёрных». Но, те кто часто соприкасался с чистильщиками, были прекрасно осведомлены о их подлинной этнической принадлежности. Работавшие в палатках ее никогда не скрывали, а наоборот, всегда с гордостью подчеркивали. Ассириец, который трудился у сквера в центре города, как удалось выяснить, изначально жил возле Батуми и в Коломну перебрался позже, уже после войны. Он пользовался большим вниманием и уважением горожан. Возле его палатки всегда вертелся какой-то народ: клиенты, продавцы с рынка, постовые, знакомые, местные пьяницы и т.п. Один житель города рассказывал, что когда жена с дочкой шли выбирать за покупками в обувной магазин, который находился напротив, он всегда с удовольствием общался с чистильщиком. Тот был очень интересным человеком, с чувством собственного достоинства, с кем можно было всегда поговорить...Средних лет, крупный, седовласый. От него собеседники могли узнать и о тесных связях с московскими ассирийцами-чистильщиками, через которых приобреталась вакса, стельки, шнурки и прочая фурнитура. Тем не менее, никто не может вспомнить как его звали, часто общались не спросив имени этого человека. Палатка стояла в 1960-х – 1970-х гг., и когда и по какой причине ее убрали, никто сказать не может. Эта его палатка, по рассказам очевидцев, очень напоминала ту, которую я им показывал с фото-графии в городе Долгопрудный. Чистильщик обычно выставлял перед открытым входом табуретку, на которой обычно восседал.

¹⁴ Маевский В.Т. Указ. раб. Приложения. С.80.

Воскресенск

По крайней мере в 1968 году, в Воскресенске существовала одна палатка «Чистка обуви», в которой работал пожилой человек «южной национальности». Она находилась напротив старого кинотеатра, где сейчас торговый центр «Галерея». Информация о ней получена от человека, который в этом году вернулся в город после учебы. Те же, кто жил в Воскресенске в 1960 году, наоборот, не помнят в это время здесь ни одной палатки «Чистка обуви», а также и по ремонту обуви, в которой бы работал человек с южной или восточной внешностью. Мне рассказали о двух известных воскресенских сапожниках, но оба они были русскими. Возможно, тот человек, который был в городе во второй половине 1960-х, открыл свою «точку» только к 1968 году.

Любопытно, но некоторые старожилы 1930-х гг. рождения, помнят, что в Воскресенске было в районе двух палаток чистильщиков, которые также торговали шнурками, стельками и т.п. Однако, на них особого внимания не обращали, хотя их «точками» пользовались. А.Н. Фролову, которые собственно и поделился со мной сведениями о таких палатках в городе, никто из спрашиваемых не смог вспомнить, где эти палатки стояли.

Выяснить, откуда происходила семья воскресенского чистильщика, который работал в 1968 г., к какой группе (племени) ассирийцев она принадлежала, ныне не представляется возможным. Воскресенск находится близко и к Коломне, и к Егорьевску. С обоими соседними городами всегда было хорошее сообщение и здесь могли обособиться к 1968 году и джильвая, как в Коломне, и шапатная, как в Егорьевске. Не исключено, что здесь осели и представители какой-то другой группы ассирийцев. Возможно, что работавший в палатке человек в самом Воскресенске не жил, а ездил на работу из соседнего города. Такой прецедент, к примеру, в те же годы возник в подмосковном Красногорске. Там появилась палатка ассирийца по имени Ладу, который сам проживал в Москве, и к месту работы ездил ежедневно на электричке.

К сожалению, к середине второго десятилетия XXI века памяти о ассирийских обществах, которые проживали в городах рассматриваемого региона, сохранилось уже весьма мало. По большому счету, ее надо было начинать собирать в середине 1990-х, когда мною проводились обследования ассирийских диаспор городов Центральной России. Но, в отличие от Москвы, где собирать материал можно было в течение всего года и договариваться о встречах с полезными людьми можно было на любое время, работа в других населенных пунктах была связана с разъездами. Конечно, города Подмосковья не менее удобны для полевой работы, чем сама Москва. Но, поездки во Владимир, Нижний Новгород, Брянск и т.п., отвлекли на себя внимание и контакт с егорьевскими, к примеру, ассирийцами, носил разовый

характер. Да и основным объектом исследования я считал Москву, ее ассирийскую диаспору. Про подмосковные общины я ограничивался выяснением племенной принадлежности местных ассирийцев, откуда, из какого села в Турции или Иране прибыли их предки, сколько семейств здесь проживало и немного других сведений. Огромный пласт подмосковной информации остался вне моего внимания и оказался потерянным.

Тем не менее, как говорится, лучше поздно, чем никогда. Сейчас еще можно выявить кое-какие сведения об ассирийцах подмосковных городов. Пусть не от самих ассирийцев, которых уже почти не осталось здесь, но от тех, кто их знал, или с ними как-то соприкасался. Лет через десять уже не будет и этого.

Поскольку в городах рассматриваемого региона самих ассирийцев уже почти не осталось, то не менее интересных материал можно собрать у других горожан, которые знали ассирийцев и хорошо помнят о них. Это также не менее интересный и важный пласт исторической памяти.

Мы надеемся в ходе сбора новых сведений об ассирийцах вышеприведенных городов, узнать еще кое-какую информацию. Возможно, в недалеком будущем появятся более подробные описания истории маленьких диаспор городов рассматриваемого региона.

Сергей Эдуардович Динер,
заведующий отделом истории
Егорьевского историко-художественного музея

БОЛЬШОЙ ПОЖАР В ЕГОРЬЕВСКЕ В 1868 ГОДУ

В середине XIX века, когда многие уездные города были преимущественно деревянными, а противопожарная служба в должной мере не развита, пожары случались довольно часто.

И.С. Тургенев даже как-то подметил, что губернские города горят, раз в пять лет.

Что уж тут говорить об уездных.

Термин «большой пожар» не егорьевский. Он довольно часто встречается в литературе XIX века, например у А. Мельникова-Печерского.¹

Большой пожар был в истории многих уездных городов. Память о нем долго хранило местное сообщество. Большой пожар становился

¹ Печерский А (Мельников П.И.) Гриша (из раскольничьего быта)// Печерский А. (Мельников П.И.) Старые годы: рассказы и очерки, - М.: «Московский рабочий», 1986, с. 151-188, с. 151.

хрононимом – своеобразной вехой, относительно которой располагали иные события. Спустя десять лет можно было услышать: «В год, когда большому пожару случиться, вышла я замуж»; «Года за два до большого пожара пала наша лошадь»... Подобная народная память о большом пожаре передавалась из поколения в поколение; дожила в Егорьевске до 70-х годов прошлого века. Интересно отметить, что при этом на уровне обыденного сознания люди не помнили год пожара. Даже автор вышедшей в 1909 году книги «Егорьевский городской голова Н.М. Бардыгин» А.А. Виталь, правильно указывая год пожара, ошибается с числом, датируя событие днём позже².

О большом пожаре в Егорьевске довольно подробно сообщают «Рязанские губернские ведомости», поместившие в номере за 29 июня сообщение «Пожар в Егорьевске»³. Пожар случился неделей ранее, т.е. 22 июня. Так что для егорьевцев эта дата печальна вдвойне. Конечно, это старый стиль (по новому стилю пожар случился 4 июля), но для людей, живших в XIX веке это был день 22 июня.

Пожары случались в городе и ранее, но их народная память не сохранила, масштаб был не тот. Пожара такой силы и такого размаха в Егорьевске еще не было. Поэтому, именно этот пожар вошел в народную память, именно его называли большим. Видимо также долго немногочисленные жители егорьевского села Алексино – Шатур будут помнить пожар 2014 года, уничтоживший 12 домов села.

Большой пожар мог разыгаться в любое время. Егорьевск для этого подходил, как нельзя лучше. Город был практически целиком деревянным. Так, в 1860 году в Егорьевске было 13 улиц – 382 дома (в том числе 6 каменных).

Население города составляло 4779 человек (душ мужского пола 2332)⁴. К тому же дома стояли вплотную друг к другу. В городе практически не было зеленых насаждений, могущих воспрепятствовать распространению огня, не было и водопровода...

Июнь 1868 года был в Мещёре сухим и жарким. Пожар в Егорьевске вспыхнул в субботу 22 июня в 6 часов вечера. Его причина осталась неизвестной. И сегодня, спустя годы, мы вряд ли сможем её узнать. Можно лишь предположить, что это было неосторожное обращение с огнём.

² Виталь А.А. Егорьевский городской голова Н.М. Бардыгин, М., 1909, с.5

³ Без автора Пожар в Егорьевске //Рязанские губернские ведомости. 1868. 28 июня.

⁴ Токмаков И.Ф. Историко-статистическое описание города Егорьевска (Рязанской губернии) с уездом, М., 1901, с.13.

Открытки Н.Зенина

Расположенное в центре города здание художественного отдела Историко-художественного музея, хорошо известно. Это красивейшее здание в городе и его поправу занимает музей. В прошлом это дом купцов Никитиных.

Впрочем, таким красивым здание было не всегда. Ампирная лепнина появилась в начале прошлого века. В XIX веке дом был не оштукатурен. Именно отсюда начал своё страшное шествие по городу пожар. Сначала загорелась деревянная сушильня во дворе дома Никитиных. Уже через несколько мгновений строение полностью охватило пламя. С порывистым ветром красные языки перенеслись на дом Никитиных, где на первом этаже помещалась фабрика ручного ткачества, а значит, было много пищи для огня. Следующими жертвами пожара стали дома купца Князева, мещанина Фролова. Очень скоро пожар охватил восемь центральных кварталов. Горело фактически 2/3 города. Такого пожара в Егорьевске еще не было.

Делалось всё возможное, чтобы не допустить распространения огня к земской больнице, деревянным храмам. В связи с подходом огня началась эвакуация арестантов из тюремного замка.

«Рязанские губернские ведомости» рисуют трагическую картину происшедшего: «От сильного жара не было невозможности ходить по улицам. Жители не знали, как сберечь имущество: сначала носили его на Соборную площадь, но когда пламя перебросилось на дом купца Князева, находившийся на площади, там уже не было спасения и многое из снесённого имущества сгорело. На жителей напал панический страх, горели жилища, гибло имущество и не было средств спасти его. Всеобщее смятение, отчаяние погорельцев, крик женщин, плач детей, треск разваливающихся домов представляли ужасную картину.»⁵

Действительно, ужасная картина. Так и встает перед глазами известная картина

К. Брюлова «Последний день Помпеи». Точность, с которой описан пожар, дает основание предполагать, что автором газетной статьи был егорьевец, воочию наблюдавший бедствие.

15 пожарных труб были не в состоянии сдержать стихию. И лишь вдоволь насытившись, пожар стал угасать. Пожар бушевал 6 часов. К ночи все было кончено.

Страшное зрелище предстало поутру. Центр города представлял кучи тлеющих головешек. В развалинах копались люди. Всюду валялись различные вещи. На окраине города словно цыганский табор

⁵ Рязанские губернские ведомости 1868, 29 июня.

на узлах уцелевших пожиток сидели погорельцы. А в самом центре города окруженный обгоревшими остовами домов вздымался потемневший от гари и копоти Белый Успенский собор. Ни одна святыня города, в т.ч. деревянная (Красный Георгиевский собор, Казанская церковь) не пострадала.⁶ Люди увидели в этом добрый знак.

На следующий день в городе был образован Комитет, который был призван решать вопросы, связанные с преодолением последствий трагедии. Комитет возглавил Егорьевский предводитель дворянства Константин Михайлович Афанасьев. В Комитет вошли видные представители купечества: А.И. Хлудов, Л.А.Фролов, С.И. Князев, В.Д. Клопов, Ф.А. Каширин, Г.Н. Брехов, М.Ф. Бардыгин (отец будущего городского головы Н.М. Бардыгина) и мещанин М.А. Чирков. Многие члены Комитета сами пострадали от пожара. Так, у Михаила Федоровича Бардыгина сгорел недостроенный дом, который он возводил на месте старого, сгоревшего во время предыдущего локального пожара.⁷

Комитет незамедлительно приступил к работе. Прежде всего необходимо было оказать экстренную помощь погорельцам, оценить ущерб. Погорельцев временно разместили в казармах фабрики братьев Хлудовых. Часть пострадавших поселилась у родственников в деревнях или в уцелевших домах в городе. Некоторые в качестве временного жилья использовали сохранившиеся кирпичные полуподвальные этажи, над которыми из подручного материала делались крыши.

Для ликвидации последствий пожара было привлечено 900 крестьян из окрестных деревень. Они несколько дней тушили тлеющие головёшки, разбирали сгоревшие здания.

Последствия пожара оказались очень тяжелыми. Огонь уничтожил 2/3 города – сгорело: 208 домов, 34 лавки, 4 фабрики, банк, здание городской Думы, городское училище, флигель при земской больнице. Трагичность ситуации усугубилась тем, что застраховано от огня было лишь 24 дома (страховые общества «Саламандра», Московское и Санкт-Петербургское).⁸

⁶ Выстоявшие в огненной стихии храмы погибли в Советские годы.

В 1934 г. во время локального пожара сгорел построенный в 1765г. Красный Георгиевский собор – старейший храм города.

17 апреля 1935 г. по решению Городского Совета взорван Белый Успенский Собор.

В 1990-е разобрана пострадавшая в пожаре Казанская церковь, сооруженная в 1790 году.

В настоящее время на месте старого храма установлен новодел.

⁷ Виталь А.А. Указ. соч. с.58

⁸ Рязанские губернские ведомости. 1868. 29 июня.

Сведений о человеческих жертвах нет. Вероятно их не было. Пожар был днем, люди могли спастись. Но опосредственные жертвы все равно были. Их количество учету не поддается. Многие погорельцы долгое время жили в сырых, холодных временках и, как следствие, простужались, болели, умирали. Михаил Федорович Бардыгин после пожара жил с семейством в амбаре. Плохоприспособленное жилище подорвало его здоровье. 18 июля того же года Михаил Федорович умер 59 лет от роду.⁹

Поскольку без посторонней помощи многим пострадавшим было не под силу вновь отстроиться, Комитет объявил сбор пожертвований. Одними из первых пожертвовали деньги на благое дело фабриканты братья Хлудовы. Они сделали взнос в размере 5000 рублей. Кроме того они предложили 12000 досок по льготной цене.

Долго и трудно залечивал город нанесенные пожаром раны. Пожар коренным образом изменил лицо города. На освободившихся площадях строили преимущественно каменные дома. В 1872 году городским головой был избран Никифор Михайлович Бардыгин (1835-1901), занимавший этот пост до конца своих дней. При нем Егорьевск изменился неузнаваемо. В городе возводятся великолепные храмы, открываются школы и гимназии, разбиваются парки и скверы, некогда грязные улочки покрывает булыжная мостовая, устраивается уличное освещение... В 1877 году начал работать водопровод. Это значительно улучшило противопожарную ситуацию.

В 1889 году в городе проживало 6690 человек (в т.ч. мужского пола 3567).

Домов было 1215, из них каменных 436, церквей 6, в т.ч. 3 каменных.¹⁰

Пожара такой силы и такого размаха Егорьевск больше не знал.

⁹ Виталь А.А. Указ. соч. с.59

¹⁰ Энциклопедический словарь Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А. т.22,- С-Пб, 1894,с.546

ДОМ ДУДОЧКИНЫХ. ИСТОРИЯ ОДНОЙ РУССКОЙ СЕМЬИ

Почти в самом центре Егорьевска на улице Александра Невского (до революции – улица Широкая) стоит ладный деревянный особнячок с пятью окнами по фасаду. Дом этот с самого первого взгляда привлекает внимание своей искусной резьбой по наличникам окон и карнизу под кровлей. Дед мой и прадед, уроженцы Егорьевского уезда ходили в старые годы в плотники, рубили по деревням и сёлам деревянные избы-пятистенки, узорили наличники и меня чем-то зацепил прихотливый кружевной узор резьбы. Видимо голос крови.... Полюбоваться и пойти дальше. Мало, ох как мало в наших городах и весях остается таких красавцев-домов. Не случайно внесли его в число памятников архитектуры. Но мне хотелось бы поведать здесь не о достоинствах самого здания, а о людях живших когда-то под его кровом.

В 1890-е годы егорьевский купец Сергей Филиппович Дудочкин построил для себя и своего семейства эти хоромы. Прошло с тех пор почитай 120 лет. По краеведческим делам мне довелось пообщаться с жительницей Ангарска Тамарой Михайловной Носоченко 1926 года рождения, Сергею Филипповичу она приходится правнучкой. В доме прадедушки, уже после его смерти Тамара Михайловна часто гостила, неродная прабабушка Клавдия Ивановна (умерла 25.04.1958) стала для неё по-настоящему родным и близкими человеком. По моей просьбе Тамара Михайловна как живой свидетель поведала об обстоятельствах жизни всех членов семейства Дудочкиных. Вот основные нити ее рассказа.

«Мой прадед Сергей Филиппович Дудочкин, до революции числился егорьевским купцом 3-й гильдии. У него имелся собственный деревянный дом, очень нарядный, весь изукрашенный резьбой. Сейчас этот дом является памятником архитектуры. Рядом с ним метрах в пяти стоял домик поменьше – лавка, где торговали металлическими изделиями. Изделия на месте не производили, привозили откуда-то»¹.

¹ В более раннее время (данные 1899 года) С.Ф. Дудочкин торговал бакалеей. К этому времени дом уже был.

Дом Дудочкиных в Егорьевске

С.Ф. Дудочкин

*Иван Сергеевич и Евдокия
Алексеевна Дудочкины*

Как удалось выяснить, Дудочкины в Егорьевске род древний. Уже в материалах 10-й ревизии 1858 года в числе егорьевских купцов упомянуты сыновья Бориса Васильевича Дудочкина (сам он умер в 1851 году) – Николай (45 лет), Данила (55) и Анисим (42). В каком именно родстве они находились с Сергеем Филипповичем пока не установлено. Купцы Дудочкины, возможно, происходят из деревни Васютино Егорьевского уезда, по крайней мере, в начале XX века такая фамилия встречается в Васютино. Помимо торговли Сергей Филиппович Дудочкин занимался общественной деятельностью, в 1900-е годы он неоднократно избирался гласным Егорьевской городской думы. Продолжается рассказ Тамары Михайловны: «Дед (Сергей Филиппович – А.Ф.), как рассказывали, очень приветливо относился к людям, жалел всех, особенно нищих, постоянно на кухне кого-то кормили. Все домашние хорошо знали, что если невежливо обойтись с пришедшим в дом Дудочкиных человеком, дед страшно рассердится. Умер Сергей Филиппович в 1926 году. От первой жены Веры (она рано умерла) у него родились сыновья Иван, Василий, Алексей и дочь Люба. Все трое сыновей умерли рано. У старшего сына Ивана ничего купеческого уже не осталось – он работал представителем какой-то хлеботорговой фирмы и вместе с женой жил на станции Верда под Рязанью. Жenu Ивана Сергеевича Дудочкина (мою бабушку) звали Евдокия Алексеевна, в девичестве Лобикова, она родилась в селе Новлянском Бронницкого уезда (ныне оно входит в состав города Воскресенска). Детей у них было всего две девочки – Мария (1905 года рождения, моя мама) и Ираида (1911 года). Жили Дудочкины, в общем-то, небогато, держали девочку-няню для дочки Маши. Сохранилась фотокарточка, где маленькая Маша снята вместе с няней Анютой.

Иван Сергеевич Дудочкин очень хорошо пел, его за сто с лишним вёрст приглашали из Верды в Рязань петь в храме на Рождество. В Рязани он познакомился с Шаляпиным. В 1916 году супруга Ивана Сергеевича скончалась, а чуть позже от болезни сердца умер и он сам, оставив двух дочерей круглыми сиротами. Тогда дед Дудочкин забрал девочек в Егорьевск. Вторая жена Сергея Филипповича – Клавдия Ивановна (девичья фамилия Герасимова) приняла их и воспитала как собственных детей. В Егорьевске Маша продолжила учиться в гимназии (начала учиться ещё в Рязани), а Ира пошла туда в первый класс. Но закончить обучение им не пришлось, начались революционные события, а следом Гражданская война, голод и разруха. Из девяти классов гимназии Маша отучилась только семь. Сергей Филиппович и его вторая жена Клавдия Ивановна воспитывали сразу четырех внуков – Машу и Иру (Ираиду) от Ивана, Фису (Фелицату) и Машу от Любви. Из-за того, что на попечении домовладельца Дудочкина остались две сироты-внучки, Советская власть не покусилась на дом бывшего купца, не стала отбирать его, либо уплотнять старых хозяев и оставила всё семейство в покое. Такое было положение – если есть сироты на воспитании – не трогали.

Клавдия Ивановна (справа) с Любовью и ее дочерью Фисой

Маша с няней Анютой

Маша и Ира Дудочкины

Все внучки (кроме Иры) занимались музыкой, играли на фортепьяно и на народных инструментах – мандолине, гитаре, балалайке; хорошо пели (видимо это было у них наследственное). Они все четверо – мама, Ира, Фиса и Маша все были певуны, они да еще мамина егорьевская подруга Катя Воробьева. Приходил в гости какой-то Фридман с гитарой и им аккомпанировал, такой был замечательный хор. Пели обычно романсы и народные песни.

Дома в красном углу стоял изумительный иконостас, бабушки из Александро-Невской церкви приходили несколько раз, просили его продать, но Клавдия Ивановна не продала. В той же большой комнате стояли две большие пальмы в кадках, вообще вся комната составляла море цветов, когда по улице мимо шли прохожие – заглядывались в открытые окна на цветы.

В дом Сергей Филиппович вложил душу, он вообще во все, что в жизни делал, вкладывал душу, человек высоконравственный, добрый, но внушек воспитывал строго, внушал, что ни при каких обстоятельствах нельзя обижать людей. Сергей Филиппович носил усы и маленькую бороду, таким он выглядит на единственной сохранившейся крошечной затемненной фотографии.

До революции в доме Дудочкиных квартировали несколько девушек – учащиеся Егорьевской гимназии. Видимо, все они были из дальних деревень уезда. Сохранилась фотография, где гимназистки сняты с Клавдией Ивановной и маленькой Фисой, Любиной дочерью.

Клавдия Ивановна и Фиса с девушками-гимназистками

И.С. Дудочкин с дочерьми

Мария Ивановна Дудочкина (моя мама) после семи классов гимназии пошла работать учительницей в Егорьевский детский дом. В годы революции и Гражданской войны осиротели, стали беспризорными тысячи детей и подростков. Советская власть старалась вытаскивать детей с улиц, обогреть и накормить, сделать из них полноценных членов общества. Как это происходило показано в фильме «Республика Шкид». В детском доме мама проработала недолго, несколько лет, но успела заслужить большое уважение среди воспитанников и педагогов.

В это время она познакомилась с отцом. Папа родился в деревне Силино Бронницкого уезда, ныне Воскресенского района, в многодетной крестьянской семье. Их было пять братьев. Старший – Алексей Никитич Матвеев примерно 1887 года рождения, самоучкой научился грамоте и работал учителем в открытой по его же хлопотам сельской школе. Мой папа – 4-й брат Михаил Никитич Матвеев, 1899 года рождения, начинал учителем, в 17-м году принимал участие установлении Советской власти в Москве, в 18-м вступил в комсомол, работал в 1919-1922 гг. секретарем уездного комитета комсомола в Бронницах и Егорьевске. Еще в 1924 году на 2-м Всесоюзном съезде Советов познакомился со Сталиным. Позднее отец связал свою жизнь с химической промышленностью, окончил Военно-химическую академию (1935 г.), работал на Воскресенском химическом комбинате, а с 1942 по 1950 год был его директором. (Подробнее о М.Н. Матвееве можно прочитать в воскресенской газете «Наше слово», №№ 53, 76, 99 за 2014 г. – А.Ф.) За самоотверженный труд в годы Великой Отече-

ственной войны и за умелое руководство вверенным ему предприятием (комбинат выполнял оборонные заказы), в 1944 году награжден орденом Ленина. Этим орденом он очень гордился. Работая в Егорьевске, отцу приходилось по комсомольским делам бывать на летном поле местной авиашколы. Там познакомился с Чкаловым. (Будущая легенда советской авиации Валерий Павлович Чкалов учился лётному делу в Егорьевске несколько месяцев в конце 1921 – начале 1922 гг. – А.Ф.). Валерий Чкалов произвел на отца впечатление человека незаурядной храбрости, не всегда соблюдающего дисциплину, но беззаветно преданного коммунистическим идеалам. Знакомство отца с Чкаловым перешло в добрые отношения до последних дней Валерия Павловича.

Они и позднее пересекались, уже после окончания Военно-химической академии (1935 год) отец, помню, рассказывал нам, как он с ним встречался. Когда Чкалов погиб сильно переживал. Возможно, они виделись с Чкаловым на съезде партии 38-го года. На съезде для делегатов организовывали книжную торговлю и отец всегда приносил оттуда домой много книг, читать он любил, хотя ему было некогда, выкраивал время чтобы читать интересные новинки, зато газеты читал регулярно, «Правду» прочитывал от начала до конца.

В 1937 году в Воскресенске скончалась моя мама Мария Ивановна, родила братика Славу и умела через несколько недель после родов. Это стало для нас всех огромной трагедией. Отец очень любил маму, после ее смерти он 6 лет жил один и только в 1943 году к нам семью пришла Мария Евгеньевна Кайяц, ставшая его второй женой. В дни битвы под Москвой Мария Евгеньевна была бойцом Уваровского районного партизанского отряда (Уваровский район позднее вошел в состав Можайского района – А.Ф.), с важной информацией о передвижении немецких частей она два раза ходила через линию фронта к своим, во второй раз сильно обморозилась, долго лежала в госпитале.

В 1958 году умерла прабабушка Клавдия Ивановна Дудочкина, завещание на дом она написала на меня, но как раз в тот момент моего мужа Василия Петровича Носоченко назначили заместителем директора Ангарского комбината, огромная ответственность, в его подчинении оказались 12 отделов. Муж сказал – ехать ему в Егорьевск нельзя, таких назначений как в Ангарске там и близко не будет. Приняли решение дом продать. Продали задешево, так как покупатели знали, что всё равно продадим, жить в нём не будем. О том, что дом продали, я сих пор очень сильно жалею. Это было родовое гнездо.

Мария Дудочкина

*Михаил Матвеев
1942 г.*

М.Н. Матвеев с детьми

Мой дедушка Иван был старшим сыном Сергея Филипповича Дудочкина, два следующих сына – Василий и Алексей умерли рано. Василий жил в Егорьевске², он не был женат, а Алексей успел жениться, его жена Мария Алексеевна работала бухгалтером, овдовев, она жила в Москве, там вышла замуж за Алексея Грачёва, он был тоже бухгалтер и работал в администрации Кремля. В Кремле дядя Лёша получал превосходный по тем голодным временам паёк, он очень любил мою маму и поэтому всегда говорил жене: «Половину пайка отдайте Маше, половину – нам». Если в пайке находилось что-то из сладостей, произносилось: «А это – Томочке». Он был в прошлом офицер царской армии и никогда своё офицерство не скрывал, но, не смотря на это, его никто пальцем не тронул. Дядя Лёша был ас в бухгалтерии, человек кристально честный, эрудированный и высокопрядочный. Любил Белинского, многие его статьи мог цитировать абзацами наизусть. Он умер 10 мая 1940 года и похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище. Тетя Маня после его смерти жила одна и умерла в 1953 году.

Младшая дочь Сергея Филипповича Дудочкина, Любовь вышла замуж, мужа её звали Константин. Они проживали сперва в пригороде Москвы, я не помню его название. Родились две дочери – Фелицата (Фиса) и Мария. Фиса по мужу носила фамилию Соболева, у нее родилась дочь Рита, инвалид детства. Муж Фисы – Иван Соболев был инженер, он погиб в Великую Отечественную войну под Смоленском в 41-м году, там наши саперы строили переправу и его убили как раз во время этого строительства. Фиса после перенесенной скарлатины оглохла, работала надомницей, она очень хорошо вышивала, просто великолепно, даже ковры вышивала. Младшая дочь Любы – Маша вышла замуж за Майского, у них родился сын Володя. Жив ли он, не знаю.

Младшая сестра моей мамы Ираида (Ира) 1911 года рождения унаследовала отцовский недуг – болезнь сердца. Она была инвалид детства и нигде не работала, не считая военных лет. С болезнью научилась справляться, знала какие и когда принимать лекарства, привыкла, приспособилась к своему состоянию. До выхода замуж (примерно 32-33 гг.) тетя Ира жила вместе с нами в Москве. Муж Ираиды – Ефим Карпович Скворцов трудился главным бухгалтером на одном из московских заводов. В начале войны Ираида Ивановна

² Василий Сергеевич Дудочкин числился егорьевским мещанином и вместе с сергиевской мещанкой Верой Александровной Моргуновой открыл 21 июля 1914 года торговое заведение в Москве на улице Большой Никитской, дом 21. Они торговали игрушками. Данные 1916 года.

пошла работать в военный госпиталь на Красной Пресне, сперва нянечкой, а так как она хорошо разбиралась в лекарствах, то позднее стала незаменимым человеком в своем отделении. Они жили в войну в Царицыно, дядя мужа оставил им жилье, уезжая в эвакуацию. А еще раньше снимали комнату в Лосинке. Сын тети Иры – Станислав Ефимович Скворцов окончил Московский строительный институт, занимался общественной работой. Как хорошего специалиста и политически грамотного человека его направили на работу в Комитет, который занимался строительством атомных электростанций в странах социализма, он трудился заместителем председателя этого Комитета. Стас умер нестарым, а тетя Ира жила долго – умерла в 1989 году, пару лет не дожила до 80-летия».

Скажем несколько слов и о самой Тамаре Михайловне. В годы Великой Отечественной войны 15-летней девушкой она несколько месяцев отработала на Воскресенском химкомбинате (лето 42-го года), после чего райком комсомола направил ее на работу в райвоенкомат, в декабре 42-го – январе 43-го годов принимала участие в лесозаготовках – женщины и девушки заготавливали тогда топливо для оставшихся без угля паровозов, помогали им легко раненые и выздоравливающие красноармейцы – обрубали сучья, их подвозили из воскресенских госпиталей. Норма – 1 кубометр в день на человека. С осени 43-го продолжила обучение в средней школе. Окончила Московский государственный педагогический институт имени Ленина по специальности учитель истории. Много лет отработала директором средней школы № 10 города Ангарска в Иркутской области, школа эта по признанию многих стала лучшей в городе. За свои труды на ниве народного просвещения директор школы № 10 была награждена орденом Знак Почёта, медалями. В 2008 году Тамаре Михайловне Носоченко присвоено звание почётного гражданина города Ангарска.

Вот такой семейной сагой стал для меня рассказ Тамары Михайловны. История одной семьи в истории нашей великой родины. Страны, которая носила имена Русь, Россия, Советский Союз, а ныне снова стала Россией.

Александр Анатольевич Суслов
г. Воскресенск, Московской области

ЦЕРКВИ СЕЛА БАРАНОВСКОГО

Современное село Барановское исторически сложилось из трех составных частей. Первая, и самая древняя его часть – погост Усмерский (Усть-Мерский), административный центр одноименной волости (стана). Когда-то, как явствует из самого названия, погост находился недалеко от устья реки Нерской (древнее славянское название которой – Мерьска, Мерска, Мерская – по названию обитавшего здесь еще до славян финно-угорского племени *меря*), при впадении ее в Москву-реку. Здесь находился Усть-Мерский мыт (таможня), где взималась плата за провоз товаров по реке.

Погост находился в устье Нерской довольно долгое время, но затем (возможно, из-за запустения, вызванного монголо-татарским нашествием) был перенесен в другое место, фактически в центр современного села Барановского, туда, где сейчас находится сельская средняя школа.

Погост – изначально специальный пункт, место сбора налогов с населения окрестных сел и деревень. На погосте, как правило, обязательно возводили небольшую церковь, деревянную (*древена клетци*), как и подавляющее большинство сельских храмов. Несомненно, была такая церковь и на погосте Усть-Мерском. Можно предположить, что приблизительное время ее постройки – XV – XVI вв. До нашего времени эти древние деревянные храмы за редким исключением не дошли.

В 1978 году на территории древнего Усть-Мерского погоста (Барановского селища) работали археологи (Звенигородский отряд, руководитель А.А. Юшко). Вокруг школы и далее к северо-востоку на приусадебных участках они обнаружили значительное количество славянской керамики, среди которой преобладала поздняя (бело-глиняная) керамика (XVII в.), но встречалась и более ранняя (XIV – XV вв.). Находки неопровержимо свидетельствовали о многовековой заселенности данной местности.

В первые годы советской власти эта часть села называлась поселком Усмерский, он еще не слился с деревней Барановской в единое целое и числился отдельной территориальной единицей.

Вторая «составная часть» села Барановского – деревня Усадище в древности называлась деревней Денисовской. Первое упоминание о ней находим в Писцовой книге Коломенского уезда за 1577-78 год (стан Усмерский): *«За Уланом Улановым сыном Епанчина, а прежде того в поместье было за Федором за Зачесломским: деревня*

Денисовская: пашни худой земли 16 четьи, да перелогу лесом поросло 15 четьи в поле, а в дву потомуж, сена 50 копен». В более поздних писцовых книгах эта деревня упоминается уже как **Деннисовская, Усадище тож**, а впоследствии просто **Усадище**.

Название (топоним) **Усадище** есть несколько искаженное слово *усадыбище*, т. е. место, где находилась когда-то некая усадьба (как *городище* – место, где когда-то был *город*, т.е. огороженное место, крепость; *селище* – место, где ранее находилось селение; *пожарище* – место после пожара и т.д.).

Третья часть села – собственно Барановское, которое в XVI веке и ранее именовалось деревней **Демидовой**, а территориально относилось уже не к Устьмерскому, а к Брашевскому стану (Брошева, Брашева, Брашевская волость), хотя находилось в непосредственной близости от первых двух частей. Первое упоминание о ней находим в той же писцовой книге Коломенского уезда: «За Васильем же Огалиным да за его снохою за Матрёною за Мотфеевою женою Огалина, да за ее сыном за Ивашком за Мотфеевым сыном Огалина, то у них поместье пополам: (...) деревня **Демидова**, на речке Любче: пашни худой земли 8 четьи, да перелогу 9 четьи с осьминою, да перелогу же лесом поросло 10 четьи в поле, а в дву потому же, сена 50 копен, лесу болота 2 десятины с полудесятиной».

Упомянутая здесь речка Любча (Любца) ныне иногда называется Ердашкой – от слова *иордань*, то есть там, видимо, на Крещение и устраивалась иордань. Само название села – Барановское – местные жители, в лучших традициях народной этимологии, объясняют тем, что-де во времена оны по оживленному тракту, проходившему через село от Егорьевска до Бронниц и далее гнали стада баранов на бойню в столицу. Получается, что, если бы, положим, гнали не баранов, а стада коров, село бы называлось Коровьевским. Потом ведь, тракт оный, по которому гнали на убой баранов, проходил через многие населенные пункты и все бы их тогда надо бы называть *Барановскими*. На самом же деле название села именное – от прозвища (имени, фамилии) владельца – Баран, Баранов, Барановский.

К середине XIX века старая церковь на погосте (по всей видимости, она была освящена во имя Рождества Христова) изрядно обветшала, и назрела необходимость в постройке нового храма. И новый (2-й) храм построили – в 1866 году «*тщанием прихожан и других доброхотных жертвователей*» (клировая ведомость). Церковь была деревянной, но на каменном фундаменте, «с такою же колокольнею, в единой связи, крыта железом».

Из воспоминаний жительницы села В.С. Колубковой: «Жители окрестных деревень на своих подводах возили песок и насыпали

холм. Так на самом высоком месте села появилась очень красивая деревянная церковь. Строилась она на века, из толстых дубовых стволов. В церкви было три придела: Рождества Христова, Святой Троицы и Евангелиста Иоанна Богослова.

Моя память хранит ее внутреннее убранство. При входе в церковь была нарисована картина рая и ада. Я очень боялась этой картины и всегда прижималась к бабушкиному боку.

Разрушенный храм Рождества Христова

В здании церкви стояли очень красивые иконы: святая Троица, распятие Иисуса Христа. Справа огромная купель, где крестили младенцев, впереди клирос, где пел когда-то в церковном хоре мой отец. При церкви была церковно-приходская школа, здесь учились мои родители. Вокруг церкви было кладбище, где похоронены были мои предки. Всё утопало в кустах сирени. Наша улица называлась тогда Поповкой (теперь улица Королькова), так как жили вокруг церкви служители церкви».

Значительные средства на постройку храма выделил фабрикант Сергеев. Возможно, его звали Иваном, и один из приделов новой церкви освятили в честь его небесного патрона, св. евангелиста Иоанна Богослова.

Церковь Рождества Христова

Из воспоминаний жительниц села Н.В. Ересневой и М.И. Цыбиковой (записаны А.Б. Мазуровым): *«Старая церковь стояла на горке, там где сейчас школа. Близ церкви район так и назывался «поповкой». У церкви был свой «церковный пруд». Под горкой кипела ярмарка, располагались карусели и балаганы. Церковь Рождества Христова была деревянная, обита тёсом».*

О ярмарках в Усмерской волости сообщается в сборнике «Бронницкий уезд» 1926 года издания. *«Поселок Усмерский, ярмарка проводится ежегодно, два дня – 6 и 7 января [т.е. на престольный праздник – Рождество Христово]. Главный предмет торга – мелочные товары; второй раз – на Троицу [также престольный праздник].*

В селе Барановском – базар ежемесячный, 8 и 10 числа каждого месяца. Главный предмет торга – бакалея, мануфактура, обувь».

В конце XIX – начале XX вв. село Усмерск (Барановское) становится фабричным, население его увеличивается. Строятся всё новые и новые фабричные здания, дома и постройки фабричных рабочих. Деревянный храм уже становится тесным для всё возрастающего числа прихожан. Да и сама церковь, как отмечает клировая ведомость 1913 года, «ветха» (хотя ей к тому времени не исполнилось еще и 50 лет).

Незадолго до 1917 года прихожане собрали деньги на строительство нового, каменного храма. Значительные средства пожертвовал владелец фабрики П.Т. Кацепов. Каменную церковь начали строить рядом со старой, уже заложили кирпичный фундамент, но грянули революции – февральская, октябрьская... Наступала эпоха антирелигиозных гонений. О строительстве новых храмов не могло быть и речи. В 30-е годы стали повсеместно закрываться действующие храмы. Не избежала этой печальной участи и церковь Рождества Христова села Усмерск (Барановское). По воспоминаниям старожилов наиболее ценная утварь была увезена в Бронницы, часть разошлась по рукам.

«В годы войны прихожане собрали большую сумму денег на то, чтобы церковь вновь была открыта и они могли бы помолиться о погибших и живых, но власть не разрешила» (В.С. Колубкова).

В 1956 году началась вторая волна т.н. «хрущевских» гонений на религию. Деревянный храм в Барановском, которому (храму) исполнилось 90 лет, разобрали. Тёс, бревна и прочие стройматериалы использовали для постройки скотного двора и других хозяйственных построек. Говорят, что эти постройки в том же году и сгорели. Уничтожили и церковное кладбище. *«Срыли могилы наших предков, разбросали вокруг их останки, всюду были разбросаны их кости. Помню, как старушки собирали их и перезахоранивали. Такое трудно забыть. С 1961 года на месте церкви стоит школа-десятилетка»* (В.С. Колубкова).

Приход церкви Рождества Христова

Согласно Клировой ведомости 1913 года, священники церкви, диакон и псаломщик жили в собственных деревянных домах на церковной земле (всего церковной земли, включая пахотную и сенокосную, имелось 58 десятин 638 кв. сажень). К церкви были приписаны две деревянные часовни – одна в деревне Щербове, другая – в Медведеве. При церкви имелась сторожка с пристроенной к ней читальней (в церковной библиотеке насчитывалось до 500 томов). Также имелась приходская богадельня (*«деревянная, на каменном фундаменте, крыта железом»*). В приходе имелись две церковно-приходские школы: одна непосредственно при церкви, другая в деревне Медведеве. Кроме того, в Барановской (тогда еще деревне) была Земская школа.

В приход церкви Рождества Христова на 1913 год входили следующие населенные пункты:

Населенный пункт	Число семей (хозяйств)	Число душ		
		муж	жен	Все го
1. Село (погост) Усмерск	19	48	56	104
2. Деревня Усадище	74	200	210	410
3. Медведева	82	297	294	591
4. Лидина	45	153	170	323
5. Федоровка	4	23	15	38
6. Бочевина	87	286	304	590
7. Барановская	123	376	459	835
8. Щербова	74	262	278	540
9. Николаевская	28	100	103	203
Итого:	536	1745	1889	364
В том числе:				3
духовных	8	16	14	
мещан	47	165	196	30
крестьян	481	1564	1679	361
Кроме того, в приделах прихода				324
имеют жительство:				3
раскольников (поповщинского толка)	336	1045	1079	
				212
				4

Общий итог: 5767 человек

Как видим, число старообрядцев в приходе соизмеримо с числом православных и составляет более половины населения (58%). В деревне Усадище у старообрядцев была своя деревянная церковь – во имя Св. Троицы, построенная в начале XX века. Она, конечно, тоже была впоследствии закрыта, но и в закрытом виде простояла несколько десятилетий, до начала «перестройки», когда благополучно сгорела, несмотря на якобы «охрану государства».

Упомянутые в списке приходских деревни Федоровка и Николаевская ныне уже не существуют. Последняя, деревня Николаевская, «Медуниха тож», основана была владельцем усадьбы Спасское Николаем Михайловичем Смирновым на месте бывшей пустоши Медуниха и называлась поначалу Николаевскими выселками (по имени владельца).

Священно- и церковнослужители

Первым документально отмеченным священником в Усмерске был **Семен Архипович Марков**. Он служил здесь примерно с 1857 по 1870 годы. То есть, он был последним священником изначальной (условно говоря, 1-й) церкви на погосте Устьмерск и первым в новой (2-й) церкви, построенной в 1866 году. Вот некоторые вехи его биографии. Родился около 1802 года в Коломне в семье Архипа Васильевича Маркова (1776 – после 1834), дьячка Вознесенской церкви в Коломне. Дед семена Архиповича – Василий Семенович Марков (1737 – скончался между 1795 и 1814 гг.) был дьяконом в церкви св. Димитрия Солунского села Сабурова Коломенского уезда (до 1783), а после 1784 – дьяконом Покровской церкви погоста Красно. Жена о. Семена – Мария Ивановна, урожденная Постникова. После 1832 года о. Семен служит настоятелем Покровской церкви села Чиркино Коломенского округа; после 1835 г. – священник Никольской церкви села Дарищи близ Коломны; после 1856 г. – настоятель церкви Рождества Христова погоста Усмерск Бронницкого уезда; после 1870 – священник Харитоньевской, что в Огородниках церкви (Москва). Скончался 23 ноября 1884 г. в Москве, похоронен на кладбище Донского монастыря.

Священник **Валериан Григорьевич Шумов** (родился ок. 1832 г.) в 1854 году окончил Московскую духовную семинарию (по 2-му разряду) и был в том же году определен вторым священником в церковь на погосте Усмерский (1-ю). После 1870 г., когда о. Семена Маркова перевели в Москву, о.Валериан стал настоятелем Христорождественской (2-й) церкви и служил здесь вплоть до своей кончины 17 июня 1908 года, в возрасте 76 лет. На его надгробии была выбита надпись: *«Священствовал в Христорождественском храме погоста Усмерска с 1854 года»*.

О.Валериан (в народе его звали «отец Верьян») имел чин протоиерея, был благочинным округа, вёл занятия в церковно-приходской школе при храме. Погост Усмерский стал первым и единственным местом его служения, каковое продолжалось почти 54 года. Похоронен был на церковном кладбище, а после разорения последнего в 1956 году место захоронения о. Валериана, как и многие другие могилы, было разорено, осквернено и уничтожено. Известно, что дочь о.Валериана, В.В.Шумова, работала учительницей в Муравлёвской земской школе.

16 января 1906 г. в Христорождественскую церковь вторым священником был назначен **Сергий Васильевич Касимов**. Он родился в 1879 году в семье священнослужителей. В 1902 году окончил Мос-

ковскую духовную семинарию (с аттестатом 2-го разряда) и был рукоположен в диаконы Троицкой церкви села Хотейчи Богородского уезда (25 октября 1902 г.), откуда через четыре года, как сказано выше, переведен в Усмерск. После кончины о.Валериана Шумова о.Сергий становится настоятелем Христорождественской церкви (утвержден в этой должности 12 мая 1909 г.).

О.Сергий, кроме служения в храме, активно занимался просветительской деятельностью. Так, с 1904 по 16 января 1906 г. исполнял должность законоучителя в Лашинской церковной школе грамоты; был также законоучителем в Кладьковском земском училище (до его закрытия в 1906 г.) и в Муравлёвском земском училище (с 18 мая 1906 по 1 сентября 1909 г.). Одновременно, также с 18 мая 1906, был заведующим и законоучителем в Медведевской церковно-приходской школе, а с 23 августа 1908 г. еще и законоучителем в Барановском Земском училище. За свои труды по народному образованию о.Сергий был награжден набедренником, а также серебряной медалью (на двойной Владимирской ленте) в память отмечавшегося 13 июня 1909 года 25-летия со дня восстановления Александром III церковных школ. О.Сергий состоял членом благочиннического Совета 5-го округа Бронницкого уезда.

В семье его была жена Елизавета Ивановна (род. 18.08.1879) и пятеро детей (на 1913 г.): Серафим (8.09.1903 г.р.), Анна (31.08.1905), Нина (20.01.1907), Иоанн (8.03.1909) и Пантелеймон (3.07.1912).

С 18 июля 1908 года вторым священником в Усмерск определен **Илия Николаевич Орлов**. Он родился в 1882 году, в 1905 окончил Московскую духовную семинарию. Как и большинство закончивших семинария, состоял поначалу законоучителем в различных школах: в Губинской одноклассной ЦПШ (Гуслицкий округ), с 15.09.1905; в Николо-Угрешской двухклассной ЦПШ и там же – в послушницеской школе, с 26.05.1906. После перевода в Усмерск стал заведующим и законоучителем в Усмерской ЦПШ (с 27.10.1908), а также учительствовал в Муравлёвском начальном училище (с 25.08.1909) и Кладьковском Земском училище (с ноября 1911). За свою просветительскую деятельность о.Илья был также награжден серебряной юбилейной медалью. Был членом благочиннического Совета 5-го округа Бронницкого уезда. В его семье была жена Ольга Сергеевна (28.07.1884 г.р.) и двое (на 1913 г.) детей: Михаил (11.08.1909) и Валентина (11.02.1911).

Советская власть жестоко расправилась с о.Ильей. Во время гражданской войны в усмерских лесах скрывались т.н. «зеленые», т.е. крестьяне, которые не хотели воевать ни на стороне «красных», ни на стороне «белых». Власти считали их дезертирами, преследовали и

расправлялись. Под это «дело» попал и о.Илья Орлов. Вот отрывок из воспоминаний жительницы села Анны Михайловны Макаркиной.

«С малых лет мой дедушка водил меня в церковь. Я помню священника, отца Илью, его все очень любили. Расстреляли его ни за что. Дело так было. Пришел на побывку солдат на два дня. Его сочли дезертиром и расстреляли. Пришлось отцу Илье хоронить его. Тогда забрали и его, у котельной, на территории фабрики (у сараев) расстреляли. На месте расстрела он перекрестился и сказал: «Господи, прими мой дух».

Диаконом церкви с 30.05.1893 служил **Димитрий Павлович Омиров**, 1871 г.р. Он поступил в Московскую духовную семинарию, но уже из 1-го класса был отозван на должность диакона церкви погоста Усмерский. В Усмерской ЦПШ преподавал славянский язык. За труды на ниве просвещения был награжден двумя серебряными медалями: в память царствования императора Александра III (на Александровской ленте) и юбилейной в память 25-летия возобновления церковных школ (на Владимирской ленте). У отца Димитрия была весьма большая семья - жена Антонина Петровна (11.02.1873 г.р.) и девять детей: старшая дочь София (10.09.1895) к 1913 году окончила курс в Филаретовском Епархиальном училище; старший сын Василий (21.12.1896) обучался в 3-м классе Московской духовной семинарии; Николай (28.11.1898) обучался в той же семинарии, но в 1-м классе; Павел (7.07.1900) обучался в 3-м классе Коломенского духовного училища; остальные дети по малолетству были еще на домашнем воспитании – Иван (5.12.1902), Мария (27.03.1907), Клавдия (12.04.1909), Евгений (6.02.1911) и Валентина (2.02.1913).

Псаломщиков при храме было два. **Сергий Константинович Дмитров**, 1884 г.р., обучался в Заиконоспасском духовном училище в Москве. Из 3-го класса оногo училища был определен на место псаломщика в Усмерск (25.09.1902), а 4.08.1905 посвящен в стихарь. 15 ноября 1906 был призван на военную службу, отслужил три года и 7.12.1909 демобилизован. В Усмерск он вернулся не сразу, а сначала служил псаломщиком в селе Городково Волоколамского уезда (с 17.01.1910). На старое место службы был переведен через два месяца (23.03.1910). В семействе у него была жена Евдокия Ивановна (27.02.1879 г.р.) и сын Петр (8.10.1911).

Вторым псаломщиком был **Трофим Васильевич Руков**, родился 23.07.1884. В 1913 году был еще холост. Обучался в Земской школе. На место псаломщика в Усмерск был определен 25.11.1913 г., а до этого подвизался в качестве трапезника в Московском Покровском соборе.

Должность просфорницы занимала вдова **Федосья Михайловна Преображенская**, 1848 года рождения.

С 1912 года должность церковного старосты занимал **Петр Егорович Кутейников**, «Бронницкий мещанин».

Кроме того, при церкви имелся еще заштатный псаломщик **Николай Павлович Хитров**, 1879 г.р. Он окончил курс в Заиконоспасском духовном училище и был определен псаломщиком в данную церковь 4.01.1904, через полгода (22.06.1904) посвящен в стихарь. Через 9 лет, 29.11.1913 г. Указом Московской Духовной консистории псаломщик Хитров «за неодобрительное поведение отчислен от должности и удален за штат по суду епархиального начальства». В чем заключалось «неодобрительное поведение» псаломщика уточняется в Указе Консистории от 7.06.1914 (за №14481). Располагая этим документом в подлиннике, можем привести его дословный текст.

Благочинному 5 округа Бронницкого уезда, священнику Нико-лаю Лебедеву.

«По делу о неисправности по службе и самовольных отлуч-ках псаломщика погоста Усмерска Николая Хитрова, уволенного ныне за штат, решением Епархиального начальства, от 30 июня теку-щего года, постановлено: «Бывшего псаломщика погоста Усмерска, Бронницкого уезда, Николая Хитрова, как наказанного уже за его неодобрительное поведение увольнением за штат, новому взы-сканию в настоящий раз не подвергать, считая его уволенным за штат по суду Епархиального начальства, о чем отмечать в клировых ведомостях, а также в справках Консистории в случае подачи Хитровым прошения об определении на место псаломщика». О чем для надлежащего, в чем следует, исполнения и посылается Вам настоящий указ. Июля 7 дня 1914 года».

В приходской богадельне при церкви проживали «сиротствующие»: вдова умершего протоиерея сей церкви **Мария Дмитриевна Шумова**, 76 лет. Дети ее: Вера, 50 лет, учительница в Земской школе; Сергей, 36 лет, состоит псаломщиком в Москве; Александр, 52 лет, священник в Звенигородском уезде и Алексей, 45 лет, находится на частной службе.

Вдова умершего диакона сей церкви **Любовь Петровна Соколова**, 44 лет. Она окончила курс в Чепелевской семинарии и со-стояла учительницей в Земских школах Бронницкого уезда. У нее была дочь Алевтина, 21 года, также работавшая учительницей в Зем-ской школе. Указано, что она была свояченицей (сестрой жены) мест-ному диакону.

Дочь отрешенного диакона сей церкви **Мурашева Анна**, 55 лет, девица.

В 10 верстах от Усмерского погоста в деревне Муравлёво в 1904

году был построен деревянный храм Михаила-Архангела. В клировой ведомости на этот храм (за 1915 г.) указывается, что построен сей храм *«тщанием и на собранные пожертвования священником погоста Усмерска **Алексием Клименко**»*. Если означенная церковь в Муравлёве построена в 1904 г., то получается, что указанный здесь священник Алексей Клименко служил в Христорождественском храме на погосте в то время, когда настоятелем там был о.Валериан Шумов. Возможно, Алексей Клименко был вторым священником.

По рассказам старожилов села Барановского, после того, как расстреляли о.Илью Орлова, священником после него служил **о.Виктор**, фамилия его, к сожалению, не запомнилась. Служил он до 1926 года.

После него в храме служил священник **Сергий Воскресенский**. В 1930 году его «забрали» и отправили на лесоразработки на три года. После отбытия срока он снова вернулся в Усмерск и служил вплоть до 1937 года, когда его «забрали» уже окончательно.

В списке священников, расстрелянных на Бутовском полигоне, есть один Воскресенский Сергей Андреевич (расстрелян 21.09.1937), но тот ли это священник, что служил в Усмерске, сказать сложно. Старожилы сообщают, что у о.Сергия остались две дочери. На дочери одной из них (т.е. внучке о. Сергия) был женат священник Петр Белокрылов из Георгиевской церкви пос. Цюрупы.

Упоминают также старожилы священника о. Иоанна Березкина, который «был сослан». Время его служения установить пока не удалось.

Последним же священником церкви в Барановском был Александр Ардашев. О нем и его жизни см. отдельный очерк «Крестный путь». О. Александр был расстрелян на Бутовском полигоне 31 октября 1937 года. После него церковь закрыли, *«колокола сняли и увезли неизвестно куда»*.

Церковь Вознесения Господня

Прошло несколько десятилетий. Эпоха гонений на Церковь закончилась. В тех местах, где закрытые ранее храмы еще как-то сохранились, их стали возвращать верующим, а там где от храмов практически ничего не осталось, разве только место, стали возводить новые. В селе Барановском от храма не осталось ровным счетом ничего (только воспоминания и фотографии), а место, где он прежде стоял, занято школой.

Новый храм Вознесения Господня

В конце 90-х гг. XX века жители села обратились в Администрацию района с просьбой о постройке нового храма. В 1999 году, т.е. через 43 года после того, как храм Рождества Христова был уничтожен, в Барановском состоялся сход сельчан, куда пригласили главу Администрации и благочинного Воскресенского округа игумена Иннокентия. На этом сходе и было принято решение о строительстве в нового храма. По замыслу благочинного в Воскресенском благочинии должны быть храмы, посвященные всем 12-ти христианским двенадцатым праздникам. Для храма в селе Барановском определили посвящение в честь праздника Вознесения Господня.

Место для будущего храма выделили на территории Барановского сестринского приюта. В непосредственной близости от здания больницы было поначалу выделено временное помещение для богослужений – пустующее здание кухни. Здесь силами прихожан и при поддержке руководства фабрики был произведен необходимый ремонт. Иконы, необходимую утварь собирали всем миром. И вот, 15 февраля 2000 года, на праздник Сретения Господня здесь была совершена первая Божественная литургия. Настоятелем будущего храма был назначен священник Александр Сипягин. В июне того же года в Барановском побывал с Архипастырским визитом митрополит Крутицкий и Коломенский Высокопреосвященный Ювеналий. Он посетил временный храм и благословил настоятеля на строительство нового каменного храма.

Вскоре началось строительство. Средства собирали прихожане, жители окрестных деревень, помогали благотворители, поддерживала Администрация, руководство фабрики, больницы, ряд предприятий Воскресенского района, кто чем мог – деньгами, материалами, рабочей силой.

3 октября 2000 года церковная община села Барановского была официально зарегистрирована. С Великого поста 2002 года настоятелем храма назначается священник **Сергий Рыбаков**. Он продолжил строительство, начатое предшественником. Здание храма возводилось постепенно. В декабре 2003 началось уже богослужение в подкупольном пространстве нового храма. Летом 2006 было завершено основное строительство трапезной части, и служба совершалась уже во всем объеме храма. Летом 2007 к храму пристроили колокольню (до этого в притворе установлено было металлическое било). В том же 2007 году, в ноябре, было приобретено 7 колоколов (малая звонница). Поначалу они были подвешены к деревянной раме на земле, а затем водружены на колокольню.

В начале 2008 года строительство храма Вознесения Господня в селе Барановском практически завершилось. 10 февраля 2008 года, на празднование Собора Новомучеников и Исповедников Российских, новый храм был освящен викарием Московской епархии архиепископом Можайским Григорием. Он совершил чин великого освящения Вознесенского храма. В тот же день после Богослужения состоялось освящение колоколов малой звонницы.

В деревне Медведево, которая входит в приход Вознесенского храма, в 2008 году по благословению митрополита Ювеналия на месте порушенной старой часовни была заложена новая Преображенская надкладезная часовня. В 2010 году, к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне жителями деревни Медведево рядом с часовней установлен памятник погибшим односельчанам.

В 2009 году на территории Барановской общеобразовательной школы, на том месте, где стоял разрушенный храм Рождества Христова, установлен памятный крест.

В 2011 году в ведение Вознесенской церкви передано несколько пустующих помещений Барановской больницы.

Анастасия Ильичева
село Конобеево, Воскресенского района
Московской области

КОНОБЕЕВО. ВОСПОМИНАНИЯ КАЛАБУШКИНА.

Я родился в селе Конобеево Московской губернии Бронницкого уезда. Через наше село проходила железная дорога Москва-Рязань, а станция Конобеево находилась на семьдесят восьмом километре от Москвы. Село начиналось от самой станции, от переезда через железную дорогу. Широкая главная улица шла от станции в сторону видневшегося вдали леса. По обе стороны ее стояли деревянные избы, крытые то железом, то тесом или дранкой, а то и соломой. Невдалеке от станции находились чайные или трактиры: Мухина, Коблова и Соломоницина. Эти же хозяева держали и мелочные лавки с бакалейными товарами. В конце села в период моего детства стоял пожарный сарай. От него дорога поворачивала вправо, где на возвышенности за прудами стояла старая белая церковь и начальная сельская школа. От пожарного сарая шла также дорога, отклонявшаяся от главной улицы влево, которая затем вновь изгибалась вправо и шла прямо в лес. Вдоль этой дороги расположилась слободка, в которой жили в то время так называемые "мещане", то есть прибывшие из других мест люди, не имевшие крестьянского земельного надела. По этому и слободка эта называлась "Мещанкой". За переездом в сторону лугов тоже стояли два ряда изб, не более десятка, и эта слободка называлась "Потеряевкой".

По правую сторону от главной улицы, если идти от станции, за избами и огородами находились пруды, тянувшиеся вдоль всей улицы. За прудами располагалась другая большая слобода, также относившаяся к селу Конобеево. Но когда-то, еще при крепостном праве, крестьяне жившие "на той стороне" принадлежали другому помещику и при отмене крепостного права они образовали свою крестьянскую общину, отдельно от нашей. Поэтому обработка земли и сенокосы производились этими двумя "обществами" отдельно друг от друга.

Что касается времени моего рождения, то теперь я его хорошо знаю - 1901-й год, а в то время говорили: "он родился в год большого пожара". По рассказам старших, это действительно был большой пожар, и выгорела почти половина села - сгорело более 90 домов.

Мой сосед Калабушкин Петр .Иванович, которому в то время было 4. года, рассказывает, что у него сохранилось в памяти (может быть по рассказам взрослых) как огонь бурно перебрасывался от избы

к избе, перебегая волнами по сухой траве между ними, а горящие головни, подхватываемые горячим током воздуха кверху, переносились по воздуху и падали на крыши соседних домов, а то и через улицу, распространяя пожар все дальше и дальше. Крестьяне, видимо, не столько боролись с огнем, сколько спешили спасти каждый свое добро, выбрасывая одежду и утварь на улицу, перетаскивая их потом за огороды подальше от огня. Шум и треск пожара дополнялся нестройным гомоном растерявшихся мужиков, криками и причитаниями баб, плачем ребятишек. Картина видимо была ужасная. Жаль, что я вышел на пенсию только в 1961 году, а не раньше, пока еще жив был мой отец. Он рассказал бы об этом пожаре подробнее и правдивее, как очевидец, а не с чужих слов, как это приходится делать мне.

Во всяком случае, наши Калабушкины, - а их было три семьи - сгорели все, равно как и их ближайшие соседи - Кургановы, Бакины, Лазаревы, Галкины и другие. Мой отец - Иван Петрович Калабушкин, к тому времени уже работал телеграфистом на железной дороге и с 1-го марта 1901 года только что перевелся в Конобеево из Перова, где он начинал свою железнодорожную службу. Незадолго пред этим в январе 1901 года он женился на моей матери - Агриппине Ивановне Агафоновой, взяв ее в селе Морчуги, в 10-ти км от Конобеева.

Морчуги стоит на правом, высоком берегу Москвы-реки. В хорошую погоду из Конобеева ясно видно белую Морчуговскую церковь, обрывистый берег реки и темнеющие ближайшие строения села, в то время, как все село скрывается за ними на покато́й от нас равнине за рекой.

После пожара моему отцу с семьей отвели комнату в железнодорожной казарме для путевых рабочих при станции Конобеево. Кажется, в этой казарме я и родился в ноябре 1901 года. Об этом времени у меня, конечно, никаких воспоминаний не осталось, довольно скудны и воспоминания по рассказам родных. Но кое-что сохранилось в памяти и об этом я хочу рассказать, как умею.

НЕМНОГО О «ПРЕДКАХ»

Для начала скажу немного о моей родословной. Моим старейшим предком был живший когда-то в Конобееве крепостной крестьянин Тимофей. У него было четыре сына - Петр, Иван, Василий и Борис. Отделившись от отца, или уже после его смерти, они построили свои небогатые домишки, - два рядом в конце села, Иван и Борис, третий - за железной дорогой, на Потеряевке (Андриян?), а четвертый, видимо позднее всех - "на задах", то есть позади Борисова двора. Это был двор Петра Тимофеевича, моего прадедушки. Он отбывал

воинскую повинность, долго был "в солдатах" и только вернувшись оттуда, женился и завел свое хозяйство. Петра Тимофеевича я хорошо помню, так как он жил долго и умер уже после революции, в 1921 году. Моя прабабушка, Пелагея жила тоже долго и умерла 95-ти лет в 1925 году, как-то незаметно после его смерти.

Единственным сыном у моего прадедушки был Петр Петрович, мой дед. У него с его женой Марией Ивановной были сыновья: старший - Иван Петрович, мой отец, средний - Семен Петрович, мой дядя и младший - Яша, который умер еще в детские годы и я его не застал.

У брата моего прадедушки были сыновья - старший, Андриян, затем Алексей, потом Иван Иванович - ровесник моего отца и младший, Василий Иванович, ровесник и друг моего дяди Семена Петровича. Кроме сыновей у него были две дочери - Екатерина и Елизавета. Все они ко времени моего детства жили в Москве, кроме Алексея Ивановича, который вел хозяйство в деревне.

Ивана Тимофеевича в лицо я не запомнил, так как в годы раннего детства жил в семье отца на разных станциях железной дороги по месту его службы и приезжал в Конобеево редко и ненадолго. Но по рассказам отца, он был большим шутником, очень любил детей, хотя часто напускал на себя строгость и пугал их, грозя зарезать. Отец рассказывал, что маленькие дети нашли средство избавляться от его угрозы зарезать - они притворялись спящими и тогда дед Иван их не трогал. "Ну, что ж, я сонного буду резать, сонного нельзя!" - говорил он, отходя от притворившегося шалуна.

У Алексея Ивановича был сын, мой ровесник, тоже Александр. Мы были много наслышаны от старших о строгости Ивана Тимофеевича и очень боялись его. Как-то раз, приехав в Конобеево, - мне было тогда семь лет, мы с ним забрались в огород, где начинали поспевать огурцы. Вдруг мы услышали голос деда Ивана - "А ну, кто это там в огороде огурцы губит!? Вот я их догоню!" Мы быстро выскочили из огорода и бросились бежать без оглядки по задним концам огородов к железной дороге. Только пробежав до пруда у самого железнодорожного полотна, мы осмелились остановиться и оглянуться. Дед Иван за нами не погнался, но мы еще часа три не показывались домой., ожидая пока тот забудет про жуликов. Кроме того, мы надеялись, что он нас не узнал.

О дяде Борисе я даже разговоров не слышал, хотя мой ровесник Александр Алексеевич много позже рассказывал, что он приехал из соседней деревни Щельцино и был ли сыном Тимофея или его племянником еще неизвестно. Зато хорошо помню его сына Ивана Борисова, который жил впереди нас со своей семьей - женой Пелагеей и детьми. У него были сыновья - Петр, Иван, Василий и Федя, который

так и остался Федей до самой пенсии. Сам Иван Борисов, широкий в плечах, черный мужчина, был беднее всех наших. Он занимался крестьянством, жил почти безвыездно в Конобееве. Отличался он суровым характером, буйным нравом и пристрастился к водочке. А как только выпьет, его издали слышно. Идет по дороге, посередине улицы и во все горло распевает свою любимую песню - "Бродяга судьбу проклиная, тащится с сумой на плечах..." Его так и называли "Бродяга". Его жена Пелагея, заслышав знакомый голос, как-то терялась и не знала, куда спрятаться от своего муженька, который не считал за труд "поучить" ее при случае.

ЗАНЯТИЯ ЖИТЕЛЕЙ

Крестьяне нашего села жили небогато. Небольшие душевые наделы земли едва-едва давали возможность собрать скудные урожаи ржи, овса и картофеля, которых не хватало на то, чтобы прокормить среднюю семью до конца года. Благодаря наличию заливных московских лугов с сеном обстояло лучше, поэтому почти в каждой семье была корова и овцы, а для обработки земли была возможность держать и лошадь. Поэтому многие стремились уйти из деревни в Москву, где устраивались на работу на различных предприятиях и особенно часто - на железную дорогу. Остающиеся в селе подрабатывали ткачеством на дому или в поле.

Почти в каждой избе стояли ткацкие станы - по одному, а то и по два, по три сразу. Основу и уток брали в конторе у местного промышленника Емельянова, работавшего от фабрики, находившейся в соседнем селе - Медведеве или Силино. Основу заправляли в стан, уток перематывали на шпульки и приступали к ткачеству. Готовую ткань, преимущественно нанку или тик, скатывали в рулоны длиной по 40 аршин (примерно по 28,5 метра) и сдавали опять в контору Емельянова, получая за работу по 80-90 копеек за срезку (штуку). На моей памяти в нашей избе стояли три стана, на которых работали оба деда и бабушки. Я стремился иногда принять участие в этой работе, но за стан меня не пускали - и ноги с руками были коротки, и силенок маловато, да и соображать надо было.

Примечание 1: Привожу, для интересующихся техникой, описание ручного ткацкого стана, устройство которого было несложным. В задней части стана, наверху в гнездах, устанавливался задний навой (круглый вал, на который заранее навивалась полученная в конторе Емельянова в виде мотков основа). С этого навоя основа спускалась рядами ниток на задний вал, обогнув который эти нитки уже в горизон-

тальном направлении шли через так называемые "релизы" на передний навой (круглый вал, на который навивалась готовая ткань). Между релизами и передним навоем все нити основы проходили через "ботан", подвешенный в верхней части так, что он мог качаться взад и вперед в виде маятника. При этом основа как бы причесывалась "бердами", укрепленными в ботане, а по нижнему желобу ботана бегал челнок с намотанной на шпульку ниткой утка. Внизу, под станом, проходили длинные "подножки" (рычаги), соединенные веревками с релизами. Нажав ногой на ту или иную подножку, заставляли подняться вверх соответствующий релиз, а вместе с ним поднимались и пропущенные через ушки этого релиза нитки. В то же время остальные нитки основы оставались по-прежнему в горизонтальном положении. Таким образом, между поднятыми кверху и горизонтальными нитками основы образовывался просвет ("зев"), в который следовало пропустить поперечную нитку утка. Для этого левой рукой отодвигали ботан от себя в крайнее заднее положение, затем правой рукой резко нажимали вниз ременную (или веревочную) погонялку, она через специальную систему рычагов с силой выталкивала челнок из одного конца ботана и он проскакивал через всю ширину основы в другой конец ботана, протягивая за собой нитку утка. Потом левой рукой ботан надвигали на себя и он плотно прижимал нитку утка к готовой ткани. После этого все операции повторялись снова в той же последовательности. Но при этом нужно было, отпустив ранее нажатую подножку, опустить релиз, а вместо него поднять другой релиз, нажав ногой на другую подножку. Количество релизов и соответствующих подножек зависело от заданного рисунка ткани, вернее, от количества типов продольных полос, которые должны были быть вытканы на готовом изделии. Обычно их было 3-4 подножки и я так и не сумел добиться, чтобы одновременно работать левой или правой ногой, и в то же время левой рукой двигать ботан взад и вперед, а правой рукой толкать челнок справа налево и обратно. Но у взрослых это получалось очень ловко и я часто любовался их работой. Однако, не надо думать, что дети не привлекались к работе взрослых. Конечно, приезжая в деревню на короткое время, я пользовался большими послаблениями со стороны моих дедов и бабушек. Но иногда и меня засаживали за работу - мотать шпульки. Ведь уток получали в виде мотков, а для работы на станах его надо было перемотать на шпульки.

Примечание 2 : Для этого служило небольшое приспособление: деревянный круг (кольцо) диаметром 60-70 см. вращался на, подставках вручную за ручку (изогнутый в виде кривошипа конец железной оси этого круга). На окружности колеса имелась канавка, в которую ложился бесконечный круглый ремень, как у ножной швейной

машинки. С другой стороны, этот ремень надевался на маленькое колесико, укрепленное на отдельной оси. На выступающий конец железной оси надевалась деревянная шпулька, на которую наматывался уток при вращении шпульки. Моток утка надевался на "фигурку" - так назывался двухъярусный круг, свободно вращавшийся на вертикальной оси, укрепленной на обрубке толстого полена. Когда правой рукой вращали большое "колесо", начинала вращаться и шпулька, а на нее наматывалась нитка утка, направляемая с "фигурки" пальцами левой руки. Это считалось легкой работой, но я не любил ее, потому что нитка утка обжигала и резала мне кожу на пальцах. Я пытался обматывать пальцы листами бумаги или тряпочками, но это ненадолго спасало меня, - и листы бумаги и разные тряпочки быстро истирались тонкими нитками утка. Взрослые иногда приспособливали какие-то косточки для направления нитки на шпульку, а чаще обходились без всяких хитростей. Кожа на пальцах у них грубела и так затвердевала, что нитки для нее были уже не страшны. Я сам наблюдал, как мой прадед Петр Тимофеевич мотал шпульки, направляя нитку, зажатую между средним и указательным пальцем левой руки, не опасаясь порезов или ожогов.

Вторым подспорьем у конобеевских крестьян был извоз. В некоторых семьях это занятие приобретало более постоянный характер. Такие извозчики приобретали легковой тарантас и почти ежедневно выезжали к станции, к моменту прибытия пассажирского поезда из Москвы. Особенно много пассажиров приезжало под большие праздники - на Пасху, Троицын день и другие. Навестить деревенскую родню хотелось каждому крестьянину, ушедшему в город на поиски заработка. Оживленно бывало в эти дни у станции. Но в будничные дни пассажиров было очень мало, поэтому и легковые извозчики не стремились к вокзалу.

В связи с этим, мне вспоминается рассказ моей бабушки об одной пассажирке, которую вез в Ванилово кто-то из наших соседей. "Вот" - говорил, он потом бабушке - "подрядился я подвести одну барышню молодую до Ванилово. Одета она так, не сказать, чтобы богато, узелок с ней небольшой. Едем, она все любопытствует. "А это что? А вот это как называется? А что это, дедушка, на красненьких ножках растет с белыми цветочками?" Ну, я ей все объясняю, как полагается. "А это, мол, гречиха растет, вот кашу гречневую кушали наверно?" Ну, едем так, всю дорогу разговариваем. А как приехали, показала она к какому дому подъехать. Смотрю, ее встречают, узнали видеть, и кричат - "А, наша Дунька приехала! Девки, идите Дуньку

встречать!" Тут я даже сплюнул -- оказывается Дунька сама недавно из деревни уехала, а я-то ей все разъясняю, как городской. Ну и разыграла она меня, дурня старого! "

Зато бывали дни, когда для фабрики в Барановское или в Ванилово, на станцию прибывал груз, для перевозки которого требовалось более десятка подвод. Чаще всего это был уголь. Тогда все, у кого имелась лошадь с телегой, быстро собирались и выезжали к станционному пакаузу или к месту разгрузки вагонов. Нагрузивши телеги, крестьяне отправлялись целым обозом. А когда вернутся домой к вечеру, распрягут лошадей и велют ребятишкам отвести их в стадо, сами все, как по уговору, собираются в трактире или в чайной у Мухина, Соломонидина или у Коблова, чтобы отметить удачный день. Здесь мужичкам было настоящее раздолье - к чаю заказывали и колбасу и баранки и ситный (белый хлеб), а главное, можно было на случайные деньги и водочки выпить. За столиками завязывались шумные беседы, друзья делились новостями, планами, рассказывали о своих горестях и обидах. Как хорошо было сидеть в кругу односельчан и друзей, забыть на время о повседневных заботах! Видеть вокруг себя сочувственные лица соседей, выразить свое сочувствие другим! Но вдруг, за окном раздаются женские голоса - "Иван! домой пора!", "Петя! Петра! выйди-ка на минуточку!", "Василий, Вася! Тебя спрашивают!" Какая досада! "Опять бабы! Ох, надоели проклятые!" – возмущаются мужики. В те времена женщины стеснялись заходить в трактир, когда там собирались их мужья. Но они знали, что упустить момент, и муженек там весь случайный заработок пропьет, да еще, чего доброго, и займет, у кого ни будь. А чем отдавать долги? Когда еще подвернется такой случай? Вот и приходили они к трактиру, подходили к окну, вблизи которого находили мужей, узнавая их по голосам, и всеми силами и средствами старались вытащить на улицу, каждая своего, чтобы оторвать его от компании. А уж здесь то вцепится каждая в своего, не отпустит его назад, уведет пьяненького домой. И ласки и брань и тумачи - все пускалось в ход. Так и заканчивался этот удачный день у конобеевских мужичков в дореволюционные годы. Я сам как-то угнал за бабушкой, когда она ходила к чайной за Петром Петровичем, и смотрел на эти сцены с мальчишеским любопытством.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛЕНКОВ. НЕКРОЛОГ.

14 августа 2014 года, не дожив немного до 88 лет, ушел из жизни воскресенский краевед Николай Александрович Ленков. Его можно отнести к числу немногих последних знатоков жизни и быта доколхозной русской деревни. Николай Александрович родился 5 октября 1926 года в деревне Кладьково Усмерской волости Бронницкого уезда Московской губернии (позднее Воскресенского района Московской области). В семье было пятеро детей. Отец и все семеро дядьёв погибли на войне. До призыва в армию в 1943 году Николай Ленков работал возчиком в колхозе, подпаском и трактористом Новлянской МТС. Участник войны с Японией. После демобилизации окончил с отличием вечернюю школу, а затем поступил в МИИВХ – Московский институт инженеров водного хозяйства. По окончании института – мастер, прораб по бурению артезианских скважин, строительству насосных станций и водопроводов в Рязанской области в системе Ряземлиоводстрой. С 1965 по 1986 год – главный инженер Управления коммунального хозяйства города Воскресенска.

Историей интересовался с юных лет (подавал в своё время документы на исторический факультет МГУ, был принят, но забрал документы и стал учиться в МИИВХ), однако более плотно краеведением занялся только с выходом на пенсию.

Начиная с 1970-х годов, Н.А. Ленков публиковал в районной газете краеведческие очерки и заметки об истории и замечательных людях Воскресенского края. Интересовался колодцами и родниками, пытался их защищать, писал о них. В его творчестве уже тогда присутствовал несомненный литературный дар. Трагедией для Николая Александровича, как и для многих его односельчан, стало уничтожение

деревни Кладьково в 1980 г. в результате расширения карьеров по добыче фосфоритов. Затаённую боль по утраченным родным местам он сохранил до конца жизни. В 1980-е годы Ленков пошёл нехоженой тропкой и приступил к изучению топонимии Воскресенского района и окрестностей, объездил многие сёла и деревни, в разговорах со старожилами выявил и записал несколько сотен местных названий рек, озёр, прудов, болот, лесов, полей, лугов, деревенских концов и слободок. Зная, что деревенский люд не любит праздного любопытства, Ленков иногда использовал легенду – выдавал себя за старика-землеустроителя, которого послали переделать плохо выполненную молодыми девчонками работу. В местных газетах одна за другой начали печататься его топонимические заметки, имевшие большой успех у читателей. Значительная часть этих заметок посвящалась кладьковским окрестностям. Постепенно Николай Александрович стал известен в Воскресенском районе как неутомимый собиратель названий местных урочищ и как изобретатель довольно экстравагантной топонимической методики, которая, якобы, позволяет легко и просто объяснить абсолютно любое географическое название. Автор этих строк не разделяет точку зрения Н.А. Ленкова на происхождение Подмосквовых и иных топонимов. Его топонимические версии в большинстве своём не имеют отношения к действительному происхождению топонимов. Очень жаль, что этот достойный человек пошёл неверным путём. Но по собственному опыту я убедился, что исходные сведения Николая Александровича – о наличии и расположении на местности урочищ, об особенностях быта и говора местных жителей, заслуживают доверия. Людей, с которыми он разговаривал, расспрашивал, в большинстве своём, уже нет в живых.

Также, Николай Александрович стал одним из первых исследователей обрусевшего финно-угорского населения Восточного Подмосквья. К этой теме он обратился довольно рано – ещё в 1980-е годы. На примере своей родной деревни Кладьково краевед раскрыл ряд особенностей быта и говора местных жителей, которые неопровержимо свидетельствуют о том, что старожильческое население сёл и деревень Воскресенского района сформировалось с участием древних финно-угорских племен.

Николай Александрович Ленков был умным, честным, думающим человеком. На работе держался независимо, работал добросовестно, но начальству не угождал и большой карьеры не сделал. К религии относился отрицательно, считал себя атеистом. Любил и хорошо знал лес.

Последние годы Николай Александрович много болел. Он умер

дома, в Воскресенске, а похоронен в Ближнем Подмоскowie на Перепечинском кладбище, рядом с могилой супруги Клавдии Андреевны.

Публикации Ленкова рассыпаны в газетах Воскресенского и соседних районов Московской области. Вырезки из этих газет (начиная с 1986 года и более поздних) заботливо собраны М.В. Васильевой и хранятся в Центральной городской библиотеке Воскресенска. Под конец жизни Н.А. Ленков за свой счет выпустил три книги, куда, наряду с предельно спорными топонимическими заметками, вошли вполне добротные очерки и воспоминания о службе в армии, о сослуживце, поборовшем японского чемпиона борьбы сумо, о поездках в степь за хлебом зимой 1941-42 гг. и другие. Неопубликованным остался материал о голодоморе в Кладькове весной 1933 года. Ниже мы предлагаем его читателям альманаха «Мещёра-край».

Добрая память о Николае Александровиче Ленкове сохранится среди его родных и земляков. Пусть земля ему будет пухом!

Андрей Николаевич Фролов

Николай Александрович Ленков

ГОЛОДОМОР

Голод в старину постоянно витал над Россией. В памяти стариков сохраняются голодные бунты под предводительством Ивана Болотникова, Емельяна Пугачёва, Стеньки Разина.

Моё поколение голод подстерёг в 1932-1933 годах, и пришёл он, признаться-сказать, совсем неожиданно: предшествующий год, 1931, был на редкость урожайным.

Особенно уродилась рожь, молотить которую к нам на Хутора к отцу с матерью, где они закончили строить дом, пришли помогать отцовы братья дядя Семён и дядя Леонтий, материн отец, дед Михаил с дочерью тётей Полей и соседи (через дом) – отцов товарищ дядя Филипп Булычев с женой, тётей Васёной.

Гумно расчистить до конца так и не успели, молотили на брезентовой полосе на лужайке перед домом в шесть цепов, по трое с каждой стороны.

Подошла с деревни и бабушка Агаша, которой дед Михаил помог отобрать из снопов двойные и тройные колоски на одном стебле: мол,

сберегу, сказала бабушка, на будущий год на семена; да и первый обмолот бабушка унесла в подоле: мол, посушу и на ручной мельнице смолю. И где-то через день бабушка Агаша угощала молотильщиков пышными «духмяными» лепёшками из новины.

С гречкой, правда, было похуже, хоть и сеял её дед Михаил на трёх «клинышках» в разные сроки. На одном вымокла, на другом на цветку прихватили майско-июньские отморозки, а на третьем так себе, средне.

Зато просо у деда Михаила удалось. Ниву дед разодрал в кустах у Муравлёвской дороги, и прохожие и проезжие дивились на развесистые, тугие тёмнозолотистые кисти, гнущиеся под тяжестью к земле, и завидовали деду Михаилу Макаровичу Баринovu: мол, он «слово знает».

Слово не слово, а бабушка Агаша пучок двойных и тройных колосков ржи пристроила на божницу в красном углу под иконами Николая чудотворца, Михаила архангела и Спиридона-Солнцеворота, фамильного хранителя рода Бариновых.

Но... на будущий год колосковая селекция бабушке Агаше не пригодилась, в деревне Кладьково был организован колхоз «За коллективный труд», лошадь с телегой и со всей сбруей забрали в колхоз, корову, овец с козами, даже кур согнали на колхозное подворье.

Отец, правда, работал в деревенской пуговичной промартели техноруком, что-то вроде главного инженера, но в колхоз объединяли всех поголовно. Артель хоть и подчинялась непосредственно Москве, какому-то обществу «Спартак», и располагалась в доме раскулаченных Тютневых, но по воскресеньям и отец работал в колхозе: косил, пахал, и в районной газете была напечатана фотография колхозных передовиков, где отец с дядей Мишей Епишиным пашут на лошадях, вырабатывая трудодни, чтобы не отрезали усадьбу.

А мать вообще выбрали в звеньевые в полеводческой бригаде, и она целыми днями, сверкая красной косынкой, положенной звеньевым, пропадала в поле.

Но дело в колхозе как-то не заладилось. С госпоставками, правда, за 1932 год колхоз кое-как справился, но на трудодни зерна не выдали: в колхозе остались лишь семенной фонд. Осенью на трудодни по домам развозили лишь картошку да на редкость уродившийся в поле турнепс.

А зимой в колхоз пришла беда, скотину, особенно лошадей, кормить было нечем, с подворий с крыш собирали солому, от нашего

дома увезли даже сенину из сплошного белоуса с мхом, которой на зиму замшались стены двора и дома.

К концу зимы в колхозе начался массовый падёж лошадей. С утра мужиков «наряжали» прежде всего на конюшни – поднимать лошадей.

Отощавшие, с реброобразными влохмаченными боками, понурые лошади, если в стойлах

ложились на ночь, то утром самостоятельно подняться уже не могли, умирали молча, глядя на людей доверчивыми, печальными глазами с темноглубым отливом.

Одним из них по утрам мужики помогали встать и подвешивали их под задние и передние ноги к стропилам на верёвках, а других, навечно уснувших, грузили на сани и отвозили к ямам на Маденово в Глинищи, в надежде закопать их весной, когда оттаёт земля.

И людям есть стало нечего, держались на картошке да на капусте. С наступлением темноты мужики шли с топорами на Маденово в Глинищи, отгоняли от павших лошадей собак и отрубали себе.

Мать, правда, держалась и выгнала меня из дома, когда я принёс ей с Маденова большущий кусок, который мне, «как донести», отрубили большие ребята, и я отнёс этот кусок к соседям Булычевым, где меня не раз уже угощали лошадиной печёнкой, мясом и мне понравилось.

Чуть начал к весне оседать и оттаивать снег, ребята побежали по насту к Озёрке и на Маденово рвать вылезающие из-под снега тукушки, макушки хвощей. Чуть кисловатые, но нежноманящие, и варить не надо – рви и жуй, рви и жуй!

Но больше всех деревню удивила Каморка, столетняя Васёна Маленькая, которая заголившись, залезла в лесное болото у речки Рагозны и начала в общигающе-холодной апрельско-майской воде нашаривать и вытаскивать из-под воды корявые толстые корневища рогоза. Жестковатые и после варки, но вроде бы немного даже сладковатые, жевать можно. А потом пошли в ход щавель, лебеда, крапива.

Не могу сказать, ели ли собак и кошек, но у тех же Булычевых как-то угощали меня ежатиной: мол, сунули свернувшегося ежа в печь, прикрыли заслонку, и только иглы затрещали, но очень жирный.

Кто-то в лесу собирал вороны и галчачьи яйца, кто-то лез в холодную майскую воду с корзинками и бреднями – хоть что-то поймать, и почти все несли из леса бутылки, банки или вёдра с берёзовым соком, а немощных стариков одного за другим понесли на погост, на могилки.

На наших Хуторах из 25-ти домов друг за другом умерли отец троих детей родной брат бабушки Агаши дядя Ваня Меньшов, дядя Ермолай Макаров и Рабин Феклис. «Надорвал жилу» и скоропостижно скончался дядя Филипп Булычев, отец семерых детей, из которых Ганьке было всего три годика, а за Филиппом тронулась умом и умерла его жена тётя Васёна.

Помнится, отец с матерью, собрав кое-какие пожитки, наездом в воскресенье отправились в Москву на барахолку, откуда поздно вечером привезли два мешка (наперевес) рубцов – коровьей требухи, слаще которых, я, кажется, не ел ничего.

Было мне в ту пору неполных 7 лет, в школу меня не взяли, и мать отвела меня в детский садик, открывшийся при артели в доме раскулаченных Тютневых, откуда я и сбежал с первой же прогулки на свои Хутора.

Вообще-то в садике весело – лошадки, качели и всякие там большие мячи, на прогулках можно любоваться бесконечными петушиными боями, которых с курами собрали в обширный двор Тютневых со всей деревни. Но встретили меня в садике как-то неохотно: мол, на ногах цыпки, нужны беленькие или голубенькие носочки до колен, как у девочек: а на ноги сандали.

Похороны в Кладьково. Примерно так же хоронили жертв голода 1932-33 гг.

Какие там ещё сандали – на Хуторах все дети всё лето бегают босиком! А главное, в садике мне дали обидное прозвище – Глазан. И я с первой же прогулки кустами, кустами ... и убежал из садика на свои Хутора.

Но дом оказался запертым и с крыльца и со двора. И окна на запорах. И я решил проникнуть в дом через... ссыпное отверстие в подпол, в которое лазит кошка. И застрял. Голова и одна рука как-то пролезли, а другая рука и рубашка застряли. Главное, и наружу голову не просунуть, хоть плачь. Но дом пустой, и соседей не слышать, все в колхозе на работе.

Так и провисел я в ссыпном окошке (голова в подполе, а ноги на улице), пока не вернулись с работы отец и мать.

Слышу, подошли и соседи: дядя Семён, отцов брат, дядя Степан Железкин, живущий рядом с нами. Начали судить да рядить, как вызволять меня.

Кто-то предложил разбирать избу, начиная с крыши, кто-то – приподнять дом с помощью рычага из крепкого бревна, а дядя Степан, сосед, теперь колохозный конюх, сказал:

– Мужики, а чего тут мучиться – проще всего со стороны подпола отрубить дурную голову, а остальное вытащить наружу.

Я вздрогнул, съёжился и зажмурился. А отец пошёл в сарай «за инструментом». Принёс, нет, не топор, а стамеску и молоток и со словами: «Потерпи немножко, не шевелись», начал потихоньку стучать молотком. Чувствую, оторвал клоч рубашки, зашевелилась и рука. А там и голова вылезла наружу.

На другой день мне велели не бегать по улице, а сразу идти на деревню к бабушке Агаше, чей дом рядом с правлением и колхозной конюшней в доме раскулаченных Якуниных.

Народу у правления – полдеревни, здесь своё «кино»: лошадь другого моего деда, по отцу, Ленкова Ивана Ивановича, который всё не вступал и не вступал в колхоз, а теперь вот вступил, ласковая и безотказная в работе красавица Катька, в колхозе работать отказывалась.

Встала на лужайке перед открытыми окнами правления, упёрлась всеми четырьмя мохнатыми копытами в землю, отвела бесстыдно в сторону хвост – и не с места!

Из открытых окон правления на всю улицу несётся разговор по телефону председателя колхоза с районным начальством: «Катька поднялась.... да нет, кобыла, скорее присылайте жеребца.... Да нет, свои не годятся, жидковаты, нужен породистый».

Да и то сказать: краше Катьки во всей округе лошади не было. Невиданная для наших мест арабка золотистожёлтой, червонной масти, с чёрной гривой, хвостом и чёрным же ремнём по верху крупа и с чёрными мохнатыми бабками. Катька выделялась из всех от всех

крестьянских лошадей не только мастью и статью, но и работоспособностью, в пахоте её вообще не нужно было ни понукать, не погонять – Катька ровно шла вдоль борозды, с лёгкостью волоча плуг. Сказывали, дед Иван купил её на конной ярмарке в Зарайске у цыган хромую и больную за бесценю и вылечил, потомственный землепашец, дед Иван понимал толк в лошадях.

И вот Катька «поднялась», и от неё хотели получить потомство.

И в доме у бабушки Агаши неожиданная радость: наседка вывела цыплят, и они, вылезая из-под крыла наседки, сидящей под лавкой, бойко бегали по свежeweмытому полу, гоняясь за солнечными зайчиками.

Бабушка улыбается:

– Когда кур забирали в колхоз, – говорит она, – наседка тихо сидела на яйцах в загадке между дворами, а теперь вот вывела всех пятнадцать, ни одного болтуна. Да вот только кормить цыплят нечем, ишь, пищат голодные. Я с утра хотела было отправить Ванятку в Серковский лес за муравьиными яйцами, но дед Михаил не велел, мол, лесных муравьёв обижать грех.

Ванятка с большими ребятами ушёл в лес, может принесёт вороньих или галчиных яиц.... они и корзину взяли, может, в лесных омухах наловят пескарей или вьюнов. А лучше всего сейчас цыпленкам-то ржанных бы зёрен молочно-восковой спелости, рожь теперь аккуратно наливается, ночью зарницы страсть как поыхали. Да теперь где сейчас возьмёшь её рожь-то, она вся теперь в колхозе, а там её, говорят, стерегут объездчики на лошадях, злые, как черти, – и со словами: «Господи, прости мою душу грешную», что, мол, упомянула чёрта, она сокрушённо махнула рукой и перекрестилась, оглянувшись на красный угол с горящей перед иконой лампадкой. – А тебе, – добавила она, – накось жмых пососи: с дедом вчерась на фабрике в Хорлове жмыхом рассчитались вместо денег, целую сумку жмыха приволок. Только его, жмых-то, не больно угрызёшь, его только топором рубить надо, – и она сунула мне целую лепёшку твёрдого, как камень, жмыха.

И я загорелся на бабушкину щедрость. Положив пока жмых на стол, я заявил:

– Бабушка, я принесу сейчас тебе колосков, целый карман, да только вот карманов у меня нет, – опомнился я, смущённо проведя руками по самодельным штанишкам, сшитых на скорую руку без карманов то ли матерью, то ли её сёстрами.

– Карман мы сейчас пришьём, – и через несколько минут накладной карман к моим штанам был пришит «на живую нитку»,

через край. Получилось как у девочек на фартучках в детском садике. Зато карман получился большой. Бабушка наставляла:

– По Большой дороге на Хорлово не ходи, там народу много ходит, увидят; да там и объездчики на лошадях караулят. Иди по деревне на верхний конец, а там спустишься к могилкам. А из Серковского леса и к ржи выйдешь, она сразу за могилками.

Колосков, как и задумывалось, я нарвал довольно быстро и пополз по траве обратно, но не выдержал: вскочил и побежал к лесу. Тут-то меня объездчик заметил и на лошади быстро догнал, с ходу огрев пастушеским кнутом с оттяжкой по спине и по голове, потом ещё и ещё, и на спине сразу вскочили рубцы. А объездчик, Гуляев Василий, вообще-то сосед деда Ивана и хорошо знавший меня, кричит:

– Чёрт не нашего бога, выходи на Хорловскую дорогу! – и погнал меня, махая кнутом и наезжая лошадью, на расправу к правлению колхоза.

При выходе из Рощи нас обогнал летевшая прытью таратайка на двух больших колёсах с рысаком в оглоблях. Выбрасывая вперёд породистые, сухие ноги, это к Катьке спешил жених из района.

Выскочив из Рощи и ещё не видя Катьки за бугром и за поворотом, жеребец, вскинув точёную, сухую голову, пронзительно заржал. Катька из деревни отозвалась каким-то тихим ржанием.

Закусившего удила жеребца наезднику на таратайке сдержать не удалось. Взмахнув передними ногами, жеребец с ходу прямо в оглоблях вскинулся на стоящую смирно Катьку. Поднялся бабий визг, из которого выделялся звонкий голос тёти Дуни Пташкиной-Ленковой, отцовой сестры, Евдокии Ивановны, дочери деда Ленкова Ивана Ивановича, которой не раз приходилось кормить и поить Катьку на родном подворье.

Да и то сказать, землепашцы Ленковы во всех деревенских затеях всегда были первыми. Вот и теперь голос тёти Дуни звонче всех:

– Дураки! раззявы!... хвост забинтуйте, он же всё порежет и ей, и себе! – кричит она конюхам, державшим под уздцы Катьку с двух сторон и отбежавшим в сторону при наезде жеребца.

Один из конюхов бросился было в соседний Тютнев дом – разжиться бинтом в детском садике, но тётя Дуня, сорвав с головы косынку, кричит:

– Нате, бинтуйте, раззявы!

Тётя Дуня у нас такая, если и кричит, то всегда по делу – сказывалась привычка к порядку: в большой семье деда Ивана и бабы Груши (пять сыновей и четыре дочери) детей сызмальства приучали к

труду и к порядку в хозяйстве. Вот тётя Дуня и не выдержала халатности колхозных конюхов по отношению к любимице Ленковых – лошади Катьки, которую дед Иван «держал в теле» и на «свадьбу» которой с женихом из района сбежалась поглазеть, кажется, вся деревня, смешиваясь у правления колхоза с похоронной процессией, шествующей посреди улицы: умер Мачок. Вроде бы и не очень старый, но с седой бородой. Баяли, то ли сморчками отравился, то ли наглотался гашёной извести, которой деревенские мужики лечились от изжоги. На наших Хуторах у дяди Парамона Артамонова этой извёстки во дворе стояло полбочки, осталось от побелки. Отец тоже не раз ходил к дяде Парамону за той извёсткой, вроде бы помогало. А вот Мачка понесли на могилки, видать, пожадничал, много извёстки проглотил.

Голосят родственники Мачка и отпевальщики: то ли плачут, то ли поют зауспокойные молитвы. А тут вот ещё объездчик верхом с распущенным кнутом, подогнав меня к правлению, орёт на всю деревню: «Колоски!... Карман колосков!... В Сибирь, твою мать!»

А вот уж и из-за забора детского садика раздаются радостные ребячьи голоса: «Поймали!.. Глазана поймали!»

Увидев меня и разъярённого объездчика с кнутом, тётя Дуня крикнула в его сторону:

– Заткнись, беспортошник! Забыл в чьих портках под венец ходил? Чего к мальцу пристал? Колька, беги домой, – и я со всех ног припустился в соседний с правлением дом к бабушке Агаше.

Впрочем, никому тут не было дела ни до меня, ни до покойника, ни до каких-то колосков: мужики и бабы, ухватившись за оглобли и за большущие колёса таратайки, дружно, всем колхозом под команду «Раз, два – взяли!» вездесущего «партейца» Жёлтикова Афанасия в неизменных красных портках стягивали с Катьки жеребца, «женихалке» которого явно мешали оглобли, а конюх дядя Степан торопливо бинтовал Катьке хвост тёти Дуниной косынкой.

А в избе у бабушки Агаши свои печали: Ванятка из лесу ещё не вернулся, голодные цыплята пищали пуще прежнего.

Посмотрев на мой пустой карман (колоски я незаметно выбросил дорогой) и на вздувшиеся синие рубцы вдоль всей моей спины, бабушка Агаша молча заплакала. И было непонятно: то ли ей было жалко мою спину, то ли цыплят, оставшихся без ржанных зёрен молочно-восковой спелости.

ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВА

**Дело из Центра Хранения Документов до 1917 года
о заторном поведении священника единовѣрческой церкви
Петра Митрополита из гуслицкой деревни Авсюнино,
из фонда Московской Духовной Консистории**

(Фонд 302. Опись 622. Дело 4.)

События происходили в годы Первой Мировой войны. Дело насчитывает порядка двух с половиной десятков документов, из которых мы приводим два. Сразу скажем чем дело закончилось: сработала забота о «чести мундира» и отца Георгия Ключева вышестоящие церковные структуры, говоря современным языком, просто «отмазали», найдя аргументы в защиту коллеги, на которого «клеветают» недоброжелатели-старообрядцы.

*Современный вид единовѣрческого храма Петра Митрополита
в деревне Авсюнино, где служил священник Ключев.
Фото Олега Шурова. Сайт "Храмы России" (temples.ru)*

ЛИКИНО 7-го Августа 1916

о. Благочинный
его - Високопреосвященству
Митрополиту Московскому и Коломенскому и Свято-Троицкой Лавры и разных орденов Кавалеру
МАКАРИУ.

13 АВГ. 1916

ПРОШЕНИЕ

Ваше-Високопреосвященство я как ревнитель против раскольниковъ и часто мнѣ приходится съ ними вести бесѣду, защищая нашу дѣйствительно православную церковь и въ большинствѣ старообрядцы мной бывають побѣждены. Дѣло мое подрываетъ одинъ, живя среди старообрядцевъ Единовѣрческій священникъ села "Авсюнино" о.Георгій Клѣвѣвъ, который раньше былъ защитникомъ Христовой Церкви, а теперь въ немъ произошелъ большой переворотъ до неузнаваемости, не говоря уже о семейномъ его разстройствѣ и поступки которые не священнику, а простому мирянину, подобныя пакостныя дѣла творить отвратительно напимѣрь:

При Храмѣ у него въ притворѣ сдѣлана столярная мастерская и вотъ что тутъ продѣлываетъ онъ подъ видомъ ящичковъ для посылокъ въ армию и для портретовъ рамочки. Уговорилъ солдатокъ его навѣщать, гдѣ и позволяеть съ ними прелюбодѣнія. Населеніе стало страшно волноватся, тогда эту картину переносить изъ села на станцію того же названія "Авсюнино" при которой имѣется большая роща, гуляя повечерамъ подъ ручку съ солдатками, что попятно поведеніе его не можетъ быть терпимо. О всемъ вышеизложенномъ, какъ и о другихъ не благовидныхъ поступкахъ я доносилъ Благочинному о.Алексею Глаголевскому, даже ѣздилъ лично къ нему, но къ сожалѣнію онъ меня не принималъ, яко-бы по болѣзни. Какъ слышно Благочинный вынуждалъ его. О Георгій сдѣлалъ о Благочинному бесплатно 2 большихъ шкафа для книгъ и дѣлу конецъ и опять пошло по старому дѣлаеть солдаткамъ ящики и рамки.....Что это Ваше-Високопреосвященство не ложный доносъ, то приослѣдствіи хотя бы тому же о А.Глаголевскому могутъ подтвердить слѣдующія лица: Марія Кирилова, Татьяна Тарасова, Федосья Афанасова,

16 Марія №1004 1916
Майя Говице отъ Благочиннаго о. Макария

2 снт. 1916 Консультация на имя Святейшего
 епископа Смоленского и Галицкого
 Димитрия 2-го Октября 1916г.

Его Высокопреосвященству
 Митрополиту Московскому и Коломенскому и Свято-Троице
 Сергиевской лавры

Правому. 12 ОКТ 1916

М. Макарий

6 снт. 1916

РОСЛОВ ПЕРВООБРАЗОВАТЕЛЬ
 МАКАРИЙ
 СТ. 100К/1916

ЭКСПЕДИЦИЯ

П Р О Ш Е Н И Е.

ВАШЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОСТВО обращаясь къ Вамъ съ покор-
 нѣйшей просьбой, о слѣдующемъ: проживающій въ деревнѣ
 "А в с ю н и ѣ" священникъ О. Георгій К л е в ѣ н а
 котораго Вамъ неоднократно были Вашему Высокопреосвященству
 на его неблагопріемный поступокъ по храму т.е. о его прело-
 бедѣніяхъ въ откритомъ имъ въ притворѣ храма стеллярной
 мастерской, чего гдѣ не подобаетъ бы такіа дѣла дѣлать, а
 потому покрѣпите Васъ просимъ Ваше Высокопреосвященство
 воздѣйствовать на О. Георгія, что-бы онъ кончилъ солдатекъ,
 почему бы ихъ т.е. упомянутыхъ въ предыдущихъ къ Вамъ
 прешеніи не депрестить, о прелюбодѣніи съ ними, въ устроен-
 ной при храмѣ стеллярной мастерской, вѣдь это безобразіе не
 достойно не только священнослужителя, но самому грѣшному
 мірянину; тѣмъ болѣе это происходитъ среди раскольниковъ,
 а вѣдь онъ же притомъ какъ миссіонеръ долженъ служить при-
 мѣрѣмъ котораго намъ православнымъ ставятъ ядеито въ гла-
 за даже лучше сказать онъ насъ отлучилъ отъ посѣщенія храма

Еще разъ покорнѣйшая просьба нашу просьбу не оставитъ
 безъ вниманія и пребываетъ къ Вамъ съ низкимъ поклоненіемъ

"В....."

42.43.1009.3169
 1916

Резолюция от 12 Октября 1916 года
 Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
 Тихона (Борисова)

Надежда Тарасова и Уліана Кокорева. Солдатки эти заслуживаютъ полного довѣрія, какъ нравственныя и религіозныя, которыя въ страшномъ возмущеніи разносятъ по селу всѣ скандальныя проѣлки, чѣмъ понятно, подрываютъ престижъ Православной Церкви. Видя что о Георгій Клевѣвъ самъ запутался и избѣжать справедливаго суда подалъ добровольцемъ на войну, но я думаю такіе священнослужители не могутъ терпимы и тамъ

Въше-Високопреосвященство покорнѣйшая просьба моя и воѣхъ нравственныхъ и религіозныхъ людей искорѣнить эти прелюбодѣнія и гнѣздо о Георгія нарушить, какъ столарную при Храмѣ закрыть, пусть продолжатъ, но не въ Храмѣ Божьемъ. До глубины души потрясенный скромни наблюдатель Синь Церкви Врвѣ

Служащій на фабриктъ Смирнова.

МЕЩЁРСКИЙ ЮРТ

Гамэр Баутдинов

Член «Землячества нижегородских татар» в Москве

ПЕРВЫЙ МУЛЛА

Фото из архивного дела

Этот рассказ начнём с благодарности известному исследователю Мещёрского края С.С. Михайлову, который передал Орехово-Зуевской исламской общине копии ряда документов дела, хранящегося в Центральном Историческом Архиве Москвы, в фонде Московского Губернского Правления.¹ Они касаются истории мусульман, проживавшихся в начале прошлого века в Павловском Посаде, Богородске (ныне Ногинск) и Орехово-Зуеве.

Приток мусульман, в основном татар, в Московский регион усилился после Крестьянской реформы 1861 году. Хотя татары не

¹ ЦИАМ. Ф.54. Оп.82. Д.418. В настоящее время этот архив носит другое название – Центр Хранения Документов (ЦХД) до 1917 года.

являлись крепостными, а были государственными или удельными крестьянами, но они тоже воспользовались возможностью уходить из деревни на отхожие промыслы, и некоторые из них так и остались на новых местах. К примеру, в 1900 году мусульман в Москве было 7285 человек, а в Московской губернии – 8731. Они проживали в разных уездах губернии, в её городах и сёлах, где занимались разнообразными работами. В Павловском Посаде в тот год их было 67 человек, а затем это число возросло почти до двухсот. В Богородске мусульман было гораздо меньше: 28 в 1900 году и около 50 позже. Что касается присутствия мусульман в сёлах Орехово и Зуево, объединённых в один город летом 1917 года, то в «Орехово-Зуевском календаре...» фигурирует постоянная величина – «257 магометан». Но при этом следует иметь в виду, что большинство из них проживало в той части будущего города, которая относилась к Владимирской области. Татары-мусульмане работали в основном у Морозовых-Тимофеевичей, и они занимались подвозом топлива с торфяных разработок на морозовские предприятия. Кроме того, часть их работала на фарфоровом производстве у Кузнецовых в Дулёве.

Как бы то ни было, можно говорить примерно о пятистах мусульманах, проживавших то время в районе Павловского Посада – Богородска – Орехово-Зуева. Ясно, что им нужен был духовный наставник, и они обратились к властям. В прошении от 17 октября 1916 года, адресованном «Господину Московскому губернатору», выражена просьба разрешить выборы муллы «для совершения обрядов по нашей религии» и указана конкретная кандидатура – «живущий в Павловском Посаде по Сергиевой улице» и «имеющий свой дом» Махмуд Бадретдинов (сын) Шарафетдинов. Через месяц, 11 ноября, последовало уточнение: «Мы, нижеподписавшиеся мусульмане, проживающие в Павловском Посаде, в городе Богородске и Орехово-Зуеве дали настоящую подписку в том, что все единогласно постановили избрать в муллы кр(естьянинна) Нижегородской губернии, Сергачского уезда, Уразовской волости деревни Уразова Махмута Бетердинова Шарафетдинова 30 лет, в чём и расписуемся». Под документом стоят подписи более двухсот мусульман-татар, главным образом в арабской графике, и лишь примерно 30 подписей значатся в кириллице. Это лишний раз подтверждает то, что абсолютное большинство из их числа были приезжими из татарских сёл и деревень, в данном случае из мишарских, и они ещё плохо владели русским языком.

Далее, 22 ноября 1916 года, в адрес Московского губернатора, обязанности которого исполнял тогда генерал И.И. Мрозовский, поступило прошение самого Шарафетдинова с приложением просьбы мусульман Павловского Посада, Богородска и Орехово-Зуева избрать его в муллы. Он также отмечает, что собрание мусульман по вопросу об этом избрании было проведено с разрешения Московского Губернского Правления, полученного 31 октября. В приложении к обра-

щению сделана приписка от 16 декабря о том, что «проситель последние пять лет безвыездно проживал в Павловском Посаде, где и проживает и в настоящее время».

То был конец года, и к делу вернулись уже в Новом году. Учители, видимо, серьёзность просьбы, власти подключили к нему руководство московских мусульман. Тогда в Москве было две Соборные мечети: главная, Историческая, в Замоскворечье и т.н. 2-я мечеть, построенная в 1904 году в Выползовом переулке (ныне это главная мечеть столицы). Вести дело поручили молодому ахуну этой мечети Абдулвадуду Фаттахетдинову (1882-1954)². И здесь автор позволит себе небольшое отступление. Дело в том, что Абдулвадуд-хазрат, уроженец нижегородского села Красный Остров, приходился нам сродственником. Его старший брат Абдулкаюм Ахтямов был женат на Сафии-абыстай, сестре моего деда Идриса Бахауддинова. Вадуд-хазрат получил прекрасное религиозное образование, окончив знаменитое казанское медресе «Мухаммадия», которым руководил выдающийся богослов Галимджан Баруди.

В рассматриваемое время Абдулвадуд-хазрат только начинал свою духовную карьеру, став имамом 2-й Московской мечети летом 1914 года. С началом Первой мировой войны он возглавил сбор средств в фонд помощи раненым воинам и их семьям, его усердие было замечено, и он получил почётное звание ахуна. Именно ему поручили разобраться с делом мусульман, и он поехал в Павловский Посад. Здесь 6 февраля 1917 года Абдулвадуд Фаттахетдинов провёл собрание, на котором присутствовало 20 человек. Надо полагать, что это был актив мусульманской общины, а список его участников даёт нам ясное представление о том, откуда они приехали. 17 из них оказались уроженцами нижегородской деревни Большой Рыбушкин и по одному – из соседних деревень: Малый Рыбушкин, Красный Остров и Новый Мочалей. Разумеется, на собрании присутствовал и будущий мулла Шарафетдинов, чья подпись стоит под вышеназванным списком. Всё это подтверждается печатью и припиской: «Подлинно верно: Ахун 2-й Мечети города Москвы А.Фаттахутдинов».

Сам Фаттахетдинов по возвращении в Москву составил «Рапорт», адресовав его «В Московское Губернское Правление». Он написан хорошим почерком на бланке с начальным оттиском такого содержания: «М.В.Д. Магометанский ахун и мударрис Московской 2-й Соборной мечети». Краткое сообщение ахуна Фаттахетдинова начинается так: «Возвращая при сем дело Махмуда Бадрутдиновича Шарафутдинова для исполнения, посланное мне 19 декабря 1916 года за № 3812 для представления моего заключения, имею честь сообщить: Я

² Баутдинов Г.А. Из Мишарской глубинки: Нежметдиновы и Ахтямовы-Фаттахетдиновы //Мещёра-край: Альманах по истории и культуре Мещёрского края. М., 2013. Вып. 3. С. 138-143.

был в Павловском Посаде 5 февраля с.г. Объявил Махмуду Шарафутдинову, чтобы он сказал своим прихожанам явиться 6 февраля с.г. в 10 часов утра в молебный дом...». То есть последнее указывает на то, что в Павловском Посаде тогда уже существовало помещение, где совершали молитвы мусульмане, и, возможно, это происходило в доме, где жил сам Шарафетдинов.

Не приходится сомневаться, что Фаттахетдинов поддержал просьбу мусульман, ибо 23 мая 1917 года появляется документ Московского Губернского Правления об утверждении муллой Махмуда Шарафетдинова. Возможно, это был первый случай, когда появился официальный мулла в Подмоскowie или, по крайней мере, в Восточном Подмоскowie. Интересны для нас некоторые детали двухстраничного документа об утверждении его муллой. После констатации, что «11-го ноября 1916 г. магометанами Павловского Посада, г. Богородска и с. Орехово-Зуево были произведены выборы на должность муллы Павловского Посада, причём единогласно избранным оказался крестьянин... Махмут Бадретдинов Шарафетдинов», в документе говорится, что он «просил об утверждении его в означенной должности. Из имеющихся в деле свидетельств Оренбургского Магометанского Духовного Собрания за № 8271 и Алатырского Высшего Начального Училища за № 523 видно: 1) что названный выше Шарафетдинов был подвергнут испытанию в знании правил магометанской религии и оказался способным быть имамом и мугаллимом и 2) что он успешно выдержал испытание в знании русского языка, установленное для кандидатов на должность сельского муллы». И делается вывод: «Махмута Бадретдиновича Шарафетдинова утвердить в должности муллы Павловского Посада, в чем, по приведении его к присяге на верность службы, выдать ему установленное свидетельство». В деле Шарафетдинова есть и свидетельство Алатырского училища от 17 ноября 1915 года, но ещё более важно то, что к этому свидетельству приклеена его фотография (в традиционной татарской шапочке) – единственно известная на сегодняшний день.

На полях документа об утверждении муллой сделана приписка, что 6/7 июня такое удостоверение за № 502 было выдано Шарафетдинову, и там же приведена его расписка о получении этого документа. Отметим в связи с вышесказанным, что 30-летний Шарафетдинов ранее, 5 декабря 1916 года, прошёл непростой экзамен в Уфе, о чём говорит «Свидетельство», подписанное муфтием ОМДС Мухаммад-Сафа Баязитовым (сыном богослова Гатауллы Баязитова) и тремя членами-ахунами ОМДС.

Нам пока неизвестно, где мулла Шарафетдинов мог получить необходимые знания по исламу: у себя в Уразовке или в соседних сёлах, где проживали высокообразованные наставники и имелись медресе. Вряд ли он учился в одном из известном медресе соседних районов – Симбирске, Буинске, Кашкаре, ибо это было бы указано в

документе. Но совершенно ясно, что основы русского языка он изучал в Алатырском «Высшем Начальном училище».

Наконец, в деле Шарафетдинова есть ещё один документ – «Протокол» о принятии им 7 июня 1917 года «присяги на должность приходского муллы». Для нас важна и последняя строка этого документа: «К присяге приводил: имам А.Шамсутдинов». Он являлся тогда имам-хатыбом Исторической мечети, был наиболее авторитетным имамом в Москве и принимал непосредственное участие во всех делах, касающихся мусульман Московского региона. К «Протоколу» приложен текст «Новой формы присяги», составленный по-русски и по-арабски. «Новая форма» объясняется тем, что тогда у власти находилось Временное правительство, и в тексте присяги уже не было упоминаний о «Его Императорском Величии» и других верноподданных выражений. Теперь в клятве выражались верность и преданность Российскому государству и повиновение Временному правительству «впредь до установления образа правления волею народа при посредстве Учредительного собрания». Присяга заканчивалась такими словами: «Закключаю сию мою клятву целованием преславного Корана. Амин», и далее следовали подписи самого Шарафетдинова, имама Шамсутдинова и нескольких чиновников Московского Губернского Правления. Следует отметить, что это была новая форма утверждения мулл, которых уже не перестали называть «указными».

Далее события приняли иной оборот, и новый «образ правления» был установлен уже без участия Учредительного собрания. В вихре последующих событий затерялась нить последующей жизни следы Шарафетдинова, хотя приходилось слышать, что кто-то видел поминальный камень над его могилой на Павлово-Посадском кладбище. Но недавно удалось восстановить, пожалуй, ещё одну, трагическую цепочку в его судьбе. В Книге памяти жертв террора написано:

Шарафутдинов Махмут Бедретдинович: 1887 года рождения
Место рождения: Горьковская обл., Красно-Октябрьский, Уразовка;
Без определённых занятий;
Место проживания: Московская обл., Ленинский, Ленино, Прудовая, 1³.

Думается, нет сомнений в том, что в этом случае речь идёт о мулле Шарафетдинове. Это подтверждают его ФИО, год и место рождения. Уточним также, что «Красно-Октябрьский» и «Ленинский» - это название соответствующих районов. И нам остаётся только гадать,

³ Сайт: Справочник. Книга Памяти. Шарафутдинов Махмут Бедретдинович.

почему мулла Шарафетдинов покинул Павловский Посад и оказался в посёлке Ленино, как стало называться бывшее село Царицыно⁴. О том, что это именно то Ленино, подтверждает конкретный адрес – улица Прудовая, на которой Шарафетдинов жил или был арестован (кстати, этого дома сейчас уже нет). В 1965 году посёлок Ленино был присоединён к Москве, а Прудовая улица была переименована в Прохладную, ибо в столице уже существовала своя Прудовая. Но мы пока не знаем, что произошло тогда с самим Шарафетдиновым. Возможно, он был вынужден сложить с себя звание имама (ведь выше он указан как человек «без определённых занятий») и покинул Павловский Посад после того, как начались репрессии против мусульманского духовенства, в частности, на его малой родине, на Нижегородчине. В Уразовке, например, в 1933 году был осуждён на три года мухтасиб Абдулкаюм (Абдулла) Серажетдинов⁵, которого повторно арестовали в 1937 году. И мы не знаем, что случилось после ареста с Махмудом Шарафетдиновым: был ли он репрессирован сразу или же отправлен в место заключения.

Между тем, постепенно центр мусульманской жизни в восточном Подмоскovie переместился в Орехово-Зуево, и теперь уже ореховские имамы окормляют мусульман Павловского Посада и района. Поддержанию света ислама в татарской общины Орехово-Зуева во многом способствовало то, что после войны здесь поселились несколько ранее осуждённых и ссыльных мулл. А на рубеже 40 – 50-х к нам в гости в Орехово-Зуево приезжал из Ташкента Абдуладуд Фаттахетдинов, принимавший участие в решении дела «муллы Шарафетдинова». Вадуд-хазрат, будучи имам-хатыбом 2-й Московской Соборной мечети, в 1928 году был арестован, сослан на Соловки, а после освобождения в середине 30-х годов он выехал в Узбекистан, где вместе с семьёй жил последние годы. Более трагичной оказалась судьба другого имама, причастного к «делу Шарафетдинова», - имам-хатыба Исторической мечети Абдуллы Шамсутдинова. В 1936 году он был арестован и в начале следующего года расстрелян в Донском монастыре⁶. Так сплелись судьбы разных имамов, каждый из которых оставил свой след в истории мусульманских общин Москвы и Подмоскovie.

⁴ См. о переименованиях в: Улицы Москвы. Топонимический словарь-справочник. М., 2003. С. 241.

⁵ Хафизов М.З. Трагедия в татарской деревне. Исторический очерк. (Приложение № 21. Архивная справка). Н. Новгород, 1999. С. 150.

⁶ Ислам в Москве: Энциклопедический словарь. Н. Новгород, 2008. С. 297.

ЕЩЕ РАЗ ПРО «АНДРЕЕВ ГОРОДОК»

В данной статье мы хотим поделиться с заинтересованными читателями нашей неожиданной находкой, изучая архивные документы по истории Мещеры нам удалось установить где же находился «Андреев городок», который упоминается в различных исторических документах начала XVI века в связи с беспокойной военной обстановкой на юго-восточных рубежах Московского государства. Мы коротко опишем самые распространенные исторические версии, приведем выдержки из исторических документов, где упоминается «Андреев городок» и представим вам наше аргументированное мнение.

Уже очень давно исследователи истории выдвигают самые различные гипотезы о месте нахождения «Андреева городка» в Мещере. По одной из версий, наиболее авторитетным автором которой является известный советский историк П. Н. Черменский, «Андреев городок» находился «возле или на месте сегодняшней Елатьмы», которую он как бы временно закрыл своим именем¹.

По второй версии «Андреев городок» располагался вблизи Кадома на Преображенском кургане, ее в свое время выразил М.И. Смирнов.²

Третья версия возможного места нахождения Андреева городка отсылает нас к местечку, называемому ныне «Старый Посад», которое расположено примерно в трех километрах от центра города Касимова.³

Наиболее близок к разгадке был Исхаков Д.М., который предположил, что укрепленный «Андреев городок» должен был находиться на рубежах Мещеры, или на традиционном пути нападения кочевников.⁴

Теперь хотелось бы обратиться к фактам, то есть непосредственно к обнаруженным историческим источникам, где упоминается «Андреев городок». Если начать перечисление в хронологическом порядке, то первое упоминание появляется в 1508 году, когда к великому князю Василию III, унаследовавшему престол после смерти Ивана III, приезжал сын царевича ногайского Ак-Курта Ак-Девлет с просьбой, чтобы государь пожаловал его отца городом. «И сентября, велел князь великий Ах-Куртову царевичеву сыну Ак-Девлетю быти на

¹ См. П. Н. Черменский. Из истории феодализма на Мещере и в Мордве. Стр. 3. Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964.

² См. Смирнов М.И. «О князьях Мещерских XIII-XV вв.» Рязань 1904 г. стр.12

³ См. Игнатьев А.С. «Князья Мещерские»

⁴ См. Исхаков Д.М. «От средневековых татар к татарам нового времени» с. 184

дворе, а велел ему говорити Дмитрею Володимирову, да Федору Карпову, да Болдырю, а тут был Шидяк мурзин человек Кудаяр. И Дмитрий ему говорил: Государь наш велел тебе говорити: прислал к нам тебя отец твой Ах-Курт царевич, да и грамоту свою к нам прислал; а писал к нам в своей грамоте, что хочет князь итти в нашу землю; и нам бы ему дати из двух мест одно место, Казань или городок Мещерской. - Государь наш велел тебе говорити: ино казанский царь Махмет-Аминь ныне нам друг и брат, а в городке Мещерском Янай царевич, и те места оба непорожни, и нам тех мест обеих непригоже ему дати. И Кудаяр говорил: коли хочет пожаловать Ах-Курта, чтобы у него был, и он бы дал Ах-Курту царевичу Андреев городок каменной. И они ему отвечали: Андреев городок к городку ж за Янаем царевичем: того государю нашему непригоже ж дати. И как пришел к великому князю, и князь великий ему те ж речи говорил. Да молвил ему: велел есми тебе дати платно теплое, а людей есми твоих велел пожаловати. Да того дни его и отпустил. А грамоты князь великий к Ах-Курту царевичу не послал»⁵. Из этого сообщения можно уверенно сделать вывод о том, что «Андреев городок» был каменным и во-вторых административно входил в Касимовское ханство.

Затем следующее сообщение датированное уже апрелем 1514 года, когда из Турции возвращался посол Михаил Иванович Алексеев вместе с направлявшимся на Русь (посольством от турецкого султана Селима I) греком Камалом Феодоритом, и с дороги, с острова Осман («Усман у черной воды») посол отправил письмо великому князю Василию Ивановичу: «... провожали, государь, азовские татарове Камал-бега посла хенкерев да Дерт-Кульях Бийсуф с товарищи, а сниматься им вверх Сосны; а взяли с собою Михаля Комаретьцкого в вожи, а их с четьреста. А поити им на села... а тебе бы государю сведомо было. Да городецкого татарина изымали да от меня его хоронили, а тот хочет их вести на Мещеру да на Андреев городок коней для татар Косымова городка, там деи их кони ходят; и то бы, государь, тебе сведомо было; а уже, государь, как от нас отстали две недели в пятую неделю поста»⁶. И опять в данном документе «Андреев городок» тесно связан с Касимовым, в его окрестностях содержались табуны лошадей городецких татар.

Далее 14 декабря 1515 года московский посол в Азове в грамоте на имя великого князя Василия III, пишет: «пошли, государь, отсель из Азова козаки озовское под твою вотчину на Украину под Мордву на те же места, которые имали сего лета, а к весне, государь, бий Исуп наряжается, послал к Крыму человека да грамоту чтобы, государь, на весну к нему было пять тысяч, а хотят, государь ити на Ондреева

⁵ Сборник РИО СПб 1895 г. т. 95 стр. 14

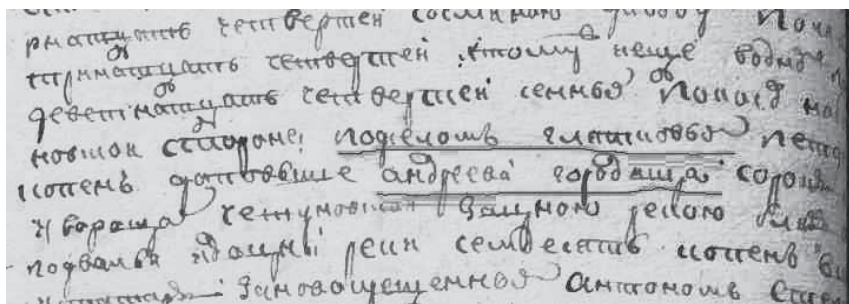
⁶ Сборник РИО СПб 1895 г. т. 95 стр. 89

городища, да на Бастаново, а мне, государь, то ведомо горазда»⁷. Из этого сообщения можно сделать вывод о том, что в 1515 году нападение на «Андреев городок» все же состоялось и видимо городок серьезно пострадал, поскольку называется уже «городищем», но еще примечательнее упоминание села Бастаново, что явно намекает на то, что оно расположено в непосредственной близости от «Андреева городища». Численность крымских сил в пять тысяч сабель говорит о том, что это был скорее грабительский рейд.

20 августа 15...? года привезли от Сенчага и Зани Зудова послание из Азова: «А царь (Крымский), государь, пошел на твою землю на Андреев городок, а сказывают, вожи (проводники- авт.) у него, где ему Ока перелезти, а с ним, государь, кажут силы сто тысяч, ино, государь, отгадывают, что с ним тысяч пятьдесят или шездесят, а жил бы еси, государь, бережно и лете и зиме, занеже, государь, тебе крымский недруг сердечный»⁸. Здесь обращает на себя внимание последовательность упоминаний, сначала «Андреев городок», а затем форсирование реки Оки, что для нас является косвенным указанием на то, что «Андреев городок» располагался на правом берегу реки Оки.

На этом исторические источники смолкают и больше упоминаний «Андреева городка» мы не встречаем, что объясняется тем, что набеги Крымских татар, о которых идет речь во всех приведенных сообщениях закончились полным разрушением «Андреева городка» и его исчезновением с исторической сцены.

В ходе работы над книгой об истории села Бастанова в архивах Елатомского уездного суда в деле «О вводе помещицы Булыгиной во владение имением в с. Бастанове Елатомского уезда» нам встретилась весьма примечательная выпись из Отказной книги за 1798 г. Из архивного текста прямо следует, что название «Андреевы городища» и

не исчезло вовсе, а использовалось в официальных документах еще в конце XVIII в., как четкий географический ориентир для указания гра-

⁷ См. Труды Рязанской ученой архивной комиссии 1903 год, том 8, выпуск 2, стр. 194

⁸ Сборник РИО СПб 1895г. т 95 стр. 89

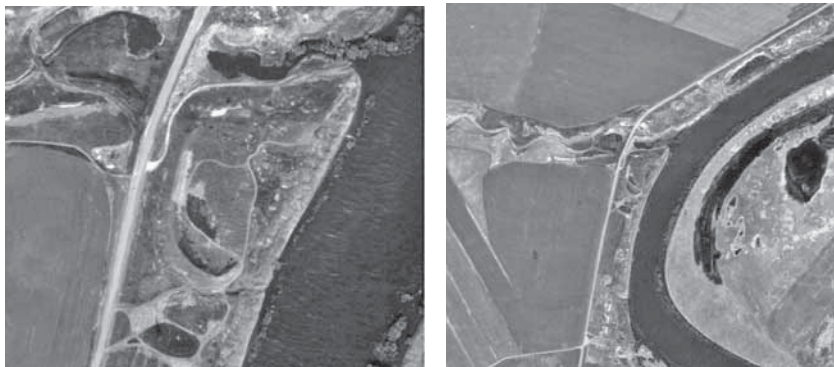
ниц помещичьего имения «.. под селом Глятковым ... повыше и пониже ... Андреева городища ...»⁹.

Поясним, что в двух километрах от села Глядково находится «Темгеновское городище». Вот как оно описано в Известиях Тамбовской Ученой Архивной Комиссии XXVI, опубликованных в Тамбовских губернских ведомостях в №23 1858 г.: «... в 2-х верстах от села Глядково, по большой дороге в село Темгенево, на левом берегу Цны стоит городище, четырехугольной продолговатой формы. Цна в этом месте образует огромный полукруг, правый берег ее низменная покатость, по которой рассеяны озера, а левый берег ее крутой, почти отвесный и с высоты его открывается живописный вид верст на двадцать; против этого изгиба над берегом находится городище, состоящее из вала и рва, длиною до 100 сажень, а шириною 10 сажень, с севера глубокий овраг «Городок» с водою, с востока крутой спуск к Цне, с юга и запада крутой Вал, вышиной около 3 сажений, в основании шириной до 5 сажений, кверху суживается до 1 сажени, ров с запада глубиной до 2 сажений, и грунт его скреплен камнем; камень попадает и внутри городища, которое распаивается. Ворот двое – южные на краю вала и высокого берега Цны, и северные – на краю оврага и вала; внутри городища остались следы бугров, ям и что-то похожее на внутреннее малое укрепление. По преданию, городище устроил богатырь – разбойник, а товарищ его сделал себе крепость верстах в 15 от него, при деревне Мыс Доброй Надежды; они посылали друг другу стрелы с письмами – о своем благополучии. По другому преданию – это городище было одним из сторожевых постов во время монгольщины.»

Данное городище прямо названо «Андреевым» в приводимом историческом документе, исследования городища говорят о том, что ранее на его территории были каменные постройки, оно расположено в непосредственной близости от села Бастанова (не более 5 км), которое упоминалось в одном из сообщений XVI века. Городище стоит на дороге, которая вела к броду через реку Оку в районе современного села Толстиково, а далее в город Касимов. В окрестностях городища расположено значительное количество татарских сел Бастаново, Ишеева гора, Тархань, Теньсюпино и т.д. Все это дает веские основания считать, что «Андреев городок» находился в районе современного села Темгенево Сасовского района Рязанской области.

Ниже мы приводим снимки со спутника «Андреева городища», фрагмент географической карты и полный текст документа, в котором упоминается «Андреево городище».

⁹ См.: ГАРО. Ф. 1428. Оп. 1.

*Вид на Андреево городище со спутника.
Источник Google Maps*

*Красными точками обозначены село Толстиково
(брод через реку Оку) и Андреево городище*

«1798 года октября ... дня по указу ее императорского величества присланному из Елатомского уездного суда в Елатомский нижний земский суд оною ж суда дворянский заседатель порутчик Иван Лукьянов сын Масолов прибыв для отказа статского советника Федора Прокофьева сына Булыгина за жену ево Наталью Афанасьеву дочь недвижимого имения со всеми угодьями доставшимся ей по купчей Лейб гвардии капитанши Марьи Петровой (по мужу) Шереметьевой (по отцу) Локостовой состоящего в прежде бывших Шацком и Кадомском

уездах а ныне здешней Елатомской округи в сельце Бастанове в Бастановских полях по обе стороны реки Леи и Цны да за Цною рекою между села Ушакова и Семеновского врага да кругом Подгуменного озера до реки Цны и против Глятькова в подвале Манинского озера за Цною рекою на Бастановской стороне в урочищах под кручею возле реки Лея и в прочих местах где собранные сторонние люди значившиеся ниже сего по выслушанью вышеписанного указного повеления по самой сущей справедливости сказали а равно по учиненному мною с теми сторонними людьми свидетельству оказалось что прописанное в оном указе недвижимое имение состояло во-первых за новокрещенным мурзою Васильем Афанасьевым сыном Маюсовым как то в сельце Бастанове в Бастановских полях и угодьях по рекам Цне и Леи по обе стороны и по дубравам земля четырнадцать четвертей в поле а в дву потомуж да дворовую усадебную и огородную землю с лесом и санными покосы со всеми угодьями а потом во-вторых оное поданое от него Маюсова 749 года марта 23 закладной за княгиней Авдотьей Юрьевой дочерью Урусовой в-третьих по смерти ее Урусовой за племянником ее ж порутчиком Графом Аполлосом Епофрадимовым сыном Мусиным Пушкиным в-четвертых в продаже от него в 757 году июля 16 дня за майором Петром Артемьевым сыном Лакостовым в-пятых за отставным лейб гвардии семеновского полка подпрапорщиком князя Кондратьем Васильевым сыном Маисовым в сельце Бастанове в Бастановских полях за Цною рекою доброй пахотной земли всего сорок шесть четвертей с осьминою в том числе в одном поле а в дву потомуж по четырнадцать четвертей с осьминою да в дву потомуж в одном поле тринадцать четвертей и тому же еще в одном поле девятнадцать четвертей санных покосов на бастановской стороне под селом Глятьковым пятьдесят копен да повыше Андреева городища сорок копен и в урочищах Четуновской за Цною рекою близ озера Подвалья и до Цны реки семьдесят копен а в-шестых ис татар за новокрещенным Антоном Степановым сыном Андяшевым за Цною рекою между села Ушакова и Семеновского врагу на татарском поле пашенной земли одна четверть в одном поле да четыре четверти да в дву полях сенного же покосу на той стороне на берегу реки Цны об межу с покосом Сельца Бастанова татарина Тимралея Кучукаева двадцать копен да в-седьмых из мурз за новокрещенным Кондратьем Васильевым сыном Маисовым в разных угодьях санные покосы которые смежны сельца Бастанова с татарами то есть круг Подгуменного озера до реки Цны тридцать копен да около Подгуменного озера пятнадцать копен да против Глятькова в подволье Манинского озера пять копен за Цною рекою на Бастановской стороне в урочищах под кручею возле реки Леи двадцать копен на мордовской дороге десять копен да вниз по Цне реке пониже Андреева городища от реки Цны до Мохового болота десять копен пашенной земли на Темгеновской стороне в одном поле одна четверть да санные покосы пониже Андреева горо-

дища половина пайка пять копен под тем же городищем десять копен да по Цне реке против села Гляткова Лабановой горы боком к Манинскому озеру десять копен пониже Андреева городища десять копен и со всеми принадлежащими к тому угодьями невыморочные неотписные и об отписанном в присылке указав сообщении також спору и запрещенія не имееся и от дачи того недвижимого имения четвертные пашни и прочие угодья к посторонним владельцам никому ничего не отошло и во владении наперед сего состояло за вышеозначенными помещиками а потом по покупке за просительницей статской советницею Натальей Булыгиной а при том свидетельстве они сторонние люди были и показали сущую правду а с теми ... то за оное подвергает себя ... штрафу а при оном сыске сторонние люди были Елатомской округи села Гляткова бригадира Николая Горчакова крестьяне Ермил Самойлов Григорий Федоров Василий Андреев господина генерала поручика Петра Михайловича Лунина крестьяне Евдоким Прокофьев Агей Гаврилов Федот Никитин Федор Иванов помещицы Марии Жеребцовой крестьяне Андрей Романов села Ушакова майора Ивана Богданова крестьяне Герасим Ульянов прапорщика Алексея Братцова крестьянин Афанасий Григорьев помещика Николая Шетнева крестьянин Исай Иванов.»

Марат Абясович Сафаров,

*кандидат педагогических наук,
доцент Института экономики
и управления в промышленности
г.Москва*

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ТАТАРСКОГО КУПЕЧЕСТВА В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.

(на материале города Касимова Рязанской губернии)

Рубеж XIX-XX вв. с его масштабными трансформациями в различных сферах жизни в той или иной степени затронул все слои Российской империи, в том числе и мусульман. В этой связи, представляет интерес рассмотрение особенностей повседневной жизни татарского купечества уездного города Касимова Рязанской губернии, являющихся редким примером быстрого и глубокого приобщения к буржуазной культуре при сохранении традиционных ценностей.

Характеризуя источники изучения социальной жизни татарского купечества Касимова, стоит отметить, что архивные материалы не всегда дают возможность полноценной реконструкции повседневного быта местной буржуазии, скорее позволяя представить масштабы и специфику их предпринимательской деятельности, организацию религи-

озной жизни. В этой связи большое значение имеет обращение к нарративу, прежде всего к устным воспоминаниям потомков касимовских купеческих династий. В частности, автором было проведено несколько интервью с представительницей семей влиятельных купцов-меховщиков Раузой Ахмедовной Кастровой, родившейся в Касимове в 1911 году и проводшей детство в среде татарского купечества, во многом запечатлевшей в памяти их образ жизни предреволюционного периода, а также трансформации, произошедшие после потери статуса, национализации имущества в 1918 году¹.

Большое значение для реконструкции повседневной жизни имеет также исследование предметов быта, интерьера, декоративно-прикладного искусства, хранящихся в уникальных фондах Касимовского краеведческого музея, а также у некоторых потомков касимовских купцов.

Татарская гора в Касимове. Начало XX века.

¹ Рауза Ахмедовна Кастрова скончалась в Москве в августе 2012 года в возрасте 100 лет. Помимо нескольких интервью с Раузой Кастровой, проведенных в 1999-2011 гг., мы используем материалы интервью с Саидой Сафиевной Девишевой (1907-2003) и с Марьям Назметдиновной Ширинской (1918-2008), проведенных нами в 1999 году; а также документы личного архива Сагдии Хасановны Булатовой (1882-1950), уроженки Касимова, педагога и революционерки, переданного нам в 2014 году. Ценную информацию о татарском купечестве Касимова нам предоставили также Амина Хусаиновна Губайдуллина (1929-2011); Ильсияр Абдулловна Шамсутдинова (род. 1920), Амния Азизовна Байбурова (род. 1924).

Как известно, большинство касимовских татар вели происхождение от влиятельных феодальных родов, являвшихся элитой особого государственного образования – Касимовского ханства, просуществовавшего до 1681 года и сыгравшего значительную роль в реализации восточной политике Московского государства². Ликвидация ханства привела к потере татарами всех своих привилегий (в качестве альтернативы существовала возможность принятия православия и вступление в число русского дворянства). Лишь во времена Екатерины II произошло значительное изменение политики по отношению к татарам, выразившейся пусть в относительной, но все-таки веротерпимости, и легализации мусульманских институтов³. При этом, потомки татарских феодалов-мурз, оставшиеся мусульманами, в подавляющем большинстве так и не получили дворянский статус.

Высокий уровень самосознания, в сочетании с окончанием периода гонений, привел касимовских татар к выработке своеобразного механизма успешной адаптации: отсутствие дворянского статуса воспринималось ими как формальное обстоятельство, поскольку в собственно татарской среде аристократизм потомков мурз не подвергался сомнению. В тоже время, понимание не возможности возвращения к землевладению, стимулировал многих касимовских татар к раннему и активному приобщению (уже в конце XVIII-начале XIX вв.) к предпринимательству.

² Одним из наиболее примечательных новейших исследований, посвященных истории создания и расцвета этого особого образования является монография казанского историка Б. Р. Рахимзянова «Касимовское ханство (1445—1552 гг.): Очерки истории» (Казань, 2009). Как известно, изучение Касимовского ханства имеет длительную и богатую традицию в историографии. Многие вопросы истории Касимова остаются дискуссионными (например, обстоятельства возникновения Касимовского ханства и его статус). В этой связи, для целостного понимания современной историографии необходимо учитывать и работы рязанского историка А. В. Белякова – другого ведущего современного исследователя Касимовского ханства. Например, см.: Беляков А.В. Араслан Алеевич — последний царь касимовский. // Рязанская старина, 2004-2005. С.8-30 / сост. А.О. Никитин, П.А. Трибунский. Рязань, 2006. Вып. 2—3; Он же. Город Касимов XV-XVII вв. как сакральный центр Чингисидов в России // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Т. 2. Тула, 2004. С. 153—161; Он же. Рождение Касимовского царства // Историографическое наследие провинции. Материалы IV научно-практической конференции, посвященной памяти Д. И. Иловайского и М. К. Любавского. Рязань, 21 февраля 2007 г. Рязань: Издательство РИАМЗ, 2009. С. 66-74.

³ Перемены в политике по отношению к мусульманам, прежде всего, выразились в учреждении указом Екатерины II в 1788 году Оренбургского магометанского духовного собрания - первой официальной организации российских мусульман. Еще ранее, в 1768 году, Екатерина II своим именным указом санкционировала восстановление татарскими купцами разрушенной в начале XVIII века Ханской мечети в Касимове на старом фундаменте, рядом с уцелевшим минаретом.

В результате, к концу XIX века у них устойчиво сформировался образ жизни, характерный для представителей буржуазного общества. Урбанизационные процессы у касимовских татар произошли значительно ранее, чем у многих других субэтнических групп татарской нации, что позволяет говорить о Касимове как о своеобразном татарском цивилизационном феномене. Примечательной здесь была тесная взаимосвязь «новых» черт жизни с архаичными традициями мусульманской аристократии.

Сложившийся компромисс между традицией и модернизацией у касимовских татар был обусловлен рядом факторов, в том числе слабостью аграрных традиций; пониманием того, что в условиях капиталистической конкуренции необходимо понимание ценностей европейской цивилизации. Наконец, к концу XIX века касимовские татары обрели и идеологическое обоснование своему цивилизационному пути – сложилась доктрина *джадидизма* - мусульманского реформаторства⁴. Тем не менее, стоит подчеркнуть, что для касимовских татар джадидизм стал именно обоснованием уже сложившегося процесса модернизации, а не стимулом к переменам, как у многих других этнических групп татарской нации.

Характеризуя предпринимательскую деятельность татарского купечества Касимова, стоит отметить, что она имела свою традиционную специализацию. Так, династии Шакуловых и Ишимбаевых одними из первых местных семей перешедшие к капиталистическим отношениям, во многом определили две сферы торгово-промышленной жизни Касимова - кожевенное производство, и переработку и продажу меха. Уже в 1774 г. в Касимове работал кожевенный завод Сеит-Шакулова, имевший 90 рабочих.

Касимовские кожевенные производства прошли эволюцию от домашних промыслов, полукустарных мастерских, до промышленных предприятий. Однако в последней трети XIX века кожевенное производство в Касимове постепенно приходит в упадок. Среди факторов, повлиявших на это – консервативная технология производства и, соответственно, постепенное снижение качества продукции. В тоже время, более важным являлось то обстоятельство, что через Касимов не прошла железная дорога, значение же речного пути по Оке падало (кроме того, навигация по Оке не проводилась все зимние месяцы).

⁴Джадидизм - общественно-политическое и интеллектуальное движение среди мусульманских (преимущественно тюркских) народов в Российской империи конца XIX — начала XX века. Первоначально, основными целями данного движения были проблемы реформирования системы образования, в том числе создание медресе, где сочеталось бы преподавание религиозных и светских предметов. Впоследствии влияние джадидизма распространилось и на другие сферы жизни мусульманского общества Российской империи, в частности активно способствовало развитию светской культуры, выработке социально-политических установок начала XX века и др.

Постепенно происходит переориентация татарских купцов на переработку и продажу меха, в том числе мерлушки – шкурки с ягненка грубошерстной породы. Так Мурсалим Кастров, причисленный к купечеству еще в 1840-х. гг., занимался изготовлением овчинных тулупов, а его сын, купец 2-й гильдии Сайфулла Мурсалимович Кастров, владел мерлушечным производством (на 10 котлах работало 16 рабочих, выделявавших 65 000 мерлушек в год). Торговлю своей продукцией в различных городах Российской империи Кастровы осуществляли через многочисленных представителей. Одними из первых среди касимовских предпринимателей, Кастровы начали издавать рекламные проспекты.

*Промышленник Ахмед Кастров с женой Хадичей Ерзиной
и сыном Хасаном. Начало XX века.*

Длительный период касимовские купцы покупали сырье у татарских предпринимателей из Оренбурга и Астрахани. Впоследствии

касимовцы стремились сами выходить на производителей и заготовителей меха, получая в этом поддержку бухарской феодальной аристократии. Некоторые татарские купцы стремились контролировать весь цикл производства и продажи меховых изделий. Так, миллионер Фатех Хайруллович Кастров владел стадами овец в Средней Азии, откуда сырье доставлялось в Касимов и обрабатывалось на фабрике. Из сырья на предприятии Ф. Кастрова изготавливались шубы, шапки и воротники. Готовую продукцию Ф. Кастров сбывал как в различных городах России, так и в родном Касимове. На Соборной площади Касимова ему принадлежал большой магазин, с просторным торговым залом (известный в городе, как «зеркальный» магазин).

Дом промышленника и мецената Ахмеда Кастрова на Ханской площади в Касимове. Начало XX века.

Конец XIX – начало. XX вв. – период наивысшего развития мехового производства в Касимове. К примеру, завод Ахмеда Хайрулловича Кастрова в 1913 г. производил 1500 000 мерлушек в год. На меховой фабрике Хабибуллы Бахтияровича Мусыева 60 рабочих ежегодно приносили предприятию доход в 50 000 рублей. Значительными были также меховые производства Х.Х.Танеева, Х.Х.Акбулатова, М.В.Девешева, Вергазовых. Всего в начале XX в. в Касимовском уезде Рязанской губернии функционировало 9 крупных меховых заведений, принадлежавших татарам, с общим оборотом в 3 640 000 рублей⁵.

⁵ Подробнее о деятельности касимовского татарского купечества см.: Сафаров М. А. Татарское предпринимательство в Касимове в XVIII – нач. XX вв. // Ислам в центрально-европейской части России: энциклопедический словарь / Отв. ред. Д.

Предприятия, конторы, магазины татарских купцов были расположены в разных частях Касимова, однако селились они компактно в историческом квартале – Татарской слободе, основанной еще во времена существования ханства. Центром слободы и главным местом притяжения татар оставалась Ханская мечеть. Жизнь в Татарской слободе на первый взгляд была достаточно традиционной и размеренной, характерной для хрестоматийного купеческого мира. Однако в реальности достаточно интенсивно происходил синтез ценностей капиталистического мира и мусульманского образа жизни.

Религиозность местных татар была высокой. Соблюдались все установленные религиозные обряды. Мужчины посещали молитвы (*намазы*), в пятницу работа начиналась только после посещения коллективной молитвы. Особыми событиями в жизни татарского Касимова были праздник окончания поста (*Ураза-байрам*) и праздник жертвоприношения (*Курбан-байрам*), во время которых были приняты взаимные походы в гости, обмен подарками, начала ношения новой одежды, торжественные трапезы, а также посещение могил предков на мусульманском кладбище. Молитвы регулярно выполнялись не только в мечети, но и дома; отдельно мужчинами, и отдельно женщинами, причем последние – посещали мечеть изредка. В тоже время, посещение мечети носило не только собственно культовый, но и широкий социальный характер, в частности здесь обменивались новостями. Статус попечителя мечети (*мутавалли*) был одним из наиболее почетных⁶. Непререкаемым авторитетом среди местных мусульман пользовались имамы мечети – широко образованные представители династии Давлекамовых.

Первый представитель этой семьи, ставший имамом Ханской мечети – Абдулвахит Исмагилович Давлекамов, был уроженцем деревни Бастаново (позднее Елатомского уезда Тамбовской губернии, ныне Сасовского района Рязанской области); он получил должность имам-хатыба и мударриса в 1800 году. Именно он при поддержке

3. Хайретдинов. М. - Н. Новгород, 2009. С. 284-287; Филиппов Д.Ю. Купечество города Касимова в конце XVIII – начале XX в. Автореф дис. ...канд. ист. наук. – Рязань, 2001.

⁶ Религиозное сознание местного купечества было тесно переплетено с традициями благотворительности. В 1897 году было основано Касимовское мусульманское благотворительное общество, выходцы из Касимова строили мечети в разных городах России, поддерживали медресе и т. д. В 1906 году купец Нигматулла Дуймакаев выстроил на свои средства в Касимове так называемую «Новую» мечеть, ставшую второй по значению в городе после Ханской. О религиозной жизни касимовских татар подробнее см.: Салихов Р.Р. Из истории мусульманских приходов города Касимова // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.). Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Казань, 2006; Сафаров М. А. Ханская мечеть // Ислам в центрально-европейской части России: энциклопедический словарь /Отв. ред. Д. З. Хайретдинов. М.-Н. Новгород, 2009. С. 329-330.

Шакуловых, Максутовых и Давлетгильдеевых основал в 1808 году в Касимове медресе (впоследствии – Кастровское медресе).

Ханская мечеть в Касимове. Современное фото.

Его сын Фазлулла Давликамов, ставший вторым имамом Ханской мечети в 1827 году, помогал отцу в руководстве медресе; он был удостоен звания ахуна и награжден серебряной медалью с надписью «За усердие» на Аннинской ленте.

Поскольку позиции Давликамовых в приходе Ханской мечети к середине XIX века сильно укрепились, а влияние Шакуловых падало, последние выдвинули в 1850 году на должность муэдзина мечети бывшего муллу деревни Акашево Краснослободского уезда Пензенской губернии мурзу Тухватуллу Курамшевича Агеева. После смерти в 1855 году Абдулвахита Давлекамова Шакуловы пытались сделать Агеева имам-хатыбом ханской мечети, но Т. К. Агеев, уже имевший соответствующий документ, неожиданно отказался от этого поста. Хотя позднее Агеев являлся вторым имамом мечети, роль Давликамовых в мусульманской общине Касимова лишь усиливалась. В 1857 году брат Фазлуллы – Изатулла Давлекамов стал имамом (а с 1866 – имам-хатыбом) Ханской мечети. Изатулла Давликамов в 1876 году направил обращение на имя муфтия Салимгарея Тевкелева с просьбой о ходатайстве перед правительством, об освобождении мусульман от участия в работе суда по пятницам.

В 1870 году вместо умершего Т.К.Агеева вторым имамом был избран Хасан Изатуллович Давлекамов (1847-1902). В 1878 году должность имам-хатиба и мударриса получил Мухамедвали Изатуллович Давлекамов (22.10.1852–?), ставший в 1884 году ахуном. Он активно участвовал в создании и становлении Касимовского мусуль-

манского благотворительного общества⁷. Последним имамом Ханской мечети, с 1903 года, являлся Фатихиддин (Фаттахутдин) Хасанович Давлекамов (6.11.1875–?)⁸.

Влияние имамов Давликамовых на касимовских татар было существенным, однако стоит учитывать, что религиозность была частью татарской жизни, фактически её основой. Это проявлялось и в социальной жизни, и в выполнении обрядов, и в повседневности.

Соблюдались все мусульманские пищевые запреты (то есть употреблялась в пищу лишь *халяльное* мясо, обычно заготавливавшиеся в татарских селах Касимовского уезда и реализовавшееся в городе). Предпочтительными видами мяса были традиционные для татар конина и баранина. Приготовлению пищи, в том числе ежедневной, уделялось большое внимание. Оно осуществлялось прислугой под руководством жены хозяина дома.

Пища в целом была тождественна еде состоятельных городских татар конца XIX-начала XX вв. и включала в себя разнообразные печеные блюда из мяса (*перемяч* и др.); большие пироги с фруктовой, картофельной, мясной или рыбной начинкой (*бэлеш*) и т. д. Под влиянием интенсивных посещений по торговым делам городов Средней Азии, у касимовских татар широко распространилось приготовление плова (*плав*). В качестве деликатеса употреблялась конская колбаса (*казы*)⁹. Прием пищи происходил в семьях, в заранее установленное время и начинался старшим мужчиной¹⁰. Пища принималась за столом, с использованием индивидуальной посуды и столовых приборов. Уже с середины XIX века местные семьи перестали приобретать деревянную или глиняную посуду у ремесленников и покупали кухонные или чайные сервизы во время посещения Москвы или

⁷ Отчет Касимовского мусульманского благотворительного общества за 1898 год. Касимов. 1899. С. 4.

⁸ Примечательно, что в конце октября 1917 года в Соборной мечети Петрограда впервые в истории России прошел совместный намаз суннитов и шиитов, который провел военный ахун Петроградского военного округа – касимовец Фаттахутдин Хасанович Давлекамов. В совместном намазе участвовали официальные представители петроградских мусульманских организаций, представители шиитской общины Санкт-Петербурга и специально прибывшие азербайджанцы-шииты из Закавказья, где весной 1917 года началось движение в сторону религиозного мира между шиитами и суннитами.

⁹ Пауза Кастрова вспоминала, как прислуга по утрам на базаре покупала у рыбаков, выловленную в Оке стерлядь, разделявала её в больших деревянных корытах на дворе.

¹⁰ Анализ культуры питания татарской буржуазии см.: Габдрафикова Л. Р. Культура питания городских татар (конец XIX – начало XX вв.) // Этнографическое обозрение. 2013. № 2. с. 138-149. В целом, казанский историк Лилия Габдрафикова является ведущим исследователем повседневной жизни городских татар рубежа веков. См. её монографию: Габдрафикова Л. Р. Повседневная жизнь городских татар в условиях буржуазных преобразований второй половины XIX — начала XX века. Казань, 2013.

Санкт-Петербурга. При этом особым спросом пользовалась посуда, произведенная на предприятиях братьев Корниловых, а широко распространенная в городах Российской империи конца XIX-начала XX вв. продукция товарищества Кузнецова расценивалась как несолидная, дешевая.

Для купеческих семейств Касимова было характерно широкое использование наемного труда в доме. Это были кухарки, няни, кормилицы, кучеры, дворники и т. д. Их жизнь в доме в основном протекала на кухне. В большинстве своем, хозяева относились к прислуге доброжелательно, дети часто воспринимали кухарок или нянь как родных людей. Помимо заработной платы они иногда одаривались подарками; женщины - обычно отрезами на платье, полотенцами, скатертями, мылом. Примечательно, что значительная часть прислуги происходила из русских деревень и, работая у татарских купцов, осваивала в той или иной степени татарских язык.

*Представительница купеческих семейств Рабига Давишева
с детьми. Начало XX века*

Наиболее ярким внешним примером переплетения нового и

старого у касимовского татарского купечества была одежда¹¹. В изучаемый период они почти полностью отказались от традиционной для татар домотканой одежды и шили одежду у портных (часто в Санкт-Петербурге) или покупали готовую. Одежда у касимовских мужчин-татар ничем не отличалась от одежды представителей российского купеческого мира. Были распространены костюмы, пальто; традиционные жилины (подобие халатов) носили лишь имамы, некоторые представители старшего поколения, обычно отошедшие от дел. При этом мужчины всегда брили голову и носили татарский головной убор - каляпуш (вид тюбетейки), хотя европейские шляпы также постепенно входили в моду.

Женщины также заказывали платье у портных, но их одежда была более традиционной, сохранявшей или скорее стилизовавшей татарские национальные черты. Женская одежда была широкой, расшитой, в качестве материала нередко использовался шелк (в мужской одежде шелк согласно мусульманской традиции не использовался). При выходе на улицу замужние женщины голову покрывали длинным платком (*яулык*), в холодное время – шалью, а в домашнем кругу надевали особую маленькую шапочку из бархата (*калфак*), расшитую золотыми или серебряными нитками, жемчугом, бисером. Из числа женских украшений были распространены многочисленные серебряные браслеты, бусы, золотые кольца, украшенные драгоценными камнями. Ювелирные украшения обычно изготавливались столичными мастерами, но часто принимали «восточный» вид (например, использовались традиционные татарские орнаменты).

Развитие предприятий, владельцами которых были касимовские татары, рост их доходов, повлиял на существенное изменение облика старого Касимова. На месте деревянных домов по специально заказанным у архитекторов проектам строились двухэтажные особняки. В большинстве – это были характерные для провинциальных городов Российской империи дома с первым каменным и вторым деревянным этажами. Однако многие дома были полностью каменные. Среди зданий Касимова особо выделялся дворец из красного кирпича уже упомянутого выше Фатеха Кастрова, расположенный на берегу Оки¹². Интерьеры домов были выдержаны в европейском стиле (наличие деревянных резных буфетов, обоев, зеркал и т. д.).

¹¹ Подробнее см.: Шарифуллина Ф. Л. Традиционная одежда касимовских татар сер. XIX – нач. XX вв. // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. Казань, 1976. С.133-146. Фарида Шарифуллина – одна из наиболее известных казанских этнографов, детально проанализировала и особенности одежды касимовских татар-крестьян, изучение повседневной жизни которых выходит за рамки нашего исследования.

¹² Большая часть исторической застройки, в том числе дворец Фатеха Кастрова, Ханская мечеть и другие памятники татарской истории города сохранились и в современном Касимове. Сохранение уникальной архитектуры города во многом связано с тем, что через Касимов в конце XIX века не прошла железная дорога, а в советское время он обладал статусом туристического центра.

Представители касимовской купеческой семьи Биушевых.

В теплое время женщины с детьми переселялись на дачи (обычно расположенные в родовых селах в Касимовском уезде Рязанской или Елатомском уезде Тамбовской губерний), многие из которых представляли собой аналоги дворянских имений (например, дача Девишевых в селе Шилино близ Елатымы). Сами выезды были целым событием в жизни семьи. В деревнях купеческие дети общались со свои сверстниками-крестьянами (в самом Касимове, круг общения носил сословный характер), участвовали в народных играх. В целом, жизнь крестьян для многих уже представлялась экзотичной, более разнообразной, яркой, чем налаженный быт купеческой семьи¹³.

¹³ К примеру, Рауза Кастрова вспоминала о своем участии в крестьянской игре «кичке уен» (вечерняя игра «на завалинке» с песнями и шутками), когда в детстве побывала в старинной татарской деревне Богданово близ Кадома. В целом,

Многие семьи посещали Санкт-Петербург и Москву (тем более что в местных мусульманских общинах выходцы из Касимова вплоть до 1917 года играли ведущую роль), крымские курорты; наиболее состоятельные - курорты Германии, Париж. По торговым делам многие ездили в западноевропейские города, очень часто в Среднюю Азию, Петропавловск, где велась заготовка сырья. Старой традицией была поездка на знаменитую Макарьевскую ярмарку в Нижний Новгород, где касимовские купцы встречались, обменивались новостями, заключали сделки, и часто договаривались о заключении браков.

Семья Кастровых. Касимов. 1917 год.

этнокультурное взаимовлияние татар-мишарей, расселенных в пределах Тамбовской губернии (ныне Ермишинский, Кадомский, Сасовский районы Рязанской области) и касимовских татар, было значительным, во многом благодаря близости традиционных ареалов расселения, интегрированности местных мишарей в предпринимательство (например, выходцев из большого села Азеево). Кроме того, многие мишари, расселенные близ Кадома, в Азеево, в бассейне реки Цны, также как и касимовские татары принадлежали к древним родам мурз. Характерно, что в течении XX века архаичный говор касимовских татар был практически полностью вытеснен именно мишарским диалектом татарского языка, а не литературным, казанским. Подробнее см.: Махмутова Л. Т. Особенности касимовского говора татарского языка: автореф. дис. канд. филол. наук. Л., 1952.

Имевшие родственников в Казани, посещали этот город, воспринимавшейся в качестве центра татарской культуры. Соблюдалась традиция *хаджа* (паломничества в Мекку), хотя она осложнялась не столько материальными причинами, сколько трудностью пересечения границы и въезда на территорию Османской империи. Люди, совершившие паломничество (*хаджи*) пользовались особым авторитетом. Другие восточные города, за пределами Российской империи, в большей степени посещались духовными лицами. В частности, большим авторитетом среди касимовских татар пользовались люди, учившиеся в каирском университете «Аль-Азхар».

Татарское купечество Касимова и в начале XX века при всех модернизационных чертах отличалось четко выраженной сословностью. Это особенно выражалось, в заключение браков, при совершении которых материальный статус играл главную роль. Значение здесь имела также и происхождение (*насел*), включавшее в себя общую репутации семьи, историю рода. Часто заключались браки с представителями татарских купеческих семейств из Казани, Уфы, Оренбурга, Троицка.

Положение женщин, являющиеся одним из ключевых маркеров модернизации традиционного общества, было среди касимовских татар противоречивым. С одной стороны большинство женщин проводили свою жизнь достаточно замкнуто, общаясь с родственниками и прислугой. С другой, с конца XIX века начался процесс получения женщинами светского образования, зачастую в Западной Европе. В 1891 году медицинское образование получила Разыя Кутлюярова (Биби-Разыя Тазитдиновна Кутлюярова-Сулейманова (?-1923) , ставшая первой татарской женщиной-врачом¹⁴. Характерна судьба и другой уроженки Касимова – Сары Касимовны Шакуловой (1887-1964), являвшееся показательным примером модернизировавшегося татарского общества.

¹⁴ Разыя Кутлюярова окончила с отличием женскую гимназию, в 1886–91 гг. училась в Петербурге на Рождественских курсах лекарских помощниц и фельдшерниц. При личном содействии императрицы Марии Федоровны 11.03.1892 г. получила права женщины-врача. В 1892–1900 гг. работала в Касимовском уездном земстве, где самоотверженно боролась с эпидемиями сыпного тифа и холеры, сама заразилась тифом, но осталась жива. В 1902 году переехала в Оренбург и открыла частную практику для мусульманских женщин, которые по соображениям исламской морали не могли показаться мужчине-врачу. Во время русско-японской войны 1904–05 гг. оказывала помощь раненым и сотрудничала с Обществом Красного Креста, за что была награждена медалью. Занималась медицинским просвещением мусульманок, устраивала беседы и бесплатные лекции по вопросам гигиены, профилактики и лечения заболеваний. Подробнее о Разые Кутлюяровой см.: Биктимирова Т.А. Ступени образования до Сорбонны. Казань, 2003. С. 147, 167.

Сара Шакулова (справа) с матерью и сестрами. 1920-е гг.

Сара Шакулова родилась в Касимове в богатой купеческой семье, принадлежала к одному из самых древних и знатных татарских родов. Шакуловы вели свое происхождение от пророка Мухаммеда, и как его потомки имели особый статус *сеидов*; среди представителей рода была и последняя правительница Касимовского ханства Фатима-Султан (?-1681). Отец Сары Шакуловой - потомственный почетный гражданин Касимхан Хусаинович Шакулов (Сеит-Шакулов) занимался переработкой и продажей меха. Мать – Фатима Айнутдиновна Дебердеева, представительница богатых симбирских родов Дебердеевых и Акчуриных, владевших суконными фабриками. Семья придерживалась джадидистского мировоззрения; строгое соблюдение мусульманских обрядов сочеталась с изучением иностранных языков, музыки, чтением русской и западноевропейской художественной литературы.

В течение трех лет Шакулова обучалась в джадидистской школе в селе Торбаево в окрестностях Касимова, где изучала основы ислама и татарский язык. В 1905 г. она окончила русскую женскую гимназию в Касимове, где особые успехи показала в изучении математики, истории и русской литературы. Для продолжения образования Сара уехала в Санкт-Петербург, где поступила на курсы воспитательниц и руководительниц физического образования, основанные известным общественным деятелем и педагогом П.Ф. Лесгафтом. Курсы Лесгафата были закрыты после поражения первой русской революции в 1907 году.

Стремление Сары Шакуловой поступить на другие высшие женские курсы не увенчались успехом: поражение революции сопровождалось массированным наступлением на женское образование.

Желая получить высшее образование, Шакулова уехала в Париж, где поступила в университет Сорбонна. В Сорбонне она проучилась с 1909 по 1913 гг., получила диплом о высшем образовании с отличием. Однако факт получения высшего образования женщиной в зарубежном университете в условиях Российской империи не имел официального значения. Поэтому, Шакуловой в России пришлось сдать 15 экзаменов по различным математическим дисциплинам, после чего, в 1914 году, она была удостоена диплома об окончании Московского университета. Не имея возможности преподавать, как женщина и как мусульманка, в высших учебных заведениях, Шакулова начинает работать внештатным преподавателем математики в За-райском реальном училище в Рязанской губернии. С 1916 г. она преподавала математику в Казани – в Казанской художественной школе, а также в частной татарской женской гимназии Ф.А. Аитовой и в частной женской школе Лябибы Хусаиновой. В 1917-19 гг. Шакулова продолжала преподавать в данных школах и в Казанском городском женском коммерческом училище Эккерт¹⁵.

Интересным, хотя и очень редким примером не только для Касимова, но и для татар Российской империи в целом была судьба Сагдии Хасановны Булатовой (1882-1950), родившейся в семье преподавателя Кастровского медресе Хасана Шамсутдинова и представительницы богатой купеческой семьи Мадины Ишимбаевой. Будучи учительницей, в татарской школе, основав студенческий театр, и придерживаясь идей джадидизма, она вскоре активно восприняла социал-демократические идеи, занималась печатью антиправительственных листовок и агитацией.

¹⁵ Примечательна и жизнь Сары Шакуловой после установления Советской власти. В 1919-23 гг. она являлась заместителем народного комиссара просвещения Башкирской АССР, где курировала создание системы профессионально-технического образования. С 1923 года Сара Шакулова работала в Москве инспектором отдела национальных школ народного комиссариата просвещения РСФСР, была близко знакома с Н.К.Крупской, работала под ее непосредственным руководством в 1925-37 гг. Параллельно с работой в Наркомпросе, Шакулова создала и возглавила в Москве, на базе мусульманской частной школы в Доме Асадуллаева, татарскую государственную школу им. Н. Нариманова. Являлась автором учебников математики для татарских школ. Характерно, что в условиях советской действительности, Сара Шакулова скрывала факт окончания ею Сорбонны, упоминая в анкетах лишь о дипломе Московского университета. В 1938-40 гг. преподавала математику в Республиканском институте повышения квалификации инженерно-технических работников и хозяйственников при Наркомпросе РСФСР. Затем до начала 1960-х гг. преподавала теоретическую механику и начертательную геометрию в различных технических вузах Москвы. Умерла Сара Шакулова в 1964 году, похоронена на Даниловском мусульманском кладбище в Москве.

Сагдия Булатова (в центре) с семьей. Касимов. Начало XX века.

Занимая значительное положение в жизни Касимова, местные татарские купцы были успешно адаптированы к условиям Российской империи конца XIX-начала XX вв. Понимая неравноправность своего положения, они стремились максимально использовать все санкционированное имперской властью для мусульман. Неслучайно, переселяясь в Санкт-Петербург, Москву они на новых местах достаточно быстро приобщались к предпринимательской деятельности. В частности большинство буфетов на Николаевской железной дороге принадлежало касимовским семьям Байрашевых и Алышевых. В Москве были известны такие купеческие семьи, в основном специализировавшиеся на продаже и переработке меха, как Ишимбаевы, Вергазовы, выходцы из села Азеево Елатомского уезда, тесно связанные с касимовскими родами - Ерзины и Бурнашевы и т. д. Помимо меховщиков, среди московских касимовцев был и владелец ресторана «Малый Эрмитаж», Хусаин Мусаевич Байбеков. Кроме владения рестораном, Хусаин Байбеков занимался продажей бакалейных товаров и фруктов.

Получая традиционное начальное мусульманское образование (то есть, изучив основы ислама) многие в начале XX века уже не удовлетворялись даже и реформированным татарским образованием и стремились поступить в гимназию. Необходимость свободного вла-

дения русским языком осознавалось ими не просто с прикладной точки зрения, но как само собой разумеющиеся (в целом, касимовские татары выделялись среди других этнических групп татарской нации по уровню владения русским языком). Несмотря на слободской характер татарского проживания в старом Касимове, татары активно контактировали с местным русским купечеством, городским и уездным дворянством (многие русские дворяне Касимовского и Елатомского уездов были потомками крестившихся татарских мурз), в целом играли большую роль в жизни города. Отношения с русским населением у местных татар было всегда доброжелательным.

Уникальный мир старого купеческого Касимова прекратил свое существование после 1917 года, но история касимовского татарского предпринимательства, отличавшаяся активной и успешной адаптацией к ценностям «нового мира» при сохранении своего этнического и конфессионального своеобразия, во многом может служить примером удачного синтеза традиции и модернизации.

Табриз Нурутдинов

*магистр исламоведения, историк
г. Кострома*

ИЗ ИСТОРИИ КОСТРОМСКИХ ТАТАР

Что касается татар-мищарей города Костромы, то, к сожалению, данная тема изучена не до конца. Существуют частичные исследования некоторых интузиастов, которые старались приоткрыть свет в происхождение местных татар-мищарей. А в основном изучение татарской слободы города Костромы проходило в контексте изучения историко-этнографических исследований В.В. Черновской в ее работе «Мусульмане Ярославля», где описывается история жизни романовских татар их судьба и дальнейшее переселение в Кострому, что собственно и является нашей темой. Из документов следует, что: «указом от 13 декабря 1760 года упорные в вере татарские мурзы и их служилые люди были переселены в г. Кострому» из г. Романова, расположенного на Волге в тридцати верстах выше г. Ярославля (ныне г. Тутаев Ярославской области). В Романове же татары появились, как говорят некоторые документы, еще во второй половине 16 века. Вот, например, в завещании Ивана Грозного своему сыну говорится следующее: «...да городец Романов на Волге, а держи его сын мой за ногайскими мурзами». Еще в 1563 году трем ногайским мурзам: Иль-Мурзе, Алей-мурзе и Айдар-мурзе сам Иван Грозный пожаловал

городец Романов с большей частью уезда, вручив особые жалованные грамоты с красными печатями. В других источниках можно найти другую версию появления ногайцев в городе Романове. Например, существует более точная на наш взгляд версия, скорее даже уточняющая первую, что в 1563 году ногайский мурза Исмаил отправил в Москву в качестве заложников младших сыновей Юсуфа, он же был отцом казанской царицы Сююмбике, Иль-мурзу и Ибргима-мурзу. Им то и был жалован городец Романов. От этих ногайских мурз ведет свое происхождение знаменитый род князей Юсуповых. Большинство романовских татар преданно служили русским царям и были на кормлении. Постепенно политика государства в отношении служилых татар стала меняться. В правление Петра Первого у романовских мурз, не принявших православие стали отбирать поместья и переселять в другие земли. Поэтому самые стойкие в своей вере романовские татары были переселены в город Кострому. Напротив же, те из татар, кто принял православную веру получали княжеские титулы и им возвращали их земли и поместья. Также в это время правительством были изданы указы о том, что татарским феодалам запрещалось иметь крестьян православного вероисповедания и наоборот. Почему местом переселения романовских татар стала Кострома, ответить сложно. Но можно предположить, изучая источники, что именно в Костроме в середине 15 века находился царевич Якуб сын известного Золотоордынского хана и первого хана Казанского царства. Сюда также в разное время направлялись и другие представители Великой степи, поэтому Костроме не чужды были представители степной цивилизации. Хотя доказательств постоянного пребывания татар в Костроме до 1563г. исследователями не найдено. Но упоминания о них существует: «первое летописное упоминание о татарах относится к 1233г., когда была сожжена Батыем, разорившим все волжские города до Галича Мерьского». Другое упоминание относится к 1272г., когда костромичи одержали победу над ордынским отрядом. И таких лаконичных связей татар с Костромой можно найти с десятков в исторических источниках. Таким образом, из всего вышесказанного следует, что оседлая история татар Костромы началась после их переселения в 1683-1684гг. По причине нежелания креститься в православную веру. По той же причине в Кострому в 1761г. была переселена вторая группа несогласных.

В 1762 г татар в Костроме было 128 человек, в 1811 году - 204 человека, в 1867г - 299 чел., 1902г.- 525 чел., проживающих в 86 домах слободы. Татарская семья в основном состояла из пяти человек. Как пишет Ф.Шарифуллина, приток татар в Кострому сопровождался и из других городов России таких как, Казань, Касимов, Пенза, Оренбург.

Из этих городов привозили невест, назначали представителей духовенства и учителей (мударрисов). В слободе функционировало мусульманское учебное заведение (медресе), построенное в 1886 г на деньги казанского купца Апакова. В медресе преподавали исламские науки и татарский язык, вплоть до 1917г. В слободе существовала своя деревянная мечеть с минаретом, которая была видна со стороны реки Волги. Дома в слободе были в основном срубными и, что привлекало внимание, были разных цветов. Дома располагались с двух сторон в доль берега реки волги. А на восточной стороне от слободы, в глубине вековых берез и сосен, находилось кладбище, где местные жители хоронили своих усопших. На сегодняшний день кладбище является действующим и имеет статус памятника природы. Что нельзя сказать о мечети, которая, к большому сожалению, была разрушена в 1953 г. во время воинствующего атеизма. Здание мечети просуществовало 150 лет и служило костромским татарам местом сбора и молитвы.

В 1929 году в Костроме, как и во всей стране, по словам костромского историка Н. Полетаева, началась антирелигиозная компания, основной целью которой было закрытие храмов. В марте 1929года выселили муллу Рахманкулова, в феврале 1930 года была закрыта мечеть и использована как изба-читальня. На исходе зимы 1930 года мечеть, 150 лет возвышавшаяся над берегом реки Волги, окончательно прекратила свое существование, сломали минарет и через некоторое время в мечети открыли клуб.

Занятием слободских татар повсеместно являлась рыбная ловля и хлебопашество. Многие из них промышляли торговлей и извозом, что и являлось отличительной чертой слободских татар, как бы дань памяти своим корням и уважение к Великой ногайской степи. Во владении татар насчитывалось 25 десятин полосных угодий. Слободские татары, впрочем, как и весь татарский народ, были трудолюбивым людом, поэтому жили зажиточно, как утверждают современники. Говорили татары в основном на русском языке, хотя в местной школе (медресе) преподавался литературный татарский язык. Как утверждают современники, в 1880г. «у костромских татар разговорный язык был скорее русский, чем татарский. Многие из них говорили на родном языке не совсем уже правильно и с трудом. Русская же речь сравнительно лучше и слышится чаще, особенно между мужчинами». Например известный миссионер Н.И. Ильинский в своем письме к обер-прокурору Синода К.П Победоносцеву писал так: «всеживущие мусульмане Костромской губернии ограничены нераздельной большой слободой около города Костромы. Там, по моим слухам, татары, можно сказать, почти говорят по-русски. Половина забыла татарский язык

и мусульманские знания. Если ихнюю жизнь направить таким же руслом, через несколько десятков лет от их татарской национальности останется лишь неясное воспоминание». К сожалению, на сегодняшний день так оно и есть, от татарской слободы осталось только название с улицей Нариманова и татарским кладбищем, которое сегодня не только татарское, но уже и общемусульманское с учетом миграционных веяний последнего времени. Сегодня татар, которых называют слободскими можно пересчитать по пальцам. Это предки тех ногайских мурз, которые когда то были переселены в эти края, отказавшись креститься, пытаясь сохранить свою идентичность и веру, но которых, к сожалению, смыло время в чреде бушующих событий своего безжалостного пекла. Здесь, в слободе уже сложно определить человека по строению лица или по языку, но можно узнать их по фамилиям, которыми они гордятся. Такие известные фамилии как, Маметьевы, Сиушевы, Булатовы, Бильгильдеевы, Юсуповы, Кадыбердеевы и др. являются предметом гордости не только самих местных татар, которые хоть как то смогли сохраниться, но и у тех русских имеющих корни с этими ногайско - татарскими родами.

Затрагивая происхождение костромских татар, некоторые ученые выдвигали мнение, что они являются мещарами, но сами костромские татары, жители татарской слободы себя к мещарам не относят осцируя себя со служилыми ногайцами.

Все таки если говорить о мещарах города Костромы, то это люди переселившиеся в Костромскую область в начале и середине 20 века, во времена коллективизации и последовавшей за ней раскулачкой. Люди бежавшие от голода в среднем поволжье и искавшие более благоприятную среду обитания для себя и своих детей. Кострома привлекла жителей нескольких деревень из-под города Чистаполь (ныне Новошешминский район республики Татарстан). Если быть более точным, то в Костроме в основном представители двух деревень данного района Татарстана, это деревня Шахмай и Чаллы-баш. В Кострому ехали в основном на предприятия текстильной промышленности и кирпичный завод. Это вторая волна миграции татар в Кострому, что сильно укрепило уже сильно ассимилированное татарское население города. Хотя местные татары резко отделяли себя от вновь приехавших. Новые переселенцы старались, поначалу, селиться более компактно, поэтому появлялись целые анклавы с та-тарским населением, во многих районах можно было услышать татарский говор. Татары старались сохранять свой язык, культуру, обычаи. В советское время проводились поминки по усопшим и даже праздничные молитвы, в домах и на кладбище. Собиралось более ста человек. Были и свои священнослужители (муллы) самоучки, которые умели

читать мусульманские молитвы, правда по транскрипции. К сожалению, к концу 20 века мишарей Костромы, также как и тех, ногайцев которые были до них настигли ассимиляционные процессы, разрушительно сказавшиеся на их самосознании и на национальной самоидентичности. На сегодняшний день, по последней переписи в Костроме, проживает около 1500 человек татарской национальности. Создана татарская культурная автономия, которая имеет тесные связи с республикой Татарстан. Проводятся национальные праздники, будь то сабантуй или жиен. В планах создать федерацию борьбы куреш. Конечно, приходится воссоздавать и строить нечто, что уже давно превратилось в руины, как те могильные памятники (Дюрбе) на татарском кладбище Костромы. Но с желанием тех людей, которые сегодня переживают за культуру и будущее татарской нации, будь то мещар или тептяр, мы постараемся сохранить то, что оставили нам предки и создать что то, что будет полезным для наших потомков. История татар — мишарей Костромы, конечно же на этом не кончается, это всего лишь краткий экскурс в закаулки истории этого удивительного народа. Надеемся более тщательно исследовать данную тему с привлечением исторически важных документов. Хотелось бы также обратить внимание на татар-мещарей города Галича мерского, которые тоже являются очень интересным объектом исследования для историков.

Использованная литература:

1. Шарифуллина Ф. Татары Костромы. // «Огни Казани» («Казан Утлары»). Казань, 1990. № 12.
2. Шарифуллина Ф.Л. История формирования и традиционная культура татар города Костромы. .
3. Черновская В. В. Мусульмане Ярославля. Ярославль, 2000.
4. Полетаев Н. Как была закрыта мечеть в Татарской слободе. // Северная правда, 1996.
5. Валиуллин А. Татары Костромы. Страницы истории мусульман Костромы, 2000.
6. Нигмедзянов Т.И. Хозяйство татар Костромы в 18 начале 20 вв. // Сборник научных трудов участников 10 межрегиональной научной конференции 16-17 мая 2003г. Кострома , 2003. С. 48.

СТАРОВЕРИЕ МЕЩЁРЫ

Сергей Сергеевич Михайлов

ИЗ ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ХРАМА-МОЛЕННОЙ В СЕЛЕНИИ ЯЗВИЩИ ПОКРОВСКОГО УЕЗДА ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Старообрядческая патриаршинская деревня Язвищи расположена в южной части края, возле границ с Гуслицами. Самыми близкими гуслицкими деревнями для Язвищ являются Коротково, Стенинская (Стенино), Дуброво. Ближайшей же деревней Патриаршины является Губино (в прошлом – Губинская), с которой Язвищи образуют юг указанного микрорегиона. До революции Язвищи входили в состав Кудыкинской волости Покровского уезда Владимирской губернии, а после 1917 года они оказались в составе Орехово-Зуевского уезда (ныне – района) Московской губернии (ныне – области). В прошлом все население деревни принадлежало к старообрядчеству, но затем, после определенной работы «противораскольничьих» миссионеров, главным оплотом которых в указанной местности была фабрика Смирнова в деревне Ликино. А.В. Смирнов, основатель и первый владелец этого предприятия, изначально, от рождения, был беспоповцем-поморцем, при вступлении в брак принял белокриницкое согласие, а после перешел в господствующую церковь, став ярым врагом всех своих прежних одноверцев.

*Здание старообрядческого храма в деревне Язвищи
незадолго до сноса. 1950-е гг.*

Когда в Язвищах была построена первая общественная старообрядческая моленная, мы не знаем. Возможно, что это произошло еще в самом начале старообрядческой истории этого населенного пункта. Моленная стояла здесь и до начала XX века, однако, уроженка деревни, проживающая ныне в соседнем г. Ликино-Дулево, Ольга Петровна Софьянкова, говорила мне, что будто бы до 1906 года моленной здесь не было. Но, другие источники говорят об обратном: небольшая моленная существовала в Язвищах и до начала XX века. В виду отсутствия достаточного архивного материала, выяснить все подробности ее истории невозможно.

Есть сведения, что в середине 1880-х гг. в Язвищах существовал белокрыницкий приход, на котором служил свой священник – Яков Грибков. «В деревне Язвищах таким просветителем явился Яков Грибков. Ему подвернулся случай облачиться в поповские ризы, по австрийскому согласию, и пустился править преимущественно требы обывателям, а с пути просвещения ближних совершенно уклонился, потому что это не так выгодно. А староверческие попы, за последнее время, исключительно на выгодах и держаться. Но, Грибков поповствовал в Язвищах не долго и удалился отсюда куда-то на лучшие древлеправославные пажити...».¹ Сразу скажем, что газета «Московский листок», заметку из которой мы процитировали, являлась изданием достаточно «желтым» и старалась печатать достаточно негативную информацию, тем более о старообрядческих пастырях. Но, тем не менее, мы узнаем, что в селении Язвищи был приход и знаем имя священника. Был ли он здесь первым пастырем и были ли у него в Язвищах преемники, информации пока не обнаружено. Понятно, что если здесь был приход с священником, то и был храм-моленная с престолом. Возможно, престол был из серии походных и переносных.

Возможно, на каком-то этапе, рядом были и иноческие поселения старообрядцев. Возле деревни было урочище «Монастырский лес». Однако, народная память не сохранила сведений о причине происхождения этого топонима. Не исключено, что когда-то этот лес принадлежал какому-то монастырю, например тому, что когда-то находился возле селений Старый Покров и о котором там сохраняются предания. Но, в этой части Запада Мещёры традиционно было много старообрядческих обитателей. Немало их было в окрестностях гуслицкого селения Беливо: Беливский Леонтьев монастырь, «Праксенна Грива», «Камень», «Осипова Грива» и др. Язвищи находятся в той же

¹ Покровский уезд (Влад. губ.) // Московский листок. 1886. №191. 12 июля.

глухой лесной и болотистой местности, что и Беливо, Мисцево, Губинская, в районе которых и основывались в XVII – XVIII веках в большом числе обители иноков и инокинь старообрядцев. Таким образом, вероятность того, что лес обязан своим именем возникшему еще на раннем этапе и вскоре исчезнувшему мужскому или женскому староверческому монастырю. Не исключено, что этот монастырь или скит мог существовать еще в то время, когда жители Язвиц были беспоповцами. Но, об этом чуть ниже.

Местные старожилы рассказывают предания о том, что их предки бежали сюда после Никонова раскола и основали деревню среди болот. На деле же селение возникло в более ранние времена и к моменту Никонова раскола уже давно существовало. Деревня ранее была расположена несколько по иному: буквой «г», с фасадами домов, ориентированными на юг и восток, т.е. к солнцу. После 1861 года дома селения поставили примерно так же, как сейчас расположена застройка: двумя рядами по сельской улице.

С конфессиональной принадлежностью язвицких старообрядцев в начальный период не совсем ясно. Если в поздний период здесь жили только белокриницкие поповцы, то судя по всему ранее, как и в остальной Патриаршине, здесь господствовало беспоповство поморского брачного согласия. Позже поморцы сохранились только в северной части Патриаршинского края. Южные уголки этой местности, испытывавшие заметное влияние Гуслиц, после начала развития текстильной промышленности, которая находилась в руках последователей Рогожского кладбища, а также после основания в соседнем Дулёве кузнецовского фарфорового предприятия, владельцами которого также были рогожские поповцы, постепенно перешли в стан последних. Автор книги «История Русской Церкви» Никольский, писал, что «...жители деревень Губинская и Язвицы Покровского уезда Владимирской губернии также приняли попов от белокриницкой иерархии...».² Автор не поясняет, когда данные случаи имели место быть, но судя по аналогичным случаям, которые им приводятся рядом, это было в 1860-х – 1870-х гг. Однако, судя по делам из Государственного Архива Владимирской Области, к примеру, в Губинской, поповцы ориентированные на московское Рогожское кладбище, были задолго до этого, еще в 1840-х гг. и даже ранее. По Никольскому может сложиться впечатление, что и губинцы и язвинцы перешли к рогожанам из господствующего исповедания. Но историческая память

² Никольский Н.М. История Русской Церкви. М., 1983. С.340.

местного населения говорит о принадлежности к старой вере с «самого начала Никонова раскола». Жители обеих деревень стали рогожскими поповцами явно перейдя из беспоповщины.

Нам известно, что главным праздником в Язвицах исстари считался Никита Мученик (28 сентября по новому стилю). Ему же была посвящена и деревенская общественная моленная. Этот святой почитался и в этой части Патриашины, и в соседних Гуслицах. Ему была посвящена моленная в гуслицком селении Загряжская, расположенном неподалеку, а также и ранее были посвящены прежние моленные в соседней Губинской. Но в последнем случае, после обретения чудотворной Губинской Казанской иконы Пресвятыя Богородицы, появилось Казанское посвящение молитвенного здания, хотя Никита Мученик по прежнему продолжал считаться «престольным» праздником.

Откуда пришло в эту местность почитание Св. Никиты, сказать сложно. Очень часто подобное почитание шло от посвящения древних храмов или каких-либо событий, во время которых тот или иной святой или чтимая икона себя проявляли. На востоке Подмосковья было немало древних Никитских храмов, но ближайший из них был известен только на погосте Селна (рядом с деревней Давыдово). Позже Никитский престол в нем был утрачен, но почитание осталось в посвящении некоторых соседних старообрядческих моленных. На наш взгляд, с особым отношением к имени Никиты Мученика может быть связано место возле современного храма у села Гора, недалеко от Язвищ. Здесь существует святой Никитский родник, который находится на месте, якобы ушедшего под землю храма. Возможно, рядом с источником и на самом деле ранее была Никитская церковь, почитавшаяся в округе, которая позже была упразднена. Со временем появилась легенда о ее уходе под землю.

Деревня Язвищи располагалась вблизи фарфорового предприятия Кузнецовых в Дулёво. Она находилась в весьма тесной связи с данным предприятием и его старообрядческим обществом. В связи с данным фактом до нас дошло мало архивного материала, который мог бы рассказать о жизни язвицкого общества в XIX столетии. Покровительство Кузнецовых способствовало тому, что духовенство господствующей церкви и полиция старались не трогать эту деревню. Тем не менее, по рассказам некоторых старожилов, в начале XX века более чем Дулёво местные жители предпочитали фабрику Зиминых в Дрезне. Возможно, что здесь видна определенная историческая память язвицких жителей – владельцы этого предприятия Зимины являлись беспоповцами поморского согласия.

Одним из примечательных прихожан старообрядческого храма-моленной деревни Язвищи, известный и за пределами своего селения, был Василий Патрикеевич Москвин. В 1909 году старообрядческий журнал «Церковь» опубликовал небольшую заметку по поводу его кончины. Москвин был прекрасным каллиграфом и общественным деятелем. В последний период своей жизни, когда в соседних Гуслицях промысел переписывания и украшения певческих книг переживал свой трагический последний период существования, он много потрудился в деле материального поддержания гуслицких писцов, на продукцию которых спрос резко упал. Он сам помог реализовать немало певческих книг-рукописей. Этим Москвин фактически занимался до самой своей смерти. Василий Патрикеевич также много потрудился и для своего язвицкого прихода, в котором он пользовался огромным уважением. Он считался человеком весьма отзывчивым «на все хорошее» и ни одно дело в приходе не обходилось без его деятельного участия. Его голос в старообрядческих Язвищах имел первостепенное значение. Похороны В.П. Москвина были очень торжественными, отдать ему последний долг пришел весь язвицкий приход.³

В том же 1909 году председатель Покровской уездной земской управы докладывал владимирскому губернатору, что во вверенном ему уезде главными центрами старообрядцев-«австрийцев» являлись село Дулёво и деревня Язвищи. «Вторым гнездом старообрядцев поповцев-окружников служит дер. Язвищи; в этой деревне имеется особое молитвенное здание, где уставщиками старообрядцев и управляется богослужение.»⁴

В 1910 году старообрядческий журнал «Церковь» опубликовал следующую заметку о язвицком приходе:

«Наш старообрядческий приход начинает возрождаться. В местном старообрядческом храме сооружен новый иконостас, скоро будут привезены колокола. Заметно улучшается крюковое пение в местном старообрядческом храме. 14 сентября здесь на храмовый праздник во имя великомученика Никиты был приглашен старообрядческий священник из Дулева, Влад. губ, о. Петр Пронин и совершил всенощное бдение.

*Всем этим улучшениям в нашем приходе мы обязаны П.В. Москвину, на средства которого улучшения эти происходят в нашем приходе».*⁵

³ Церковь. М., 1909. №17. С.566.

⁴ Государственный Архив Владимирской Области (ГАВО), Ф.40, ОП.1, Д.20893, л.28-28об.

⁵ Язвицы, Покровского уезда. // Церковь. 1910. №50. С.1244.

Из вышеприведенного мы можем понять, что в новом храме, который был сооружен незадолго до этого, в 1906 году, продолжалось его обустройство. В нем постепенно устанавливались все атрибуты, которые необходимы для полноценной церкви.

Советскую власть язвицкий старообрядческий приход встретил вроде бы более-менее спокойно. Никакой информации об эксцессах нами не обнаружено. В период НЭПа, в деревне Язвищи существовало несколько лавок, включая и ту, в которой продавали церковную утварь и иконы. Лавкой этой владели старообрядцы и весь товар, по рассказам старожилов, привозился с Рогожского кладбища. Самостоятельного старообрядческого прихода в деревне не было и она, по прежнему, входила в состав соседнего Дулёвского прихода. Язвицкие старообрядцы окормлялись местным о. Петром Прониным. В моленной молились т.н. «мужицким» образом, т.е. без священника, который наезжал сюда время от времени.

Закрита старообрядческая церковь в селении Язвищи была значительно позже многих других старообрядческих молитвенных зданий этого региона, незадолго до начала Великой Отечественной войны. На остававшееся открытым культовое здание обратил внимание Орехово-Зуевский Райисполком и поднял вопрос о передаче его «под культурные цели». Инициатива, как это в то время происходило, поддерживала областная власть. Решение Мособлисполкома от 13 февраля 1941 года за №330 гласило: «Учитывая, что церковь в селе Язвищи бездействует, группа верующих распалась и новой группы верующих после соответствующего извещения не оказалось, разрешить Исполкому Орехово-Зуевского Райсовета церковь в с. Язвищи закрыть, а здание переоборудовать под избу-читальню».⁶ Уже упоминавшаяся мною О.П. Софьянкова говорила, что моленную будто бы закрыли в 1937 году. Скорее всего, здесь мы имеем дело просто с определенной ассоциацией с годом, когда произошло довольно много трагических моментов: репрессии, закрытие многих церквей. Возможно, если бы молитвенное здание функционировало бы до начала войны, то после этого момента ее никто не стал бы закрывать.

Однако вместо «избы-читальни» в здании моленной был устроен ссыпной пункт. Именно он был здесь, согласно сведениям о недействующих старообрядческих молитвенных зданиях на территории Московской области по состоянию на 1 июля 1945 года.⁷ Кстати, по сло-

⁶ Центральный Государственный Архив Московской Области (ЦГАМО). Ф.2157. Оп.1. Д.2163. Л.184.

⁷ Центральный Архив Города Москвы (ЦАГМ). Ф.3004. Оп.1. Д.4. Л.13.

вам известной хранильницы исторической памяти Гуслиц и соседних местностей, Устины Григорьевны Андрияновой (1923-2010), нахождение в старообрядческих молитвенных зданиях подобных «спынных пунктов» и зернохранилищ на какое-то время давало возможность сохранять их интерьер. Колхозное начальство, которое само происходило из среды старообрядцев, использовало помещение, засыпая в него зерно, картофель и т.п., не разрушая иконостаса, киотов, не трогая даже лампад, висевших перед иконами. Громить интерьеры таких прежних моленных стали только в 1950-х гг. Кстати, какие-то иконы из моленной в Язвищах могли после войны попасть в соседние открытые храмы деревень Загряжская и Губинская (ныне - Губино). Язвичские старообрядцы вошли в приход последней. Почему-то, скорее всего по причине традиционно высокомерного отношения к гусякам, язвичские старообрядцы игнорировали моленную в Загряжской и ходили на моление в Губинскую. Загряжская моленная сгорела в 1966 году, в Губино же нам никто не смог поведать что-то конкретного о наличии там икон и предметов из Язвищ.

Во второй половине 1940-х гг., согласно сведениям уполномоченного Совета по делам культов по г. Москве и Московской области, в Язвищах существовала незарегистрированная старообрядческая религиозная группа. В ее состав входило 10-11 человек, которые проводили молитвенные собрания на дому. В 1949 году, «благодаря принятым со стороны местных органов власти мерам», эта группа вроде бы прекратила свою деятельность.⁸ Старожилы же рассказывали о значительно большем числе домов, в которых после закрытия в Язвищах старообрядческой моленной, проводились молитвенные собрания. Причем на такие собрания приходили даже дети и подростки. Власти явно владели далеко не полной информацией.

В 1956 году, в июле месяце, уполномоченный рассматривал просьбу Исполкома Орехово-Зуевского Райсовета о сломе «угрожающего обвалом» бывшего старообрядческого молитвенного здания в деревне Язвищи.⁹ Сразу после этого оно было разрушено и на этом история моленной в Язвищах заканчивается.

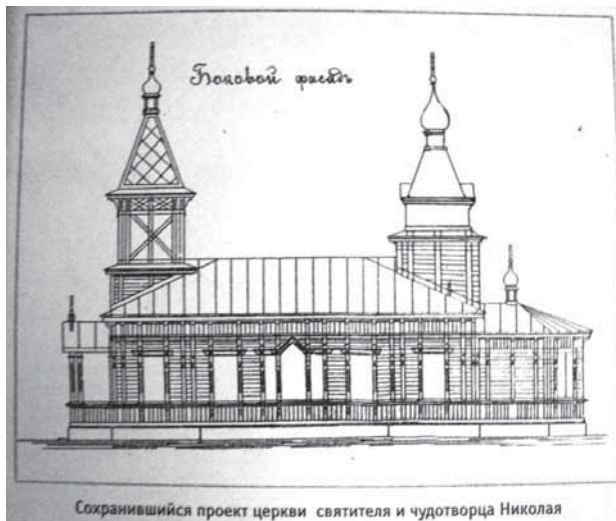
⁸ ЦАГМ. Ф.3004. Оп.1. Д.18. Л.10.

⁹ ЦАГМ, ф.3004, оп.1, д.1, л.52.

Андрей Леонидович Ершов
канд.ист.наук, эксперт-лингвист
ФБУ Владимирская лаборатория
судебной экспертизы МЮ РФ

ИСТОРИЯ ЕДИНОВЕРЧЕСКОГО ХРАМА В РАДИЛОВЕ

В 1902 году жители деревни Радилово Судогодского уезда Владимирской губернии обратились во Владимирскую консисторию с просьбой разрешить им построить у себя в деревне храм единоверческого прихода во имя свт. Чудотворца Николая. Первые пожертвования (1000 руб.) были сделаны жительницей д. Вежки Верой Сергеевной Кузнецовой. Добровольные пожертвования на строительство храма собирались не только во Владимирской губернии, но и в Костромской, Нижегородской, Ярославской, Симбирской и Самарской епархиях по благословению соответствующих архиереев. Для храма в Радилове был использован разработанный архитектором Н.Д. Корицким проект. Наконец в 1912 году строительство деревянного храма на добровольные пожертвования было завершено и он был освящен 30 сентября (ст.ст.). При храме была деревянная колокольня с колоколом весом 50 пудов. Приход состоял из села Радилова и деревень Митино, Вежки и Жарцы¹.

¹ Судогодское благочиние. История приходов и храмов / протоиерей Георгий (Морохин), Н.В. Белицина. – М.- Судогда, 2004. - С. 98.

После революции единоверческий храм в Радилове оказался одним из немногих, которые не затронуло изъятие церковных ценностей для голодающих Поволжья в апреле 1922 г., т.к. в храме из серебряных вещей был только сосуд, не подлежащий изъятию².

Известно, что в 1921 г. в храме служил Покровский Петр Сергеевич (1875–1957), родившийся в с. Дубенки Судогодского уезда. В 1895 г. он закончил Владимирскую духовную семинарию, 20 мая 1897 рукоположен во диакона в Боголюбовском монастыре к Троицкому женскому монастырю г. Муром, 30 декабря 1912 г. рукоположен во священника к тюремной церкви г. Мурома³. Можно предположить, что служить в Радилове он начал из-за закрытия тюремной церкви г. Мурома после Декрета об отделении Церкви от государства. Впрочем, уже в 1922 г. он служил в с. Бутылицы Меленковского уезда, а 9 февраля 1930 г. был арестован и приговорен к 3 годам ИТЛ. С 1946 г. он служил в с. Никулино Селивановского района, 19 апреля 1947 г. возведен в сан протоиерея, в 1955 г. уволен за штат и 21 июля 1957 г. скончался в г. Муроме⁴.

В 1928 г. богослужения в храме в с. Радилове прекратились. Вскоре (вероятно, в начале 1930 г.) верующие перестали уплачивать полагающиеся платежи за храм⁵. 15 января 1930 г. на страницах владимирской газеты «Призыв» появилось сообщение о том, что «члены крупного Родиловского колхоза вынесли решение закрыть церковь в с. Родилово (Судогодского района). Здание церкви будет использовано под дом культуры»⁶. 21 февраля того же года общее собрание граждан села, «заслушав доклад избача т. Малышева Михаила о реализации церквей в пользу государства, принимая во внимание, что в настоящее время ... как никогда, разносятся слухи о разных событиях с религиозным направлением, что является одурманиванием темных деревенских масс, при том учитывая важность нужды в помещениях для культурных нужд нашего района, единогласно постановили передать данную церковь государству для использования на культурно-просветительские нужды»⁷.

28 января 1931 г. райфинотдел предлагает райисполкому расторгнуть договор с общиной за долги, указывая, что богослужения в храме прекратились в 1928 г. и что верующие категорически отказались от уплаты налогов⁸. К материалам прилагалась записка верующих: «категорический отказ верующих от уплаты налогов» в действительности был лишь констатацией факта отсутствия возможности уплатить пла-

² ГАВО. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 175. Л. 13.

³ <http://www.vladkan.ru/personal/1515170000.html>

⁴ Там же.

⁵ ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 3. Д. 185. Л. 18.

⁶ Церковь под дом культуры // Призыв, 1930, 15 января, с. 2.

⁷ ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 3. Д. 185. Л. 16.

⁸ Там же. Л. 14, 18.

тежи и несколько наивным предложением использовать для этого церковные предметы⁹. 7 февраля райисполком постановил расторгнуть договор и выслал документы в Ивановский облисполком¹⁰. Но облисполком не утвердил это постановление и 19 марта велел райфинотделу пересчитать сумму платежей, в случае же неуплаты через 2 месяца снова начать оформление расторжения договора¹¹. Данное решение облисполкома, вероятно, следует рассматривать как следствие статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов».

31 июля 1931 г. райфинотдел второй раз предлагает райисполкому расторгнуть договор с общиной за долги, при этом отмечает, что им был проведен перерасчет суммы и что постоянного священника в храме нет (богослужения проводятся редко приезжими священниками)¹². 4 августа райисполком постановил расторгнуть договор и выслал документы в Ивановский облисполком¹³. Но облисполком и во второй раз не утвердил это постановление. Дело в том, что расторжение договора не являлось окончательным решением вопроса: после этого требовалось либо найти платежеспособную общину верующих и отдать им храм в аренду, либо ставить вопрос об окончательном закрытии («ликвидации») церкви. Поэтому 3 октября облисполком велел райисполкому сообщить, под какие цели будет использовано здание, а также выслать план и смету переоборудования с указанием источников финансирования либо предложить арендовать здание церкви другой общине, которая бы оплатила все долги за храм. 7 и 28 декабря 1931 г. и 23 января и 4 февраля 1932 г. облисполком напоминал райисполкому о своем запросе¹⁴.

4 февраля 1932 г. райисполком сообщил, что «были приняты меры путем оповещения окружающего населения на сдачу в аренду молитвенного здания в Радилово ..., но желающих арендовать церковь не было»¹⁵. При этом не выслал другие запрошенные материалы.

26 апреля Комиссия по рассмотрению религиозных вопросов при президиуме Ивановского облисполкома постановила утвердить постановление райисполкома о расторжении договора и поручить райисполкому выслать весь необходимый материал для оформления ликвидации храма, а именно: план использования здания с указанием о наличии средств на это¹⁶.

Как говорилось выше, расторжение договора являлось частичным решением вопроса. Хотя, т.к. в облисполком были предо-

⁹ Там же. Л. 17.

¹⁰ Там же. Л. 13.

¹¹ Там же. Л. 12.

¹² Там же. Л. 9.

¹³ Там же. Л. 7.

¹⁴ Там же. Л. 2-6.

¹⁵ Там же. Л. 1.

¹⁶ Там же. Л. 29.

ставлены сведения, что «желающих арендовать церковь не было», он мог вынести постановление и о ликвидации; тем более что в его распоряжении было ходатайство общего собрания граждан села от 21 февраля 1930 г. об использовании церкви на культурно-просветительские нужды. Следует отметить, что использование церквей на культурно-просветительские нужды (обычно клуб) больше приветствовалось, чем использование под хозяйственные нужды (чаще всего это предполагало использование под склад). Во-первых, пропаганда тех лет всячески подчеркивала противопоставление клуба, как символа просвещения, храму, как символу мракобесия и невежества. Во-вторых, использование под клуб требовало переоборудования, после которого требования верующих вернуть храм становились неуместными, т.к. новое здание мало напоминало церковь. При использовании же под склады в храмах нередко оставался нетронутым даже иконостас, не говоря о настенных росписях и других атрибутах храма (купола, колокольни). Это на долгие годы оставалось своеобразным напоминанием о религии, а нередко и поводом для верующих требовать возвращения храма.

Использовался ли храм под культурно-просветительские нужды, неизвестно. Дело в том, что 14 января 1932 г. в судогодской газете «Ударник» указывалось, что сельсовет провел сбор подписей среди колхозников об использовании храма под больницу. Также в статье указывалось, что колокола решено снять и передать Рудметаллторгу и что ключи от храма в настоящее время хранятся у «Андрея блаженного»¹⁷.

В 1933 г. Судогодский райисполком, предоставляя в Ивановский облисполком сведения о количестве колоколов в храмах района, не упоминает этот храм¹⁸, что дает основания считать, что к тому времени их уже сняли.

В годы Великой Отечественной войны помещение храма использовалось как казарма для летчиков располагавшегося неподалеку аэродрома. В конце 1940-х гг. храм был разобран, бревна пошли на строительство клуба¹⁹.

На месте разрушенного храма 25 апреля 2003 г. в Великую пятницу был установлен памятный Поклонный крест. 22 мая 2003 в день памяти святителя и чудотворца Николая священниками Свято-Екатерининского храма г. Судогды был отслужен молебен и освящен Поклонный крест в присутствии жителей села и прихожан храма Николы на Берсеневке г. Москвы²⁰.

¹⁷ Ударник, 1932, 14 января.

¹⁸ ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 1. Д. 5. Л. 84.

¹⁹ Судогодское благочиние. История приходов и храмов / протоиерей Георгий (Морохин), Н.В. Белицина. – М.- Судогда, 2004. – С. 99.

²⁰ Там же. С. 99.

Андрей Леонидович Ершов
кандидат исторических наук
г. Владимир

**УЧАСТНИКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ – ЧЛЕНЫ
СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ЦЕРКОВНЫХ ОБЩИН
ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1923 Г.
(на материалах ГАВО. Ф. Р-307. Оп. 2)**

В 1923 г. советской властью была проведена регистрация всех церковных общин. При регистрации община должна была предоставить в числе прочего списки духовенства, церковного совета и церковной общины. Про каждого человека необходимо было указать его фамилию, имя, отчество, место проживания, дореволюционную сословную принадлежность, деятельность с 1914 г., классовую принадлежность на 1923 г., имущественное положение и время присоединения к данной общине. По графе, в которой указывалась деятельность с 1914 г., можно частично восстановить список участников Первой мировой войны (естественно, только вернувшихся с войны) с краткими биографическими данными до начала 1920-х гг. Последнее обстоятельство является несомненным плюсом данного источника информации. Недостатков у данного источника информации также немало. Так, по нему нельзя выявить участников Первой мировой войны, если они не входили в церковные общины. Также по нему нельзя выявить участников Первой мировой войны, если они сменили место жительства; при этом можно обнаружить участников Первой мировой войны, которые были призваны в других местах, но в 1923 г. проживали на исследуемой территории. Следует отметить, что многие люди не указывали свою деятельность с 1914 г. Особенно характерно это для прихожан сельских храмов. Дело в том, что в городских храмах состав прихожан был довольно пестрым как по дореволюционной сословной принадлежности, так и по послереволюционной классовой и профессиональной принадлежности (рабочие (пролетарии), крестьяне, безработные, пенсионеры, домохозяйки, а также представители самых разнообразных профессий), поэтому прихожане городских церквей подробно указывали свою сословную, классовую, профессиональную принадлежность (в каждом случае непохожую на данные параметры других), а следовательно, заполняли и графу о своей деятельности с 1914 г. Это позволяет выявить участников Первой мировой войны; более того, иногда даже в графе о своей дорево-

люционной сословной принадлежности указывали: «солдат», «военно-служащий». В списках же прихожан сельских храмов зачастую заполнена только первая графа (фамилия, имя, отчество) и вторая (аршинными буквами указывалось место проживания), далее опять же аршинными буквами писалось: «крестьяне», «землепашцы»; естественно, что графа о деятельности с 1914 г. оказывалась просто незаполненной. Учитывая, что некоторые фамилии этих «крестьян» - «землепашцев» были вычеркнуты – обычно с пометой «торговец», один раз «жандарм» (некоторые категории граждан, т.н. «бывшие», не имели права в числе прочего быть членом церковных общин), – можно смело утверждать, что в действительности такого однообразия не наблюдалось, а в графе о своей деятельности с 1914 г. «крестьяне» - «землепашцы» могли написать много интересного, в т.ч. и об участии в Первой мировой войне.

Особо следует оговорить неопределенность формулировок. В отношении части людей не вызывает сомнения факт участия в боевых действиях в Первой мировой войне (эти лица указывали, например, что находились в плену либо писали: «участвовал солдатом в Германской войне»). Вторая категория – это те, кто указывали, что служили в царской армии (графа четко указывала, что это происходило с 1914 г., а не раньше, поэтому маловероятно, что писавшие подразумевали службу до начала Первой мировой войны), иногда даже указывали годы, полностью либо частично совпадающие с годами Первой мировой войны. В отношении данной категории нельзя однозначно понять, являлись ли они участниками боевых действий или только служили в армии в годы Первой мировой войны. Наконец, третья категория – это те, кто указал только факт военной службы; здесь нельзя понять, идет ли речь о службе в царской или в Красной армии (лица, указавшие, что служили только в Красной армии, в статье не указываются). В третью категорию включены и лица, написавшие о себе: «Служил»; у данных лиц не представляется возможным даже понять, о военной или гражданской службе идет речь.

Записывались прихожане семьями, начинали с самых старших членов семьи, затем указывались дети, жены всегда записывались после мужей. Это позволяет установить точный состав семьи: отец семейства, мать (иногда только кто-то один), затем сыновья (на то, что это сыновья, указывают отчества, производные от имени отца) с женами (иногда без жен), далее незамужние дочери. Всех их объединяла одна фамилия; отделить дочерей от жен сыновей опять же помогает отчество, производное или производное от имени отца семейства.

По такому алгоритму у участников войны, указанных в статье, будут определены родители, жены, братья, сестры, совершеннолетние дети (несовершеннолетние не указывались в списках).

Община старообрядцев «Спасово согласие» г. Коврова¹.

1) Закутин Иван Борисович (ул. Октябрьская, 25), «с 1914 г. служил в армии и различных учреждениях», крестьянин (по происхождению), имеет лошадь, присоединился к обществу – 1893 г. (возможно, год рождения).

2) Гонохин Николай Петрович (ул. Свердлова, 3), «с 1914 г. служил в армии и советских учреждениях», мещанин (по происхождению), имеет лошадь, присоединился к обществу – 1884 г. (возможно, год рождения).

3) Евстигнеев Павел Тимофеевич (ул. Троцкого, 4 - 23), 1910–1918 гг. – военная служба, 1918–1923 гг. – огнесклад.

4) Кислов Алексей Васильевич (Базарн. уг. Мостовой, 15 - 14), 1914–1918 гг. – в армии, 1918–1922 гг. – в Красной Армии, потом Бумажный трест.

5) Кислов Павел Васильевич (ул. Пролетарская), «был на военной службе», в графе о дореволюционном сословии – «солдат».

Возможные участники войны:

6) Евстигнеев Петр Тимофеевич (ул. Троцкого, 8 - 20), «был на военной службе» (когда?).

7) Першин Федор Иванович (Подъяческая, 5 - 12), «в рядах армии» (когда?).

8) Першин Константин Иванович (Абельмана, 2 - 1), «в рядах армии» (когда?).

9) Першин Василий Иванович (Пролетарская, 11 - 4), «военнообязанный» (когда?).

10) Першин Андрей Николаевич (Базарная, 22/17 - 14), «на военной службе (когда?), служил в Учреждении», «рядовой» (когда?).

Община старообрядцев-поморцев г. Вязники².

Староверов Михаил Сергеевич (д. Б. Холмы), рабочий, из крестьян, «участвовал в войне империалистической и гражданской», живет «при отце».

¹ ГАВО. Ф. Р-307. Оп. 2. Д. 234. Л. 5; Д. 235. Л. 15.

² ГАВО. Ф. Р-307. Оп. 2. Д. 164. Л. 17 (об.) – 18.

Община старообрядцев с. Микляево Сергиевской волости Вязниковского уезда (Богородице-Рождественский единоверческий храм)³.

Степанов Иван Тимофеевич, крестьянин, (с 1914 г.) «бывший фертфебель» (так в тексте), семья из 4 человек мужского пола и 3 женского, имеет дом, амбар, «сельницу» (так в тексте, точно не «мельницу»), сарай, лошадь, корову.

Община старообрядцев посада Мстеры Вязниковского уезда (Троицко-Никольский единоверческий храм)⁴

1) Белов Иван Дмитриевич (ок. 1877 г.р.), рабочий, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Марья Ивановна (ок. 1884 г.р.), домохозяйка; имеет деревянный дом.

2) Бороздин Венедикт Дмитриевич (ок. 1887 г.р.), иконописец, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Фелицата Александровна (ок. 1897 г.р.), домохозяйка; имеет каменный дом; мать – Агриппина Федоровна (ок. 1855 г.р.), безработная, «живет у сына».

3) Голышов Алексей Федорович (ок. 1898 г.р.), кузнец, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Марья Алексеевна (ок. 1900 г.р.), домохозяйка; живет на квартире; брат – Иван Федорович (ок. 1883 г.р.), жена – Александра Степановна (ок. 1885 г.р.); отец – Федор Александрович (ок. 1847 г.р.), безработный, бывший кузнец.

4) Гурьянов Александр Иванович (ок. 1898 г.р.), рабочий-мясник, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; отец – Иван Федорович (ок. 1875 г.р.), рабочий-мясник, мать – Наталья Александровна (ок. 1874 г.р.), домохозяйка; имеет деревянный дом и корову.

5) Демидов Александр Иванович (ок. 1884 г.р.), домохозяин, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Лидия Петровна (ок. 1897 г.р.), домохозяйка; имеет полукаменный дом и корову; отец – Иван Никифорович (ок. 1858 г.р.), безработный, «живет у сына».

6) Демидов Иван Сергеевич (ок. 1881 г.р.), рабочий, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Клавдия Ивановна (ок. 1891 г.р.), домохозяйка; имеет дом и корову.

7) Егорычев Василий Иванович (ок. 1893 г.р.), мясник, «служил в армии в войну с Германией и в Красной Армии», из крестьян; жена – Анна Степановна (ок. 1898 г.р.), домохозяйка; имеет деревянный дом.

³ ГАВО. Ф. Р-307. Оп. 2. Д. 110. Л. 3 (об.).

⁴ ГАВО. Ф. Р-307. Оп. 2. Д. 437. Л. 3-14.

8) Егорычев Михаил Иванович (ок. 1883 г.р.), иконописец, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Фелицата Ивановна (ок. 1898 г.р.), домохозяйка; имеет деревянный дом.

9) Егорычев Федор Иванович (ок. 1876 г.р.), рабочий, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; живет на квартире.

10) Егорычев Николай Евлампиевич (ок. 1886 г.р.), кузнец, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Агриппина Викторовна (ок. 1888 г.р.), домохозяйка; имеет деревянный дом и корову.

11) Захаров Иван Васильевич (1877 г.р.), рабочий фабрики, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Анна Федоровна (ок. 1880 г.р.), домохозяйка; имеет деревянный дом.

12) Захаров Константин Васильевич (1879 г.р.), рабочий фабрики, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Анна Дмитриевна (ок. 1883 г.р.), домохозяйка; имеет деревянный дом.

13) Захаров Иван Николаевич (ок. 1892 г.р.), рабочий, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Клавдия Ивановна (ок. 1900 г.р.), домохозяйка; живет на квартире.

14) Кибирев Яков Васильевич (ок. 1879 г.р.), торговец бакалейными товарами, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Марья Алексеевна (ок. 1888 г.р.), домохозяйка; имеет каменный дом и корову.

15) Козлов Александр Иванович (ок. 1880 г.р.), рабочий, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Капитолина Ивановна (ок. 1883 г.р.), домохозяйка; имеет дом; мать – Екатерина Васильевна (ок. 1856 г.р.), имеет полукаменный дом и корову.

16) Крестьянинов Николай Васильевич (ок. 1888 г.р.), рабочий в кооперативе, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Елизавета Федоровна (ок. 1897 г.р.), домохозяйка; имеет каменный дом.

17) Крестьянинов Николай Васильевич (ок. 1890 г.р.), арендатор завода, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Клавдия Павловна (ок. 1891 г.р.), домохозяйка; имеет дом и корову.

18) Крестьянинов Яков Иванович (ок. 1889 г.р.), мучной торговец, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Елизавета Федоровна (ок. 1899 г.р.), домохозяйка; имеет каменный дом и корову; брат – Петр Иванович (ок. 1883 г.р.), бывший волостной староста, кустарь – производство икон, жена – Анна Васильевна (ок. 1886 г.р.).

19) Купчихин Александр Викторович (ок. 1889 г.р.), служит в кооперативе, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Екатерина Тимофеевна (ок. 1895 г.р.), домохозяйка; имеет деревянный дом и корову.

20) Купчихин Михаил Викторович (ок. 1897 г.р.), рабочий, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Татьяна Яковлевна (ок. 1898 г.р.), домохозяйка; имеет деревянный дом.

21) Купчихин Яков Семенович (ок. 1895 г.р.), фабричный рабочий, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Агриппина Васильевна (ок. 1895 г.р.), домохозяйка; имеет деревянный дом; мать – Евдокия Дмитриевна (ок. 1874 г.р.), безработная, «живет у сына».

22) Курбатов Иван Осипович (ок. 1881 г.р.), рабочий, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Татьяна Ивановна (ок. 1885 г.р.), домохозяйка; имеет деревянный дом и корову.

23) Малев Владимир Евлампиевич (ок. 1877 г.р.), огородник, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Пелагея Васильевна (ок. 1876 г.р.), домохозяйка; имеет деревянный дом и корову.

24) Миронов Иван Иванович (ок. 1878 г.р.), кустарь – производство икон, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Евдокия Федоровна (ок. 1869 г.р.), домохозяйка; имеет дом и корову.

Миронов И.И., предприниматель, арестован 2 октября 1929 г., осужден на 3 года ссылки⁵.

25) Мумриков Александр Петрович (ок. 1890 г.р.), рабочий, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Александра Васильевна (ок. 1900 г.р.), домохозяйка; имеет деревянный дом; мать – Анна Васильевна (ок. 1866 г.р.), домохозяйка, брат – Иосиф (ок. 1885 г.р.), рабочий, жена брата – Ольга Осиповна (ок. 1887 г.р.).

26) Панкратов Петр Иванович (ок. 1887 г.р.), безработный, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Софья Алексеевна (ок. 1895 г.р.), домохозяйка; мать – Марья Андреевна (ок. 1857 г.р.); имеет дом и корову.

27) Сеньков Михаил Александрович (ок. 1894 г.р.), фабричный рабочий, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Марья Ивановна (ок. 1895 г.р.), домохозяйка; имеет деревянный дом и корову; мать – Марья Никитична (ок. 1853 г.р.), безработная, имеет дом.

28) Сеньков Петр Александрович (ок. 1889 г.р.), фабричный рабочий, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Ека-терина Тимофеевна (ок. 1887 г.р.), домохозяйка; имеет деревянный дом и корову; мать – Марья Никитична (ок. 1853 г.р.), безработная, имеет дом.

29) Силин Марк Яковлевич, служитель культа, «служил в армии в войну с Германией, был в плену в Германии, служил в Р.К. Военно-

⁵ Боль и память. Книга памяти жертв политических репрессий Владимирской области: В 2 т. / Сост. А. Семенов, Е. Селиверстов. – Владимир, 2001. – Т. 1.

Морской инспекции в Николаеве, теперь с 23 года диакон на настоящем месте», из крестьян.

30) Тюлин Александр Яковлевич (ок. 1888 г.р.), домохозяин, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Евдокия Михайловна (ок. 1892 г.р.), домохозяйка; имеет деревянный дом.

31) Тюлин Иван Александрович (ок. 1881 г.р.), сапожник, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Серафима Ивановна (ок. 1890 г.р.), домохозяйка; имеет каменный дом и корову.

32) Тюлин Иван Алексеевич (ок. 1897 г.р.), сапожник, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; мать – Евлампия Степановна (ок. 1858 г.р.), домохозяйка; имеет деревянный дом и корову; брат – Николай Иванович (ок. 1896 г.р.), сапожник, жена брата – Анна Григорьевна (ок. 1897 г.р.), домохозяйка.

33) Тюлин Сергей Иванович (ок. 1898 г.р.), кустарь, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Ольга Яковлевна (ок. 1898 г.р.), домохозяйка; живет на квартире, имеет корову.

34) Чернышов Дмитрий Петрович (ок. 1893 г.р.), иконописец, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Марья Ивановна (ок. 1902 г.р.), домохозяйка; живет на квартире; отец – Петр Васильевич (ок. 1869 г.р.), мать – Ираида Александровна (ок. 1873 г.р.), имеют деревянный дом и корову.

35) Чернышов Иван Алексеевич (ок. 1886 г.р.), портной, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Анна Александровна (ок. 1895 г.р.), домохозяйка; живет на квартире.

36) Чернышов Николай Васильевич (ок. 1885 г.р.), рабочий, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Вера Ивановна (ок. 1889 г.р.), домохозяйка; имеет деревянный дом и корову.

37) Чириков Николай Александрович (ок. 1882 г.р.), фабричный рабочий, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Анастасия Федоровна (ок. 1887 г.р.), домохозяйка; имеет каменный дом и корову.

38) Чувалин Александр Васильевич (ок. 1881 г.р.), сапожник, «служил во флоте», из крестьян; жена – Клавдия Андреевна (ок. 1887 г.р.), домохозяйка; имеет деревянный дом и корову.

39) Чувалин Василий Иванович (ок. 1897 г.р.), сапожник, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Екатерина Ивановна (ок. 1890 г.р.), домохозяйка; имеет деревянный дом.

40) Чувалин Иван Васильевич (ок. 1874 г.р.), рабочий-плотник, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Евдокия Петровна (ок. 1877 г.р.), домохозяйка; имеет деревянный дом.

41) Чувалин Иосиф Васильевич (ок. 1885 г.р.), рабочий, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Матрена Георгиевна (ок. 1887 г.р.), домохозяйка; имеет деревянный дом.

42) Щадрин Алексей Иванович (ок. 1885 г.р.), домохозяин, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Пелагея Ивановна (ок. 1890 г.р.), домохозяйка, мать – Марья Андреевна (ок. 1859 г.р.), безработная; имеет деревянный дом.

43) Юкин-Захаров Яков Петрович (ок. 1895 г.р.), сапожник, «служил в армии в войну с Германией», из крестьян; жена – Капитолина Ивановна (ок. 1899 или 1889 г.р.), домохозяйка; живет на квартире.

Отсутствуют указания об участии духовенства и прихожан в Первой мировой войне в делах о регистрации следующих общин:

- с. Борисовское Владимирского уезда (сейчас Суздальского района)⁶;
- д. Соколово Владимирского уезда (сейчас Судогодского района) (беспоповцы, община находилась в подчинении Преображенского кладбища в Москве)⁷;
- д. Левино Собинской волости (сейчас Собинского района)⁸;
- д. Ларионово (беспоповцы «Спасова согласия»), Перово Вязниковского уезда⁹;
- с. Красное (поморцы брачного согласия), д. Дубки (старопоморцы), Злобаево (беспоповцы «Спасова согласия») и Рытово (Белокриницкая иерархия) Гороховецкого уезда¹⁰;
- с. Верхний Ландех (беспоповцы, Ильинская церковь) и Пестяки (Троицкая церковь)¹¹ Гороховецкого уезда (сейчас Ивановской области);
- г. Меленки, с. Воиново, Дубцы, Илькино, Тимошино Меленковского уезда¹²;
- с. Ивонино Судогодского (потом Муромского) уезда (сейчас Селивановского района) – Казанская единоверческая церковь¹³.

⁶ ГАВО. Ф. Р-307. Оп. 2. Д. 120.

⁷ Там же. Д. 407.

⁸ Там же. Д. 266.

⁹ Там же. Д. 264, 344.

¹⁰ Там же. Д. 249, 195, 208, 381.

¹¹ Там же. Д. 139, 345.

¹² Там же. Д. 282, 147, 197, 220, 420.

¹³ Там же. Д. 213.

ЦЕРКОВНЫЙ РАСКОЛ И СОСТОЯНИЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВА В ГОРОХОВЕЦКОМ УЕЗДЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В XVII - НАЧ. XX ВВ.

Церковный раскол в Гороховецком уезде. XVII век

В середине XVII века, в результате церковных реформ патриарха Никона, произошел раскол доселе непоколебимой православной веры. В расколе обвинили приверженцев старых обрядов, на них организовали жестокие гонения. Укрытием для старообрядцев становились дремучие леса. В выгодном положении здесь оказались соседние мало заселенные Гороховецкие земли.

Не мало, нужно полагать, способствовали географические особенности Гороховецкого уезда. Уезд, из В 1958 году умерла прабабушка Клавдия Ивановна Дудочкина, завещание на дом она написала на меня, но как раз в тот момент моего мужа Василия Петровича Носоченко назначили заместителем директора Ангарского комбината, огромная ответственность, в его подчинении оказались 12 отделов. Муж сказал – ехать ему в Егорьевск

обиловавший громадными ле-сами, в которых находилось немало болот и озер, представлял особенно в северной своей части в так называемом «залесье», довольно глухую сравнительно удаленную от просветительных центров местность. Население в уезде по местам было настолько разрежено, что, например, в средней части его не было селений на пространстве 25-ти и более верст¹. В более ранние времена, когда, без сомнения, и лесов было больше, и пути сообщения труднее, Гороховецкий уезд представлял собою, по крайней мере, в средней и северной своих частях пустынную малонаселенную местность. Но такие именно местности и привлекали к себе староверов в эпоху преследования их со стороны правительства. Не удивительно, что в Гороховецкий уезд стали стекаться старообрядцы-переселенцы из других мест.

Примечательно, что по данным писцовой книги 1670 года в Гороховце проживала «801 душа мужского пола»², а между тем, в городе действовали три монастыря (два мужских и один женский) и два отдельных комплекса приходских церквей. Не исключено, что именно

¹ Андреев Н.И. Гороховецкий край. Очерки прошлого. – Гороховец, 1995. – с.24.

² Андреев Н.И., Скворцов А.И. Гороховец: Ист.-краевед. Очерк. – Ярославль: Верхн.-Волж. кн. изд-во, 1988. – с.30.

для утверждения «новообрядческой» церкви маленький городок имел столько православных храмов.

О том, что произошло с православной верой в середине XVII века, сейчас мы можем узнать из любого учебника истории. Но в XIX веке в Гороховецком уезде существовала легенда, с другой версией церковного раскола. Вот её краткое содержание: *«При патриархе Иосифе было положено начало исправлению богослужебных книг Арсением греком, но вместо исправлений он вносил в них ереси, за что и был посажен патриархом в каменный столб. Когда после смерти Иосифа патриархом сделался Никон, то он освободил Арсения и поручил ему опять исправлять книги. Арсений опять внёс в книги разные ереси и тайно зарыл эти испорченные им книги в какой-то горе близ Москвы, а Никону сказал, что ему было видение и в этом видении было открыто, что в таком-то месте сохраняются священные книги и велено по ним исправлять церковные службы. Никон поверил и с крестным ходом отправился к тому месту, где по указанию были зарыты эти книги. Он приказал рыть в этом месте землю, и книги были действительно отрыты. Никон счёл их за чудесное явление и разослал по всем церквям. С этих пор и началась «Никонианская ересь»³.*

Уже в XVII столетии гороховчане открыто выражали свое отношение к никоновским реформам и не задумываясь предпочитали погибнуть на костре, как известный апологет древнего благочестия, борец против церковных реформ Никона протопоп Аввакум. Тайный приказ, упраздненный в 1676 году, особенно преследовал Гороховецких старообрядцев в 1673 году. Об этом свидетельствует, сохранившийся среди его дел сыск про Гороховецких «богомолов». По указу царя Федора Алексеевича, брата будущего императора Петра I, в Гороховецкий уезд была направлена команда стрельцов для борьбы с раскольниками. Слух об этом распространился среди крестьян, *«...в Гороховец приехали стрельцы для богомолов и отымать кресты»*. Вслед за этим последовало самосожжение. В этом же деле есть запись, как оно происходило: *«Гороховского уезду Красносельской волости деревни Шубина крестьяня, собрався в ночи на овине ис пяти дворов мужеска полу и женска двадцать шесть человек, сожглись до смерти»*. Оставшийся в живых сын одного из сгоревших Лука на следствии показал, что товарищи его отца «собрались на тот овин, да и зажглись. А к Церкви божии они ходили»⁴.

Сожжение в лесах скитов и зачастую людей, находившихся в них, было после реформ Никона делом обычным. В своей отписке царю Алексею Михайловичу о событиях, происходящих в заклзьяменных

³ «Отчёт о деятельности православного братства Святого Благоверного Великого князя Александра Невского за 1895-1896 год». – Вязники, 1897. – стр. 412-413.

⁴ Андреев Н.И. Гороховецкая историческая хроника. – Сборник краеведческих статей, выпуск третий. – Владимир, 2008. – с.50.

лесам Лопухин сообщает: *«А я холоп твой, по лесам и по болотам с сотники и со стрельцами ездил и из деревень мужиков проводников беру и мужики государь, ведая те кельи, не скажут про них, и я ... бью, а что выбью, то и укажут»*. В отписках Лопухина сквозит вопль о нарастающем противостоянии простых людей против господствующей церкви и своей беспомощности кардинально переломить ситуацию. Насилие помогает плохо. *«Многие (задержанные), государь, не едят дней по семи и осьми и больши, лежат голодом, безмолвствуют за караулом... Пытал и клещами жег и на пытке... безмолвствуют, ... А жег, государь, я пустынь келеи с 30 в лесах злых за болоты...»*. Пустынножители предпочитали сгореть, нежели признавать нововведения Никона. 27 декабря 1665 года Лопухин с конным отрядом стрельцов окружил пустынь на озере Кцара. Начался настоящий штурм. Как сообщает Лопухин: *«... И те государь люди из изб рогатинами и из луков стрелами и застрелили моево приказу пятидесятника Федьку Яковлева...»*. Далее Лопухин докладывает: *«... все у них сожгли»*. Сколько человек было сожжено, неизвестно. По словам пустынника Леонида из этой обители, задержанного ранее, там могло быть *«человек с 310 и больши»*. Задержанным там оказался и старец Вавило Молодой, который по сообщению Лопухина сразу же *«был пытан и клещами жжон и с пытки... ничево не говорил»*. 11 января Вавило по приказу Прозоровского за *«неистовые, злохульные и страшные»* речи был сожжен на площади в Вязниках⁵.

За Клязьмой же в одной из возникших в XVII веке лесных пустыней в 1662-63 годах погиб известный в истории раскола **Капитон Даниловский**, которого П.И.Мельников (Андрей Печерский) не считал старообрядцем, так как еще до возникновения раскола при патриархе Никоне этот пустынножитель проповедовал, будто ни церковь, ни таинства не нужны для спасения, для этого достаточно одной молитвы и других личных подвигов богоугождения. Учение Капитона еще до Никона, вступившего на патриарший престол в 1652 году, распространилось уже на Владимирский, Суздальский и Гороховецкий уезды. В 50-х годах XVII века сторонники Капитоновского направления в вероисповедании сразу же отреагировали на реформы Никона резко отрицательно и после Чумного бунта в Москве в 1654 году число поселившихся в скитах за р.Клязьмой сильно возросло. В это время правительством уже принимались меры по борьбе с раскольниками. Для этой цели из Москвы на берега р.Клязьмы в 1665 году прибыл боярин князь Иван Семенович Прозоровский, который возглавил особую следственную комиссию. С Прозоровским прибыл и отряд столичных стрельцов под командованием головы стрельцов полковника Авраама Никитича Лопухина.

⁵ Андреев Н.И. Гороховецкая историческая хроника. — Сборник краеведческих статей, выпуск третий. — Владимир, 2008. — с.52

Сначала действия этого отряда проходили в пустынных Чернечевских, Нижегородских, Костромских и Муромских лесах в окрестностях Шуи, Гороховца, Муром, Вязников и Костромы, где только с декабря 1665 до середины января 1666 годов выловлено около 100 человек, не принявших реформ Никона. Однако по мере усиления раскола, во время царствования Федора Алексеевича, действия отрядов Авраамия Лопухина и стрелецкого головы Артемона Матвеева были перенесены из лесов в густонаселенные местности низовьев Оки и Клязьмы⁶.

Гороховецкие старообрядцы на рубеже XIX-XX веков. Епископ уральский и оренбургский Арсений (Онисим Швецов)

В д.Перово Вязниковского уезда (причисленная к приходу Георгиевской слободы Гороховецкого уезда) у приверженцев австрийского священства имелась церковь в доме Федора Ивановича Лабзина. Федор Иванович являлся зятем Онисима Васильевича Швецова, одного из выдающихся деятелей старообрядчества, с 1897 года ставшего епископом уральским и оренбургским Арсением. В этой церкви служил литургии и сам Швецов, во время своих приездов на родину⁷.

Родился О.В. Швецов в деревне Ильина Гора Вязниковского уезда Владимирской губернии в 1840 году в семье крестьян-беспоповцев. Десяти лет поступил в трехклассное училище, находившееся в Красном Селе близ Гороховца, которое окончил первым учеником. Чувствуя любовь к подвижнической жизни, тайком от родителей вскоре ушел в лес, называемый "Удельным бором", к проживавшим там в землянках беспоповским старцам отшельникам и прожил с ними около года. Вернувшись в родительский дом, он поступил на службу к ковровским купцам беспоповцам братьям Першиным. Однажды вместе с хозяевами он по делам был в Москве, где познакомился с архиепископом московским Антонием (Шутовым), беседа с которым произвела на него глубокое впечатление. Убедившись в правоте и законности белокриницкой иерархии, в середине 1860-х годов Онисим Васильевич присоединился к Древлеправославной Церкви Христовой. После присоединения, с 1866 по 1881 год он жил при канцелярии архиепископа Антония, исполняя работу письмоводителя. Все это время он деятельно изучал святоотеческую и старообрядческую литературу из обширной библиотеки владыки Антония и скоро выдвинулся в ряды первейших начетчиков и апологетов старообрядчества. В 1885 году он принял иночество и вскоре был рукоположен в священноиноки.

⁶ Андреев Н.И. Гороховецкая историческая хроника. – Сборник краеведческих статей, выпуск третий. – Владимир, 2008. – с.49-55.

⁷ «Отчёт о деятельности православного братства Святого Благоверного Великого князя Александра Невского за 1895-1896 год». – Вязники, 1897. – стр. 424, 441.

В том же году он уехал за границу, в Мануиловский монастырь, чтобы закончить работу над "Истинностью старообрядствующей иерархии...". Вернувшись в Россию, священноинок Арсений полностью посвящает себя проповеднической деятельности. Он объездил множество краев, везде привлекая в лоно Церкви новых последователей. Не забывал Швецов и о своих родных местах. В 1890 году, в одну из таких своих поездок, в Черниговской губернии он был ненадолго арестован за проповедь старообрядчества и заключен в тюрьму.

После смерти еп. уральского Виктора, священноинок Арсений был избран на уральско-оренбургскую епархию и 21 октября 1897 года рукоположен во епископы. Его деятельность в качестве архиерея была весьма плодотворна. Он был учредителем ежегодных Всероссийских съездов старообрядцев белокриницкого согласия, которые пробудили в Церкви новые силы. В 1898 году, после ухода на покой архиепископа Савватия, епископ Арсений был избран местоблюстителем московской архиепископии. Временно управляя церковноиерархическими делами старообрядческой российской Церкви, епископ Арсений много содействовал налаживанию ежегодного собрания Освященных соборов. При его ближайшем участии в октябре 1898 года состоялось избрание и возведение на московский престол архиепископа Иоанна (Картушина). После дарования свободы совести в 1905 году он много сделал в деле примирения раздора неокружников. Скончался еп. Арсений 10 сентября 1908 года и был погребен близ храма в г.Уральске (Казахстан)⁸. Его кончину оплакивало все старообрядчество.

Епископ Арсений был одним из самых основательных и плодотворных писателей. Общее количество написанного им не поддается учету. Кроме упомянутой "Истинности...", самыми выдающимися его произведениями принято считать: "Оправдание старообрядствующей святой Христовой Церкви", "Показание всеобдержности двоеперстного сложения и погрешностей против Святого Евангелия новообрядствующей грекороссийской церкви", "Беседа зрителя и богомольца..." и ряд других. Кроме того, им было составлено прекрасное практическое руководство к изучению церковного устава, издано много богослужебной литературы. Написанное епископом Арсением составляет классику старообрядческой литературы.

23 сентября 2011 года в Уральске прошли торжества, посвященные обретению мощей святителя Арсения. Это событие было признано историческим. Несмотря на то, что в течение ста с лишним лет склеп, где покоились его мощи, затапливался, они в большей своей части обретенны нетленными. Глава сохранилась настолько, что различимы черты лица⁹.

⁸ Епископ Арсений Уральский. Истинность старообрядствующей иерархии противу возводимым на неё обвинений. (Семейские - староверы забайкалья: <http://www.semeyskie.ru/>)

⁹ Мощи святителя Арсения перенесли в храм // «Уральская неделя». – 2011. – 26 сент.

Деятельность православного Братства Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского

В 1879 году во Владимире было учреждено православное братство, получившее имя князя Александра Невского, имевшее главной целью своей деятельности религиозно-нравственное просвещение народа в духе православной церкви¹⁰.

Одно из направлений его работы – борьба с церковным расколом и «раскольниками». Подробная ежегодная летопись жизни братства отражена в отдельно изданных отчетах за 39 лет его существования.

Из отчетов Братства мы узнаем, что ни один из уездов Владимирской епархии не был «заражен в такой степени расколом, как Гороховецкий». По числу «раскольников», которых здесь насчитывалось в самом начале XX века 12 173 души обоего пола, он занимал первое место в епархии. «Раскол издавна свил себе здесь гнездо, развился, окреп и успел получить прочную организацию».

Передаваясь из поколения в поколения, раскол в Гороховецком уезде держал на рубеже XIX и XX вв. в своих сетях 1/8 часть всего населения этого уезда.

Для борьбы с расколом в Гороховецком уезде братством были открыты 3 отделения: в г.Гороховце и селах Фоминки и Пестяки. Деятельность этих отделений состояла в следующем:

1. ведении миссионерами и некоторыми из священников публичных бесед с раскольниками о спорных предметах веры и обряда,
2. ведении священниками частных бесед с раскольниками,
3. произнесении священниками с церковного амвона проповедей, направленных к обличию раскола,
4. ведении священниками при участии некоторых дьяконов и учителей церковно-приходских школ внебогослужебных беседований и публичных чтений о расколе,
5. выдаче для чтения книг и бесплатной раздаче брошюр противораскольнического содержания,
6. привлечении церковно-приходские школы детей раскольников и религиозно-нравственное в строго православном духе воспитание и обучение их в этих школах¹¹.

Из этих способов борьбы с расколом особенно широкого развития достигли публичные беседы с раскольниками. Они велись не только специальными миссионерами Братства Тимофеем Николаевым

¹⁰ Попова М. П. История и деятельность «Православного братства святого Александра Невского» при Рождественском монастыре города Владимира (1879-1918 года) // Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции. – Новгород: «Новгородский государственный объединенный музей-заповедник», 1996.

¹¹ «Отчёт о деятельности православного братства Святого Благоверного Великого князя Александра Невского за 1895-1896 год». – Вязники, 1897. – стр. 410-411.

и Арсением Суриновым, но и многими из приходскими священников, из коих наибольшим усердием отличаются следующие села:

Татарово – о.Иоанн Сахаров,

Пестяки – о.Василий Голубев и о.Леонид Кантов,

Свято – о.Александр Беневоленский,

Купля – о.Петр Богословский,

погост Архангельский – о.Михаил Кохомский и о.Иоанн Троицкий,

Красное – о.Иоанн Афенский¹².

Из проведенных ими бесед особенного внимания заслуживают следующие две. Одна, проведенная священником Георгиевской слободы о.Леонидом Кантовым 2 июня в приходской деревне Перово с учеником Швецова Иваном Григорьевым Усовым, прибывшим на беседу из Нижегородской губернии. Другая, проведенная священником села Татарово в деревне Тараново 5 мая. Первая беседа происходила на улице, где и был устроен помост для собеседования. Предметом ее был поставлен вопрос об австрийском священстве. Усов употреблял все усилия, чтобы доказать законность этого священства, но это ему не удалось. Беседа произвела хорошее впечатление на православных слушателей, собравшихся на беседу в значительном количестве (около 500 человек обоего пола), не только из самой д.Перово, но и окрестных селений. Староверы же, по мнению православных священников, оставили беседу с чувством досады и разочарования в своем защитнике. На следующих беседах в той же деревне приверженцы старообрядчества уже не возражали и являлись лишь за тем, чтобы отказаться от беседы. Вторая беседа, по суждению членов братства, замечательна в том отношении, что всем присутствующим на ней она показала до какого упорства и ожесточения способны доходить некоторые «раскольнические наставники». Один из них, именно крестьянин деревни Внуково Кожинского прихода, Иван Иванов Дубов, приглашенный староверами на эту беседу, сначала пытался опровергнуть приведенные о.Иоанном Сахаровым свидетельства из старопечатных книг в пользу необходимости таинства св. причащения, но, когда это ему не удалось, то он заткнул пальцами свои уши и сидел в таком положении все время беседы.

Кроме православных пастырей публичные беседы со староверами в Гороховецком уезде велись, как сказано выше, и специальными миссионерами Братства Тимофеем Николаевым и Афанасием Суриновым. Всего ими было проведено здесь 54 беседы. Из них особенного внимания заслуживают следующие беседы Николаева:

1) Веденная им 26 марта в д.Перово с известнейшим апологетом раскола О.В. Швецовым и его учеником Иваном Григорьевым

¹² «Отчёт о деятельности православного братства Святого Благоверного Великого князя Александра Невского за 1895-1896 год». – Вязники, 1897. – стр. 436-438.

Усовым. Описание этой беседы в том виде, как оно было напечатано даже в журнале «Братское слово» (№11 за 1896 г.).

2) Беседа, проведенная в д.Выезд Красносельского прихода, 16 ноября 1896 года. На этой беседе один из местных староверов рассказал слышанную им от своих собратий повесть о книжном исправлении при патриархе Никоне (приведена выше). Сколько не убеждали рассказчика миссионер и православный священник в нелепости этой повести, упрямый старик не слушал их разъяснений и упорно отстаивал справедливость этой легенды.

Труды миссионеров в Гороховецком уезде не оставались бесплодными. Ежегодно в уезде бывало несколько случаев обращения из «расколов» в православие. Так в 1896 году было 11 таких случаев. Из них заслуживает особенного внимания обращение в православие старообрядки д.Перово Георгиевского прихода Евдокии Блохиной, вследствие полученного ею исцеления от болезни в православном храме с. Пурех Нижегородской губернии¹³.

Разделения в старообрядчестве, существовавшие в Гороховецком уезде

Преобладающей по числу своих членов староверческих ответвлений в Гороховецком уезде являлась беспоповщина. Ее последователи разделялись на три толка: поморский, федосеевский, нетовский, из которых наиболее распространенным был нетовский. Центром нетовщины служили приходы Фоминский и Ростригинский¹⁴.

1. Беспоповцы. а) Нетовцы. Обществом нетовцев руководило множество наставников и наставниц, каковыми, обычно, состояли старые девы. Из наставников наиболее видными были следующие:

- 1) Дер. Тараново прихода с. Свято – Никита Данилов Гушин;
- 2) Дер. Внуково прихода с. Кожино – Иван Иванов Дубов;
- 3) С. Пестяки – Василий Степанов Хромушин

Из наставниц – крестьянка д. Овиницы Бережковского прихода – Дарья Иванова.

Никита Гушин славился среди староверов начитанностью и как мученик за веру, так за свои дерзкие хулы на православную Церковь он подвергался полуторогоди́чному тюремному заключению. Гушин человек не особенно начитанный, но зато обладая даром слова, он умел искусно перетолковать по-своему многие места старопечатных книг. Это и доставило ему особенное уважение со стороны староверов, которые слепо верили ему во всем. Другой наставник нетовцев – Дубов по своей начитанности превосходил Гущина, но не пользовался

¹³ «Отчёт о деятельности православного братства Святого Благоверного Великого князя Александра Невского за 1895-1896 год». – Вязники, 1897. – стр. 390.

¹⁴ «Отчёт о деятельности православного братства Святого Благоверного Великого князя Александра Невского за 1897-1898 год». – Вязники, 1899. – стр. 227.

таким, как Гушин, уважением со стороны старообрядцев за свои личные качества. Хромушин – последователь известного Ковровского учителя Першина и находился с ним в близких отношениях. Дарья Иванова не особенно начитанная, но пользовалась большим уважением. Зная это, приходский священник о. Леонтий Троицкий обращал особенное внимание на эту наставницу и устраивал несколько частных бесед в ее доме в присутствии многих других нетовцев.

Беседы пастыря, проникнутые силою убеждений и отеческою любовью к заблудшим, заметно производили на нее сильное впечатление. На одной из бесед, предметом которой служил вопрос о необходимости для спасения таинства св. прочищения, Дарья Иванова решительно заявила священнику Троицкому: *«Как пред Богом говорю Вам, батюшка, что отныне не скажу я своим старухам (т. е. последовательницам нетовщины) ни одного слова против греко-русской Церкви, потому что многие книги говорят, что без причастия не спасешься, а оно находится только в вашей Церкви»*. Православные священники считали, что эта наставница близка уже к православию; в случае ее присоединения к православной Церкви, ожидалось, что ее примеру последуют и многие из руководимых ею нетовцев¹⁵.

І. Беспоповцы. а) Брачники (поморцы). Беспоповцы поморского толка были не так многочисленны, как нетовцы. Средоточием поморцев служила д.Выезд Красносельского прихода. Поморцы не пользовались расположением со стороны староверов других толков; особенно же не любили их нетовцы и в насмешку звали их «перекувырдышами» за то, что они перекрещивают всех переходящих в их секту. Во главе поморцев стояли следующие наставники: села Кром крестьянин Михаил Денисов Чернов и крестьянин деревни Голышево Пестяковского прихода Никита Иванов Мозолькин. Последний пользовался известностью преимущественно за свою «писательскую» деятельность. Он сочинил «Ответы на вопросы», данные ему миссионером Т.Николаевым и священником села Пестяки В.Голубевым и отпечатал их на гектографе во множестве экземпляров. Эти «Ответы» быстро распространились по Гороховецкому уезду и пользовались уважением у староверов, то местный священник о. Василий Голубев, один из выдающихся пастырей Гороховецкого уезда, счел своим долгом сделать посильное опровержение и критический разбор этих «Ответов». Труд о. Василия Голубева, в 1896 году был отпечатан на страницах «Братского слова».

І. Беспоповцы. б) Федосеевцы. Что касается толка федосеевцев, то можно сказать, что они, живя разбросанно по деревням и селам уезда, далеко не пользовались таким значением, как староверы

¹⁵ «Отчёт о деятельности православного братства Святого Благоверного Великого князя Александра Невского за 1897-1898 год». – Вязники, 1899. – стр. 229-232.

других толков. Не было между ними и особенно видных наставников¹⁶.

II. Поповцы. а) Кроме староверов беспоповского направления, в Гороховецком уезде проживали и поповцы. Они в свою очередь здесь делились на два толка: беглопоповцев и принимающих австрийское священство. Беглопоповцы встречались лишь единицами. Австрийцы, которых староверы других сект называют «немцами», тоже были не многочисленны. Центром австрийщины служили с Пестяки и д.Перово Вязниковского уезда¹⁷, но причисленная к приходу Георгиевской слободы Гороховецкого уезда.

Здесь службы проводил Онисим Швецов епископ Уральский, во время своих приездов на родину. До 1896 при «церкви» не было особого попа и службы в ней отправлялись лишь самим Швецовым или в его отсутствие «канонархом» Иваном Никифоровым Яшиным. В последний свой приезд на родину к дням св. Пасхи Швецов заметив, что единоверные его братья-австрийцы, под влиянием беседы с православным миссионером Т.Николаевым и местным священником о. Леонидом Кантовым, начинают сомневаться и колебаться в «вере», утвердил постоянного попа, таковым, по ходатайству Швецова, и был сделан «канонарх» той же «Церкви» Яшин, который и получил от московского архиерея Савватия хиротонию, а от известного фабриканта Арсения Морозова и денежное пособие в размере 200 р. В доме Яшина помещалась довольно значительная старообрядческая библиотека (в ней хранилось более 200 рукописей и книг), составленная Швецовым преимущественно из подпольных произведений старообрядческой литературы.

Подобные перовские старообрядческие библиотеки, вероятно, существовали и в других местах Гороховецкого уезда. Это можно предполагать на том основании, что в Гороховецком уезде было сильно, вообще, распространены произведения староверческой литературы и даже во многих местах уезда старообрядцы выходили на беседы с православными миссионерами, запасшись подпольными гектографированными и рукописными тетрадками, из которых и заимствовали свои возражения. Распространение подобных произведений в значительной степени содействовал все тот же О.В. Швецов, который в каждый свой приезд на родину привозил с собою для раздачи староверам массу разных книг и брошюр¹⁸.

Из второстепенных руководителей «австрийцев» в Гороховецком уезде наиболее видными являлись крестьяне д.Кашарят, Верхне-Ландеховского прихода, Афанасий Васильев Григорыч и его сын

¹⁶ «Отчёт о деятельности православного братства Святого Благоверного Великого князя Александра Невского за 1897-1898 год». – Вязники, 1899. – стр. 228.

¹⁷ «Отчёт о деятельности православного братства Святого Благоверного Великого князя Александра Невского за 1895-1896 год». – Вязники, 1897. – стр. 441.

¹⁸ «Отчёт о деятельности православного братства Святого Благоверного Великого князя Александра Невского за 1895-1896 год». – Вязники, 1897. – стр. 417.

Василий и с.Пестяков, Иван Егоров Кукин. Григорьевы особенно известны тем, что состояли в близких отношениях со многими выдающимися «расколоучителями», от которых и получали массу гектографированных брошюр. Григорьевы охотно выступали на беседы с миссионером Т. Николаевым и приходскими священниками.

Второй после Григорьевых «расколоучитель» Кукин не пользовался таким, как они, значением, но все-таки довольно известен был в Гороховецком уезде вследствие своих частных встреч с епископом уральским и оренбургским Арсением (Онисимом Швецовым), который иногда приезжал даже в его моленную¹⁹.

Старообрядческая школа в д.Выезд

Малоизвестен факт, что основатель всемирно известного в начале XX века Гороховецкого котельно-судостроительного завода крестьянин И.А.Шорин был старообрядцем поморско-брачного согласия.

Иван Александрович Шорин родился в 1860 году в д. Выезд Гороховецкого уезда в крестьянской семье. В то время детей старообрядцев не принимали в школу. Иван Шорин рос самоучкой. Многие из мужиков, чтобы прокормить семьи, вынуждены были уходить из деревни на заработки. Особенно много уезжало в другие города по котельному делу. Профессия котельщиков передавалась в семье по наследству, из поколения в поколение. Иван Шорин продолжил дело родителей.

И.А.Шорин был и известным благотворителем. На его средства были построены детский приют и пожарное депо в с.Красном (с 1961 года в черте г.Гороховца), но самое интересное – старообрядческая поморско-брачного согласия школа в д.Выезд, находящейся в 2-х верстах от Гороховца.

Торжественное открытие состоялось 13 ноября 1912 года в праздник Св. Иоанна Златоустого. О большом значении этого события для старообрядчества свидетельствует и тот факт, что об этом празднике очень подробно писал известный среди староверов журнал «Щит веры», в рубрике «Церковно-общественная жизнь».

Среди выступающих на открытии:

Молодов А.А. – Председатель Совета Нижегородской Общины старообрядцев-Поморцев;

Шорин М.И. – управляющий судостроительным заводом, сын И.А. Шорина;

Караваев Р.В. – преподаватель Закона Божия.

Речь А.А.Молодов была долгой. Говорил он о том, как нужны староверам школы и учителя, какое благо сделал для всех И. А. Шорин и

¹⁹ «Отчёт о деятельности православного братства Святого Благоверного Великого князя Александра Невского за 1895-1896 год». – Вязники, 1897. – стр. 442.

все должны молиться за него: *«Дети! ради Христа вась всех прошу: молитесь, вставая отъ сна, молитесь, садясь обедать, молитесь, ложась спать, за нашего достопочтенного ревнителя, брата по вере Ивана Александровича Шорина».*

После этого сыном И.А. Шорина – Михаилом Ивановичем была сказана речь, в которой была отмечена «неблаговидность и непристойность разных выражений и действий старших в своих семьях в присутствии детей».

Школа была рассчитана на 100 человек учащихся, но могла вместить и больше, в день открытия записалось 76 детей²⁰.

*Иван Александрович Шорин (1860-1918),
владелец судостроительного завода,
благотворитель,
старообрядец поморско-брачного согласия*

²⁰ Щит веры. – 1913. – №7. – с.534-542.

Век XX

Как бы это ни было странно, но тяга к отшельничеству, уходу в леса от мира стала опять проявляться в России после государственного переворота 25 октября 1917 года. Силою насаждаемый атеизм и старообрядцы и приверженцы господствующей церкви в XX веке воспринимали примерно также, как их предки реформы патриарха Никона в XVII веке. И так же как тогда некоторые укрывались в За-клязьменских лесах. Вот о чем рассказал гороховецкому краеведу Николаю Ивановичу Андрееву в письме от 12.06.1976 года известный

Епископ уральский и
оренбургский Арсений
(Онисим Швецов)

во Владимирской, Горьковской и Костромской областях замечательный знаток лесного дела, ныне покойный, главный лесничий Гороховецкого военлесхоза, автор книги «В Приклязьменских лесах» (Горький, 1961) Борис Африканович Зу-бков: *«В пятидесятых годах в Ярополческом бору, километрах в шести от посёлка Санхор жил в ветхой землянке бывший монах Демьян... Демьян остался в лесу (после разгона Флорищевой пустыни – прим. автора) и жил там много лет. Лесничий Кучумов рассказал, что проходя раз мимо землянки Демьяна он слышал, как тот служил, сам только для себя, вечерню пел и читал все что положено по требнику. Позднее у Демьяна появилась какая-то женщина... Это случилось на самом склоне Демьяновых лет...»*

Однако вероятно последним отшельником за Клязьмой следует считать крестьянина села Перово Вязниковского района старообрядца поповского толка Василия Алексеевича Яшина (1904-1969гг.). Вернувшись инвалидом с Великой Отечественной войны, он, несмотря на то, что у него была семья, выкопал в пустом огороде ныне исчезнувшей заклязьменской Егорьевской слободы землянку, где постоянно жил, молился и читал священное писание.

Брат В.А.Яшина Федор Николаевич был женат на Александре Швецовой из д.Ильина Гора, вероятно, родственнице Онисима Швецова (епископа уральского и оренбургского Арсения)²¹.

²¹ Андреев Н.И. Гороховецкая историческая хроника. – Сборник краеведческих статей, выпуск третий. – Владимир, 2008. – с.54.

ИЗ РУКОПИСИ ФРАНЦУЗСКОГО ШПИОНА ОБ ИКОНОПИСЦАХ

Эта рукопись хранится в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО). Доклад Сешеля Дюлонга «Об уральской иконописи» был прочитан на заседании Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) в 1923 году.

Об авторе статьи. Сешель Дюлонг – француз, приезжал на уральскую землю с целью промышленного шпионажа. Его интересовала работа платиновых приисков на Северном Урале. Вояж Дюлонга был законспирирован, он работал под прикрытием Красного Креста, привозившего в голодное время продукты питания. Француз для сохранения своей основной тайны интересовался старообрядческими иконописцами, посещал церкви и часовни. Сешель вел бурную жизнь, даже женился на Урале. Заметим о женах. Они были у него в разных местах проживания. Чекисты накрыли «лавочку Красного Креста». Француз спешно уехал, оставив уральскую жену Татьяну Шилкову. Многие историки говорят, что Дюлонг коллекционировал иконы. При бегстве с Урала он мог захватить на память не больше двух-трех икон. Судебный процесс был громким, начиналась эпоха сталинизма. Так сына основателя УОЛЕ Модеста Онисимовича Клера (швейцарского гражданина) приговорили к расстрелу, но затем заменили десятью годам лагерей. Клер в то время был заведующим горноразведочной частью треста «Уралплитина» и передал несколько документов Дюлонгу.

Сешель встречался в Екатеринбурге с иконописцем Гаврилом Семеновичем Романовым, выходцем из Московской губернии, который рассказал о своей семье.

Теперь выдержки из доклада.

«Заметки, которые я сейчас дам по вопросу уральского иконописания, нельзя считать за окончательную работу. Список иконописцев, который я укажу впереди, безусловно, неполный.

До сего времени этот предмет никогда не был обработан, и я не могу с первых шагов его представить обработанным в совершенстве.

Вся моя надежда теперь на то, что мои скромные заметки дадут возможность для дальнейшей обработки и изучения этого вопроса»¹.

«Прежде чем говорить об уральских иконописцах, я постараюсь, дать картину иконописания на конце 17-го века, т. е. когда старообрядцы переселились на Урал, и дали начало иконописанию.

¹ ГАСО. Ф. 101. Оп. 3. Д. 51. Л. 92.

В то время представителем русского иконописания являлся Семен Ушаков (1626 – 1686), так далеко от искусства Рублева, как в итальянской школе Carlo Dolci, который жил в тоже время от Sandro Botticelli.

На иконописание этого времени, к несчастью, повлияли иностранные, в особенности, голландские художники второй степени, которые в 17-ом веке приехали в Россию, и жили при дворце.

По поводу иконописания того времени протопоп Аввакум сказал: «Пишут Спасов образ Еммануила, лице одутловато, уста червонная, власы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надутые, тако же и у ног бедра толстые, и весь яко немчин брюхат и толст учинен, лишю сабли той при бедре не написано».

Сам патриарх Никон, хотя и готовый принять, что-нибудь новое, не мог терпеть таких икон и велел, уничтожать. Он даже розсердился, бросал их на пол и топтал ногами»².

«Для изучения вопроса, я посетил часовни безпоповцев города Екатеринбург, села Шарташа, Невьянского и Н-Тагильского заводов.

У меня времени не хватило, посетить другие часовни, как, например, часовни австрийской веры, белокриницы. Старообрядцы этой веры, хотя и поселились на Урале гораздо позже других, но так как были очень богаты, купили много икон.

Интересные иконы также находятся в частных домах, чтобы их найти, надо было бы иметь много свободного времени»³.

«Второй по порядку, Григорий Андреевич Перетрутов, [его] нельзя считать уральским иконописцем. Он был царский иконописец при Петре Первом и бежал на Урал в начале 18-го века. Причина его бегства была, наверняка, запрещение писать иконы с изображением на них двуперстного сложения.

«Под жестоким наказанием, — говорит в этом приказании, — не дозволено иконописцам изображать на иконах раскольнические крестосложения». («Обзор Мин. внутр. дел по расколу», стр.11.). («Уральский старообрядец», 1915, № 11, стр. 21. «Исторические очерки уральского старообрядчества» А. Кузнецова.).

В Нижнем Тагиле, где он поселился, он принял иночество от священноинока Иова и принял имя Гурий.

По приказанию Петра I, Гурия несколько раз приезжали разыскивать особые посланные, но, говорят старообрядцы: «Господь помог укрыться ему от преследования».

О работе Перетрутова я решительно ничего не могу сказать, т. к. я ничего от него не видел. Говорят, есть в Н. Тагиле иконы, писанные им в частных домах»⁴.

² Там же. Л. 95.

³ Там же. Л. 96.

⁴ Там же. Л. 98.

«Отец Паисей жил в 18-ом веке, но когда родился и умер, и где он жил неизвестно.

Его произведений я не видел, но, по словам Гавриила Семеновича Романова, особенно компетентного, т. к. он последний уральский иконописец жив: «Работа отца Паисея гораздо мягче, чем работа отца Григория»⁵.

«Романовы так же, как и Богатыревы, целая семья. Интересно было бы написать историю этой семьи.

Ефим Ефимович жил во время Николая I, Александра II, имел три сына: Филат Ефимович и два Семена. Второй Семен умер в 1884-ом году. Он же имел два сына.

Первый, Андрей Семенович, умер в 1921 г. От него есть в [Н.] Тагильской часовне икона «Жизнь Иисуса Христа», очень красивая.

Второй сын, Гавриил Семенович, еще жив до сих пор. Он самый лучший иконописец из оставшихся еще в живых»⁶.

Сергей Сергеевич Михайлов

НОВАЯ КНИГА ПО ИСТОРИИ ЦЕРКВИ

Совсем недавно увидела свет очередная книга Николая Николаевича Селезнева ***Pax Christiana et Pax Islamica. Из истории межконфессиональных связей на средневековом Ближнем Востоке.*** М., 2014. Книга издана Российским Государственным Гуманитарным Университетом (РГГУ) в почтенной серии «Труды Института восточных культур и античности». Автор известен как прекрасный специалист по истории Церкви, ее Древних Восточных ответвлений.

К величайшему сожалению, наши специалисты по старообрядчеству зачастую игнорируют тему Древних Восточных Церквей. Это было и до 1917 года, это характерно и ныне. Раньше все более-менее ясно: эти юрисдикции, которые ассоциируются у «православного» люда исключительно с «ересями», были загнаны в места традиционного проживания на обочину и, разве что кроме представителей Армянской Церкви, широкой общественности знакомы не были. Но после печально известной резни времен Первой Мировой войны на территории Турции, также более известной как трагедия армянского народа, в российских городах появились общины адептов Ассирийской Церкви Востока, или «Несторианской». С 1920-х гг. Начинается история ассирийцев в России (не Российской Империи, а в самой,

⁵ Там же. Л. 99.

⁶ Там же. Л. 100-101.

● Orientalia
et Classica
XIV

Н.Н. Селезнев

Pax Christiana et Pax Islamica

Из истории межконфессиональных связей
на средневековом Ближнем Востоке

«настоящей» России). С беженцами прибыли их священники и диаконы, в основном – духовенство сел в Турции и Иране, откуда были сами переселенцы. Открывать храмы и создавать структуры они не могли, поскольку на дворе была советская власть. Кто-то из них со временем покинул страну, кто-то стал жертвой сталинских репрессий. Последние, которые неофициально окормляли ассирийскую паству, дожили до 1950-х – 1960-х гг. Паства же еще с раннего этапа времени проживания в России стала ориентироваться на храмы Русской Православной Церкви. Дело дошло до того, что подавляющее большинство ассирийцев стали считать себя православными и многие даже уверены, что у них и русских испокон веков была идентичная религия.

Структуры Ассирийской Церкви Востока стали возрождаться у нас только после падения «железного занавеса» в 1990-х гг. В 1996-1998 гг. в Москве, на Дубровке, была построена первая в России церковь Март-Марьям (Девы Марии). В настоящее время есть общины в Краснодарском крае, Ростове-на-Дону и некоторых других местах. Тем не менее, большинство российских ассирийцев продолжает ориентироваться на храмы РПЦ.

Когда заходит речь об ассирийском христианстве, нельзя забывать, что в период своего расцвета, в домонгольское время, его миссионеры доходили до Индии и Китая. Под началом патриарха, который имел резиденцию в Багдаде, было 25 митрополий и 146 епископий. Расцвет Церкви был подорван нашествием Чингис-хана, а потом погромами Тамерлана. Адепты Ассирийской Церкви уцелели только в горах Курдистана (собственно этнические ассирийцы) и на юге Индии.

В старообрядческих преданиях о Беловодье можно встретить упоминание о некой Церкви со своей иерархией, которая была в Японском царстве. Церковь эта была сирийского Антиохийского происхождения. Намек на ассирийское христианство очевиден. Такая Церковь вполне могла существовать на Японских островах, ее там могли основать ассирийские миссионеры. Скорее всего, остатки общин этой Церкви были уничтожены после прибытия в Японию европейцев: здесь стали хозяйничать иезуиты, по наущению которых власти могли добить остатки «не того» христианства. Для католиков христиане других конфессий всегда были явлением нежелательным. Когда европейцы-католики доплыли до Индии, там также начались преследования местных древних христианских общин, прежде всего яковитов. Но индийская традиция не позволила развернуть широкий геноцид. Специфика Японии – совсем иное дело. Там, добившись расположения вла-

стей, легко можно было убрать небольшую неудобную группу населения.

Почему же старообрядцы, стремившиеся к Беловодью, вдруг нашли его в преданиях о той Церкви, которую традиционно православная традиция именует ересью. Вот тут нам помогают некоторые моменты, которые Н.Н. Селезнев затронул в своем исследовании. Не ставя своей целью специально рассмотреть этот важный для нас момент, автор несколько раз упоминает о крестном знамении, которое в т.н. «несторианстве» бытовало. Это было то же крестное знамение, что и у т.н. «мелькиотов», т.е. приверженцев византийского православного обряда. Было это в IX–X вв, то есть в период, предшествовавший началу официальной христианизации Руси. Об этом моменте было известно и ряду русских исследователей Церкви: Филарету (Гумилевскому), профессору Н.Ф. Каптереву. (см. Н. Селезнев, стр. 51–53). Восточносирийское совершение крестного знамения, идентичное древнему православному, разнилось с коптским, западно-сирийским (яковитским) и, со временем, также армянским. В настоящий момент, на мой взгляд, явно под влиянием ближневосточного православия, ассирийцы крестятся также как и никониане. Отметим, однако, что Н.Н. Селезнев приводит выдержку из арабоязычного коптского письменного памятника, в котором его автор–копт критикует армян за *двуперстие!* (стр. 102, прим. 176).

Здесь, на наш взгляд, надо вспомнить и одного из авторов позапрошлого столетия, Василия Михайловского, который в 1865 году, в Санкт-Петербурге, издал книгу «Нынешние несториане. Их учение и богослужение». Анализируя учение Ассирийской Церкви, этот автор даже приходит к выводу, что «...Их скорее прилично бы назвать раскольниками, чем еретиками...» (стр.19–20). Получается, что «несторианское» учение, вопреки тому, что о нем принято говорить православными богословами, в этой части не расходится с православным.

Мы полагаем, что все древние расколы в Церкви, начинавшиеся вроде как из богословских споров, имели под собой прежде всего политическую подоплеку. Византийское православие изначально было исключительно греческой верой, латинство – итальянской. «Варварские» народы Европы, дабы не попасть под подчинения ни тем, ни другим, выбрали арианское христианство, которое в самой Византии после известного спора уже не существовало. Монофизитство распространилось среди западных сирийцев (последующих яковитов) и коренных египтян – коптов, позднее на Кавказе. Монофелитство – среди ливанских горцев (последующих маронитов). Т.н. «несторианство» пустило корни среди восточных сирийцев, потомки которых и есть

нынешние ассирийцы. Они стали распространять веру далее в глубь Азии, просветив жителей многих земель. Несторианами, например, были уйгуры (один из патриархов был этническим уйгуром), а также монгольский племенной союз кераитов. Последние одно время управлялись правителем по имени Юханна (ассирийский вариант имени Иоанн). Благодаря этому на Западе и возникла легенда о Царстве Пресвитера Иоанна, одно время очень популярная. После подчинения кераитов Чингис-ханом, они влились в общее монгольское войско и участвовали в походе на Русь. Короче, разные, отличные от латинства и православия течения выбирались как национальные Церкви, дабы избежать духовного и политического закабаления, каковое автоматически наступало при выборе одной из этих двух вер.

Не исключено, что в наши земли этот вариант христианства проникал и прежде, через купцов и миссионеров. Возможно, что адепты этой Церкви внесли свою лепту в распространение Христова учения на Руси. Здесь, кстати, мы выходим на тему проникновения Христовой Веры на Русь помимо Византии, как с Востока, так и с Запада. Историю, как известно, пишут победители, и они всегда стараются тщательно подчищать все неудобное. Это отдельная тема для разговора.

Нашим старообрядцам было бы неплохо проявить больший интерес к Ассирийской Церкви Востока и ее истории. Здесь будет найдено немало полезного для нашего староверия. Думаю, что стремление к некоей иерархии, которая однозначно имела ассирийское происхождение, которая была подразумеваема под вроде бы мифическим «Беловодьем», не случайно. Возможно, ассирийская (или восточно-сирийская, как ее можно также именовать) традиция была когда-то известна русскому «православному» человеку. Также сохранялась память о том, где таковая традиция бытовала. Посему и возникли предания о Церкви антиохийского сирийского происхождения, которая сохранялась на Японских островах.

Русским старообрядцам давно уже нечего искать в официальной Русской Православной Церкви, которая уже очень далеко ушла от дораскольной традиции и фактически превращена в казенную веру. Но на Древнюю дохалкидонскую и доэфесскую Церковь, о которой мы говорили выше, следовало бы обратить больше внимания.

МЕЩЁРА-КРАЙ 2015

Альманах по истории и культуре
Мещёрского края

Редактор-составитель С.С.Михайлов

Компьютерная верстка Т.В.Константиновой

